

Карел Яромир
Эрбен

КАРЕЛ ЯРОМИР *Милетич* ~~ЭРБЕН~~

Перевод с чешского

ОГИЗ
Государственное издательство
художественной литературы
1948

Общая редакция проф. П. Г. Богатырева

*Редакция стихотворных текстов
М. Зенкевича и М. Голодного*

*Обложка, титул, заставки и буквицы
художника В. И. ТАУБЕРА*

КАРЕЛ ЯРОМИР ЭРБЕН

Чешская литература XIX века чрезвычайно тесно связана с народным творчеством. Интерес к фольклору, вообще характерный для эпохи романтизма, имел в Чехии свое особое значение. Как известно, насильственное опесмеживание чешского населения и гонения на чешскую культуру едва не привели в XVIII веке к полному исчезновению чешской письменности. Высшие слои общества были немецкими, национальные традиции и богатства языка сохранились низшими слоями общества в провинции и, главным образом, в деревне. На эти традиции, на самобытную и глубоко национальную культуру и опиралась в своем развитии новая чешская литература, выросшая вместе с подъемом национального движения. Крупнейшие чешские писатели и поэты первой половины XIX века, как правило, были одновременно выдающимися собирателями и издателями фольклора. Франтишек Челяковский составил антологию песен славянских народов и собрание славянских пословиц. Ян Коллар — собрание словацких песен. Много сказок собрала Боженой Немцовой.

Параллельно с освоением чешского фольклора разворачивается широкое изучение фольклора и культуры других славянских народов. Для чехов, как и для всех западных и южных славян, осознание своей принадлежности к большому и сильному «славянскому племени» было поддержкой в нацио-

нально-освободительном движении и в создании национальной культуры.

Одним из ярчайших представителей так называемой «народной школы», все творчество которой уходит своими корнями в фольклор, является и великий чешский поэт Карел Яромир Эрбен (1811—1870). Он родился в небольшом провинциальном городке Милетине, в семье сапожника. Уже в гимназии Эрбен столкнулся с угнетением чехов немцами. В то время преподавание в Чехии велось почти исключительно на немецком языке. Учебники также были немецкими. Эрбену приходилось переносить большие материальные трудности, и он вынужден был зарабатывать на хлеб частными уроками. «В течение шести лет, — писал он впоследствии, — приходилось бороться не только с немецчиной и школьными книгами, но еще больше с потребностями жизни». Сильное влияние оказали на Эрбена патристически настроенные учителя. Уже первое его стихотворение «Звичинский сонет» носит антинемецкий характер. Формой сонета Эрбен засвидетельствовал здесь свои симпатии певцу «славянской взаимности» — Яну Коллару (сонет был излюбленной строфой Яна Коллара).

В университете Эрбен увлекается чешской историей. В течение нескольких лет он работает над чешскими историческими рукописями. На каникулах с товарищами-студентами Эрбен совершает экскурсии к историческим местам, к развалинам старых чешских замков — памятникам былой независимости Чехии.

Ранние вещи Эрбена испытали на себе влияние одного из крупнейших чешских романтиков, современника Эрбена — Карела Гинека Махи. Певец мировой скорби, бунтарь, восставший против всего современного ему общества и его уклада, Карел Гинек Маха обладал необыкновенно сильным лирическим талантом. Однако с самого начала Эрбена отличает от Махи его ориентация на фольклор. Влияние Махи сказалось в основном только на формальной стороне произведений Эрбена и постепенно убывает в его творчестве.

Это влияние можно проследить на ряде стихотворений Эрбена, а также в наброске «Загоржа», где материал народной

легенды облекается Эрбеном в форму романтической поэмы о таинственном злодее. Но уже здесь Эрбена сближает с фольклором конкретность в обрисовке образа героя и повествовательный характер произведения.

Эрбен проявляет большой интерес также к польским романтикам. Известность последних в Чехии особенно возросла после польского восстания 1830 года. Так же как и идеи Июльской революции 30-го года во Франции, идеи национально-освободительного восстания были созвучны настроениям передового чешского общества того времени.

Популярным литературным жанром 30-х годов в Чехии была песня. Песня, положенная на музыку, легче, чем книга, ироничала в народ, укрепляя любовь к родному языку среди городского населения. Ранние стихотворения Эрбена также носят песенный характер: «Доброй ночи», «Единство», «Вечер», «Горец-чех», «Призыв к радости» и др. Почти все они были положены на музыку.

Основным содержанием ранней лирики Эрбена является тема поработенной родины. От романтики тайн и кладбищенских мотивов Эрбен постепенно отходит. Тема же родины, прозвучавшая уже в первом стихотворении, занимает центральное место во всем его творчестве. Несмотря на умеренность своих политических взглядов, Эрбен на протяжении всей своей жизни остро ощущал тяжесть немецкого гнета. В его письмах часто встречаются слова горькой обиды и протеста против засилия немцев. Стремлением усилить патриотическое сознание чешского народа, способствовать, в противовес онемечиванию, развитию богатой национальной культуры, определяется весь творческий путь Эрбена. Отсюда и его исключительный интерес к фольклору. Эрбен прекрасно понимал значение фольклора в деле создания национальной культуры. В письме словенскому поэту Станко Вразу он пишет: «Только изучение простого народа, его души и особенностей его характера может быть источником расцвета подлинно национального искусства». Эрбен указывал, что и идеи, и слог, и стих уже даны в народном творчестве. Нужно уметь их понять и освоить.

Из фольклорных жанров Эрбена особенно привлекает баллада. На материале народных легенд и преданий он создает свои баллады. В 1834 году им написаны «Полудница» и «Незванный гость», в 1837 году создана баллада «Клад». Опубликование ее в 1838 году принесло Эрбену крупный успех.

По окончании университета Эрбен работает в пражском суде, принимая одновременно активное участие в общественной жизни: участвует в организации студенческой читальни и в устройстве чешских балов — больших патриотических вечеров, позднее ведет большую работу в Чешской Матиде и Чешском музее — национальных центрах культурной и научной жизни.

Патриотически настроенные литераторы и ученые часто собирались по вечерам. Среди гостей бывали и русские ученые: П. И. Прейс, И. М. Бодянский, И. И. Срезневский.

Чешско-русские культурные связи завязываются еще в конце XVIII и начале XIX веков. Выражением растущих симпатий чехов к братскому русскому народу, самому большому и самому сильному из славянских народов, был, в частности, повышенный интерес к русской культуре. С самого начала XIX века чешские писатели обращаются к русской поэзии. В 10-х годах XIX века русские народные песни послужили источником для целого ряда песен Вацлава Гавки. В 20-е годы Ян Коллар выступает со своей знаменитой идеей «славянской взаимности» и воспевает славянство в поэме «Дочь Славы». В 29-м году Франтишек Челяковский издает прославившее его «Эхо русских песен». Учащаются поездки в Чехию русских ученых.

Встречи чешских патриотов с русскими учеными превращались в настоящие праздники славянской дружбы. В записную книжку Срезневскому Эрбен написал стихотворение:

Будь Москва то, будь то Прага,
наша родина — одна.
Если жизни цель — она,
значит вместе быть нам — благо.

Колларфская идея единения всех славян прочно живет в сознании Эрбена.

Знакомство Эрбена со Срезневским переросло в настоящую большую дружбу. В течение всей своей жизни они активно переписывались. С Бодянским в 1842 году Эрбен путешествует по Ходску (область, населенная ходами, лучше других, сохранила старый чешский быт, народные обычаи и фольклор). В эту поездку Эрбену удалось записать много песен и сказок. Среди последних находился и материал, использованный Эрбеном при создании баллады «Свадебные рубашки».

Собирать фольклор Эрбен начал еще в школьные годы. Теперь вокруг него образовался уже целый коллектив корреспондентов. Завязывается переписка с рядом славянских ученых и литераторов, интересующихся фольклором. В 1841 году Эрбен издает первый том «Чешских народных песен». В 43-м и 45-м годах вышли еще два тома. «Чешские народные песни» Эрбена были самым полным и лучшим из существовавших в то время собраний чешских песен. В большом количестве были представлены в сборнике народные баллады. Эрбен снабдил издание комментариями и статьей о славянских народных песнях.

Интерес Эрбена к народному творчеству не ограничивался чешским фольклором. Он делает переводы польских баллад, переводит ряд сербских песен из цикла Кралевица Марка, а также хорватскую «Песнь Иллиров» Деметра. Эрбен мечтает вслед за Челяковским составить антологию славянских песен.

Уже в начале 40-х годов Эрбен задумывает также издать собрание чешских сказок. Одновременно и сам он пробует свои силы в этом жанре. Первые его сказки носят характер сказочных повелл с элементами сатиры на чиновничий бюрократизм («Святой Степан», «Глупый Куба» и др.). В ранних сказках Эрбена нет еще простоты и лаконичности народной сказки. В 1844 году выходят «Три пряжи» и «Хорошо, что есть смерть на свете». Работа над сказками сказалась в одной из лучших баллад Эрбена «Золотой прялке».

В 40-х годах Эрбен много путешествует по Чехии в целях изучения архивов и собирания чешских исторических памятников. Во время этих поездок,ряду с историческими

взысканиями Эрбен ведет этнографические наблюдения и записывает песни, легенды, сказки. Глубокое впечатление произвело на Эрбена посещение Табора и Собеслава — исторических центров гуситского движения. Огромная безлюдная площадь, двойные крепостные стены, пустая крепость напоминали кладбище.

К концу 40-х годов Эрбен — признанный крупный ученый. Ему принадлежит уже целый ряд исследований в области чешской истории и фольклора. Он участвовал в издании первого тома «Избранных произведений старой чешской литературы» (1845). Выход в свет «Чешских народных песен» поставил Эрбена во главе чешской этнографической науки.

В 1845 году Эрбена приглашают войти в языковедческую комиссию Чешской Матицы. В 1848 году его избирают заместителем Юнгманна в комитете Матицы и экстраординарным членом Чешского научного общества. С 1849 года Эрбен — действительный член Чешского научного общества.

В событиях 48-го года Эрбен участвовал на стороне национально-либеральной партии, которая, как известно, выступая против засилья немцев, стояла за федерализацию Австрии без существенных социальных преобразований. Много было сделано им по подготовке Славянского съезда. Эрбену было поручено приглашение на съезд представителей южных славян.

После поражения пражского восстания 1848 года Эрбен соглашается редактировать правительственную «Пражскую газету». Однако газета не смогла сохранить либерального характера. Очутившись в ложном положении, Эрбен находился в постоянной борьбе с самим собой. С усилением реакции он уходит из газеты. Оппозицию Эрбена к правительству отражает сатирическое стихотворение этого времени «Фердачек наш», написанное по поводу отречения Фердинанда V. В стихотворении выражается твердая вера в освобождение чешского народа:

На своем стой, народ!
Час свободы придет!

В течение года Эрбен живет в Вене и участвует в работе терминологической комиссии¹. В 1851 году его выбирают архивариусом Праги.

Наступает период баховской² реакции. Закрываются газеты. Отменяется завоеванное в 48-м году равноправие чешского языка с немецким. Политические деятели подвергаются репрессиям. Замирает общественная жизнь. И вот среди гробового молчания раздается голос Эрбена — в 1853 выходит в свет «Букет».

«Букет» является вершиной поэтической деятельности Эрбена. Сборник содержит двенадцать баллад, составляющих единое художественное целое. Замысел поэта образно раскрывается первым стихотворением сборника, которое вместе с заключительным стихотворением является как бы ключом к пониманию целого. Используя народную сказку о цветке «душа матери», вырастающем на могиле матери в утешение осиротевшим детям, Эрбен преподносит читателю свой сборник как букет полевых цветов, сорванных на «древней могиле родины милой», — то есть как собрание стихотворений в духе народной поэзии, отражающих душу народа, его национальную самобытность и художественную одаренность.

В основу баллад сборника легли поэтические славянские поверья, легенды и сказки. На основании глубокого изучения самых разнообразных жанров не только чешского, но и вообще славянского фольклора Эрбену удалось создать серию баллад, отражающих ряд характерных мотивов славянского народного творчества. Но вместе с тем необходимо отметить склонность Эрбена выбирать из фольклора мотивы народных суеверий, мотивы борьбы человека с потусторонними силами. Последние нередко побеждают человека или же тяготект над ним. Эти мотивы отражают трагизм положения самого Эрбена. Веря в будущее Чехии, Эрбен все же не видел конкретного выхода, в частности он не пони-

¹ После признания (в 48-м году) равноправия славянских языков с немецким была создана так называемая терминологическая комиссия, задачей которой было составить административную и правоведческую терминологию для австрийских славян.

² Имеется в виду реакционный режим министерства Баха.

мал роли рабочего класса в освободительном движении чехов. Отсюда — идеализация патриархального крестьянского быта, и, вместе с тем, неуверенность, тревога, беспокойство, отсюда, наконец, и самый жанр баллады — сжатой трагедии.

Высокого художественного совершенства достигла в «Букете» стихотворная форма. Сказалось превосходное знание народной песни. Именно к чешской народной балладе восходит эрбеновский драматический диалог и напряженность действия. Ритмическая и звуковая выразительность стиха, простота и афористичность слога также являются следствием глубокого проникновения в народную песенную стихию. Высоким мастерством отличается рельефный эрбеновский пейзаж.

Ряд баллад «Букета» носит сказочный характер. Сказками в стихах являются «Золотая прилка» и «Поже Загоржа». Во второй из них чувствуются еще следы влияния Махи (романтический пейзаж, элегические мотивы). Однако образ таинственного злодея, выведенный в наброске «Загоржа», превратился теперь в образ сказочного великана.

Заключительное стихотворение «Букета» — политическая аллегория. В уста легендарной прорицательницы, приносящей в годину бедствий «ветвь надежды» своему народу, автор вкладывает слова горячей веры в будущее Чехии. Приклони ухо к земле — и ты услышишь звон колокола свободы... Стихотворение призывает чехов, моравян и словаков сплотиться и «ходить в храм через одни двери». Отдельные строки (например, конец первой части) почти совпадают с цитированными выше словами, произнесенными Эрбеном в сатирическом стихотворении 49-го года «Фердачек паш», где открыто выражалась надежда на возвращение 48-го года.

Ко всему сказанному следует добавить, что «Букет» должен был выйти к Новому году, благодаря чему сборник приобретал смысл поговорного пожелания. На обложке книги было изображено варито¹, скрещенное с мечом.

«Букет» является одним из лучших произведений чешской

¹ В а р и т о — старинный чешский музыкальный инструмент.

литературы. Наряду с «Маем» Махи и «Бабушкой» Божены Немцовой, это любимая книга читателей всех возрастов. С момента выхода «Букета» прогрессивные чешские писатели всех поколений обращались к Эрбену, как к своему предшественнику.

В 50-е годы Эрбен ведет большую научную и издательскую работу. Под его редакцией вышел 2-й том «Избранных произведений старой чешской литературы». Многие литературные памятники были подготовлены им к отдельному изданию. Среди них «Александриада», «Легенда о св. Екатерине», «Хроника Бартоша», «Лабиринт света и рай сердца» Яна Коменского, сочинения Яна Гуса и др. Эрбену же принадлежит громадный труд — «Свод дипломатических документов и исторических грамот Богемии и Моравии», а также целый ряд исследований в области чешской истории и славянского фольклора.

В то же время Эрбен не оставляет работы над сказками. Сказки Эрбена, как и его баллады, явились плодом серьезного и внимательного изучения народной поэзии. Эрбен превосходно знал сказки всех славянских народов. В частности, он высоко ценил русскую и украинскую сказку.

Красной нитью через все сказки Эрбена проходит идея торжества добра и правды над злом и насилием. В этой идее, характерной и для народной сказки, Эрбен видел отражение нравственной чистоты и силы народа.

Большой поэтичностью отличаются в сказках Эрбена образы, олицетворяющие явления и силы природы. Изображение самой природы отнюдь не служит у Эрбена целям украшения. Его пейзажи органически вплетаются в ткань произведения и тесно связаны с развитием действия сказки.

В сказках Эрбена отсутствует какая бы то ни было сентиментальность и литературная романтика. По форме они очень близки к народным сказкам. Читатель и воспринимает их как настоящие народные сказки. Вместе с тем они не являются простой стилизацией. Как и баллады, сказки Эрбена представляют собой синтетическое претворение мотивов славянской народной поэзии в оригинальные художественные произведения.

Целый ряд сказок Эрбена, в том числе «Три золотые во-

луса Деда-Всеведа», «Царевна-Золотоволоска» и др., заслуженно считаются шедеврами сказочного жанра.

Лаконичный и образный язык Эрбена, восходящий к языку народных сказок, признают образцом чешской прозы. О нем с восторгом отзываются не только лучшие писатели прошлого века, но и такие передовые писатели современной Чехословакии, как М. Майерова.

В 1861 году вышло новое издание «Букета». Объем сборника был значительно расширен за счет отдела «Песен», куда вошли многие произведения первого периода. Из новых стихотворений следует отметить балладу сказочного характера «Лилия» и кантату «Первая майская ночь», отличающуюся высокой музыкальностью стиха.

В 1861 году Эрбену предложили выставить свою кандидатуру в чешский сейм. Эрбен отказался, сославшись на состояние здоровья. Фактической причиной было засилье в сейме немецкого большинства. К этому времени относятся его патриотические стихотворения «На выборы», «Торжество в честь освящения знамени», а также «Песнь о победе у Домажлиц лета 1431». В последнем (снабженном по цензурным соображениям пометкой «Из старой рукописи») Эрбен в духе народной песни воспекает одну из славных побед чехов.

В 60-е годы Эрбен возвращается к систематической работе по изданию народных песен и сказок. В 1864 году вышли его «Простонародные чешские песни и пословицы», включавшие более 2200 текстов. Новое собрание отличалось от первого и расположением материала: песни были классифицированы тематически и по жанрам. Отдельно вышли ноты ко всем песенным текстам. «Простонародные чешские песни и пословицы» до сих пор остаются одним из лучших, подлинно научных изданий чешских песен. В сборнике строго соблюдается правильность текстов: песни напечатаны в том виде, в каком они были записаны. Наличие нот позволяет вести изучение песен, не отрывая их искусственно от напева.

В 1865 году Эрбен издает «Сто простонародных славянских сказок в оригиналах», или «Славянскую хрестоматию». Планы издания возникли у Эрбена еще в 53-м году, но в годы «баховского абсолютизма» выступить с книгой, «больше по-

ловины которой составляли русские сказки»¹, было невозможно. В 1869 году выходят «Избранные народные мифы и предания славянских народов» (без чешских). Сам Эрбен придавал сборнику политическое значение и видел в родстве славянского фольклора доказательство того, что, «несмотря на все стены, рвы и другие политические преграды, мы были и останемся детьми одной великой славянской семьи».

В 60-е годы усиливаются связи Эрбена с Россией. Эрбен всю жизнь был горячим другом русского народа и вел большую переписку с русскими учеными. Теперь же он становится как бы посредником в культурных связях между Чехией и Россией. После смерти Шафарика непосредственно к Эрбену обращаются приезжающие в Чехию русские ученые: А. Н. Пынин, А. Ф. Гильфердинг, А. А. Потебня, Н. И. Костомаров и др.

В 1867 году К. Я. Эрбен, в качестве гостя вместе с великим чешским художником И. Манесом и другими посещает Московскую этнографическую выставку.

«Поездка эта, — писал Эрбен, — останется для нас, участников ее, незабываемой во всех отношениях, потому что мы очень многое изучили и наши представления о русских значительно обогатились в их пользу. Что касается меня, то я должен признаться каждому: это самый искренний и самый сердечный народ».

Конец жизни Эрбен посвящает работе над русскими историческими и литературными памятниками. В 1867 году выходит его перевод Несторовской летописи, в 1869 году — перевод «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Переводы отличаются высокими художественными достоинствами. За эти труды многие русские ученые общества избирают Эрбена своим членом. Членом ряда русских ученых обществ, в том числе членом-корреспондентом русской Академии наук, Эрбен был избран еще в 50-е годы.

Творчество Эрбена занимает почетное место в сокровищнице чешской литературы. Значительное влияние оказало оно и на дальнейшее развитие чешской поэзии. В той или иной

¹ Слова Эрбена.

степени у Эрбена учились и испытали его влияние Ян Перуда, Витезслав Галек, словак Само Халупка, автор либретто знаменитой «Русалки» Дворжака — Ярослав Квашил, а также начинатель чешской пролетарской поэзии Иржи Волькер. Позднее баллада становится одним из излюбленных жанров чешской поэзии. Но в то время как основной проблемой творчества Эрбена была проблема национальная, поэты следующих поколений наполняют балладу новым, социальным, содержанием. Иржи Волькер явился создателем нового жанра — жанра социальной баллады.

Советскому читателю особенно близка в произведениях Эрбена проходящая через все его творчество идея национальной независимости и братства славянских народов — идея, полностью воплотившаяся в жизнь только в наши дни, благодаря героическим победам Советской Армии. Выход в свет избранных произведений Эрбена на русском языке несомненно будет встречен с большим удовлетворением советскими читателями.

С. Никольский

Б А Л Л А Д Ы

БУКЕТ ИЗ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

БУКЕТ

Как мать скончалась и ее схоронили,
сироты детки остались;
каждое утро на ее могиле
встречи с ней дожидались.

И загрустила мать по своим детям;
душа ее возвратилась,
и на могиле мелколистным цветом
выросла, расстелилась.

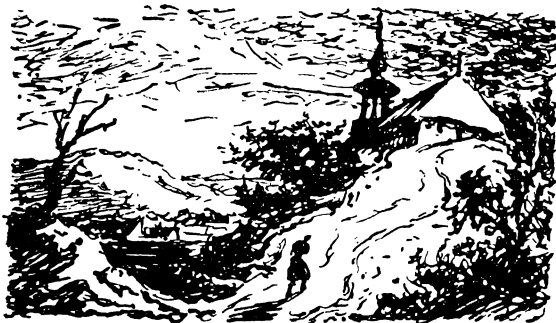
Почуяли детки родимой дыханье,
запрыгали, заиграли;
утешное травки этой благоуханье
мятой-душицей назвали.

Родина-мать, о твоей дивной силе
повествуют наши преданья!

Собрал я их на древней могиле
кому в назиданье?

Свяжу я их единым букетом,
лентой обовью широкой,
пошлю их по белому свету
дорогой далекой.

Может быть, почувяв свежее дыханье,
дочь твоя найдется,
может сын твой, слыша то благоуханье,
сердцем встрепенется!

К Л А Д

I

На пригорке среди буков
церковушка с малой вышкой;
с вышки льются волны звуков
через лес к деревне близкой.

То не колокол зовет,
отдаваясь за холмами:
било в доску ударяет,
люди собирая в божьем храме.

И спешат на эти клики
богомольною толпою
люди горною тропою —
к службе Пятницы великой . . .

В храме тихо, сумрак тмится;
в траурной алтарь оправе,

вышит крест на плащанице;
хор Христовы страсти славит.

Чье это мелькает платье,
там у леса на опушке?
Женщина с какой-то кладью,
жительница деревушки.
Из-за речки темным бором
в чистом праздничном наряде
поспешает шагом скорым
со своим родным дитятей.
Вниз торопится, стремится,
в храм поспеть она скорее:
он уж близко перед нею —
опоздать она боится.
Подойдя к речному лону,
вверх сильней спешит по склону;
так как ветра дуновенье,
пролетая по дубраве,
издали доносит пенье:
хор Христовы страсти славит.
Вот спешит она, но — скалы
вдруг пред ней встают стеною:
«Боже! Что со мною стало?
Что подеялось со мною?»
Смотрит изумленным взглядом,
размышляет, оглянулась,
вновь назад она вернулась.
«Вот он лес, а вот — подлесье,
тут идет дорога рядом,
помню проходила здесь я —
Боже, что со мной случилось?»

Был здесь камень у дороги,
ныне ж скал стоят отроги!»
Стала, снова в путь пустилась,
продвигаясь постепенно,
шаг тревожный замедляет,
глаз ладонью протирает:
«Боже, что за перемена!»

Здесь, в трехстах шагах от храма,
на краю глухого бора,
камень был обычный самый,
как теперь предстал он взору?
Смотрит женщина в тревоге
и глазам своим не верит, —
вырос камень на дороге,
вход открылся в нем к пещере:
вздыбилась скала и стала,
словно вечно здесь стояла.

Смотрит женщина в тревоге —
видит вход открытый в камень,
словно в пышные чертоги;
в глубине ж, вдали от входа,
неземной какой-то пламень
озаряет сумрак свода.
Он горит, переливаясь
то луны сияньем бледным,
то, внезапно разгораясь,
отблеском заката медным.

Изумленная взирает
женщина на это пламя

и глаза свои руками,
как от солнца, прикрывает.
«Боже, что же это блещет?
Что за дивный блеск трепещет?»
Вглубь ступить она боится,
У порога став, дивится.

Все глядит — не наглядится,
устремив глаза на пламя, —
страх помалу исчезает,
любопытство ж подгоняет,
и она между камнями
шаг за шагом дале, дале,
точно тянет ее что-то;
от шагов в пустынном зале
только эхо из-под свода.
И чем дальше шаг свой движет,
тем сильнее бьет сиянье;
вот еще подходит ближе,
все короче расстояние —
блеск такой ей в очи брызжет —
нету сил стерпеть сиянья.
Смотрит — что же ей предстало?
Кто б такое видел раньше?
О красе такой, убранстве
и в раю бы не мечтала!

Перед нею настежь двери
изумительного зала;
стены золотом повиты,
в потолок рубины влиты
и хрустальные колонны.

А у двери золоченой
два светильника сияют;
пола мраморные плиты
свет нездешний отражают.
И под тем, что слева блещет,
серебра сплошная лава;
груды золота трепещут
под огнем, что светит справа.
Блеск мерцает и дробится —
слева лунный, справа красный;
и пока здесь клад хранится,
им вовеки не погаснуть,
свет не сможет их затмиться.

Женщина стоит, боится,
ослепленная виденьем,
взор поднять она страшится,
овладеть не может зреньем.
На одной руке младенец,
по глазам другой проводит,
и когда от изумленья
вновь в себя опять приходит,
глубоко она вздыхает
и такую речь заводит:
«Боже! Весь-то век с нуждою
мне приходится тягаться,
спину гнуть перед бедою,
а — такое здесь богатство!
Столько серебра и злата
укрывает это диво!
Горсть одну б из той громады
и была бы я богата,

и была бы я счастлива
со своим родным дитятей!»

И пока так рассуждает,
все сильней в душе желанье:
и, крестясь, она шагает
к свету лунного сиянья
и, серебряные слитки
взяв, кладет на место то же,
вновь, любуясь, поднимает,
и в руках перебирает,
но обратно ли положит?
Нет, уж фартуком прикрыты.
Осмелела от удачи:
«Значит, промысел то божий,
клад господь мне предназначил,
счастье послано мне свыше:
пренебречь грешно б такую
указующей рукою!»

Тихо так проговоривши,
сына на пол опускает,
сняв передник, на коленях
полон набирает денег,
и сама с собой бормочет:
«Бог нам счастье посылает,
он нас осчастливить хочет!»
И берет — нет сил расстаться,
фартук полон, еле встала;
сняв платок, еще набрала,
так влечет ее богатство!
Поднялась итти обратно:

ах, а что ж с ребенком малым,
с малышом двухгодовалым,
что ей сделать? Непонятно!
Часть сокровищ кинуть милых?
А всего поднять не в силах!

Мать идет с тяжелой ношей,
а ребенок — в страхе, в дрожи:
«Мама, — плачет, — мама, мама!»
Ручки тянет к ней упрямо.
«Тсс... Не плачь, мой цветик крошка,
здесь побудь один немножко,
возвратится скоро мама!»

Сыну так она сказала,
и скорей бегом из зала,
через речку, прямо к лесу,
серебра не чужа весу.

Кладь сложила и в весельи
в путь обратный полетела,
задыхается, вспотела,
вот она уж близко к цели.

Тихо ветра дуновенье
лист колышет по дубраве,
из костела слышно пенье:
хор Христовы страсти славит.

Впоть под свод она вбегает,
слышит смех родного крошки;
и дитя ее встречает,
плещет радостно в ладошки.

Мать не видит и не слышит,
страстью алчною объята:
ей в глаза сверканье пышет,
ей всего дороже злато.
Вновь передник расстилает,
груды золота сгребает
из сокровищницы клада.
Фартук полон, еле встала,
сняв платок, еще набрала!
О, как бурно сердце скачет,
как она удаче рада!

Ношу подияла с размаха,
а дитя дрожит от страха,
неумолчно, горько плачет:
«Мама, — кличет, — мама! мама!»
Ручки тянет к ней упрямо.
«Тсс... сыночек, полно, крошка,
здесь побудь еще немножко».
И с лицом к сынку склоненным
руку в фартук опускает,
две монетки вынимает
и дитя забавит звоном:
«Глянь-ка, что у мамки в ручке!
Дзинь-дзинь! Слышишь, что за штучки?»
Но дитя не смотрит, плачет,
а у ней-то сердце скачет.

В фартук руку опускает,
горсть червонцев вынимает.
на подол кладет сыночку.
«Глянь-ка, как звенят звоночки!

Тсс... мой мальчик, тсс... мой крошка,
Дзинь-дзинь! Вот звенят запятно!
Подожди еще немножко,
мамка вновь придет обратно,
поиграй здесь, мой сыночек,
я вернусь через часочек».

Сыну так она сказала
И скорей бегом из зала,
прочь от каменного входа,
по мосточку через воду,
по пригорку, прямо к лесу,
золота не чуя весу,
в хижину свою вбежала.

«Эх, ты, бедное жилище,
скоро я тебя покину!
Что за радость в жизни нищей
гнуть с зари бессменно спину!
Из глуши лесной дремучей
я уйду теперь на волю,
попытаю жизни лучшей,
обновлю былую долю;
жить начну теперь иначе:
мне теперь дорога всюду,
улыбнулась мне удача, —
в городе теперь жить буду;
дом куплю себе, землицы,
стану госпожой богатой,
здесь я больше не жилища,
прощевай навеки, хата!
Я с житьем покончу вдовым,

не трудясь из сил последних:
вот богатство»,—с этим словом
опускает взор в передник.
Ах, уж лучше б не глядела!
Вся от страха помертвела,
вся от страха задрожала,
чуть без памяти не пала.
Смотрит, — смотрит — что же видит,
собственным глазам не веря!
Распахнула настежь двери,
Крышку с сундука сорвала, —
Что же с серебром-то стало?
Люди добрые, поймите,
посочувствуйте обиде!
Видит, скованная страхом:
вместо серебра камня,
а в передника холстине,
о, пустое наваждение,
вместо злата — комья глины!
все ее надежды — прахом!

Не нашла ты счастья в кладе,
недостойна благодати.

II

Страшная беда такая
сердце ей сжимает тяжко,
сына снова вспоминая,
плачет и кричит бедняжка.
Крик тот стены потрясает:

«Ох, дитя, ох, сын мой милый!»
«Сын мой, милый, милый, милый!» —
это гулко повторяет.

И в предчувствии ужасном
мчится и летит, как птица,
по пригоркам и по склонам,
лесом, ельником зеленым,
к взгорью, к скалам, тем опасным,
там где церковка таится.

Тихо ветра дуновенье
пролетает по дубраве;
почему ж не слышно пенья? —
Хор Христа уже не славит.

А когда к скале примчалась,
Что ж пред нею оказалось?
Здесь, в трехстах шагах от храма,
в гущине сплетенных веток
камень высится тот самый,
входа ж и в помине нету,
свод исчез, скалы не стало,
словно вовсе не бывало.

В смертном женщина испуге!
Как зовет она, как ищет!
по кустам бесплодно рыщет,
по холмам, по всей округе.
Взор ее как у безумной,
губы страшно посинели,
ломится в кустарник шумный,
продираясь в цепком хмеле:

«Горе мне! Ребенка нету!»
Ветви тело ей терзают,
иглы ноги изъязвляют. —
Не найти ей ту примету,
хоть весь век искать по свету!

И опять тоски волною
мать охвачена до дрожи:
«Где ты, дитяtko родное!
Где ты, мальчик мой пригожий?!»

«Здесь я, под землей глубоко! —
голосок в ответ ей глухо: —
ничьему певидим оку,
ничьему неслышен уху.

Здесь сокровища сокрыты,
мне еды, питья не надо,
гладки мраморные плиты,
золотой мне звон — отрада!

Хорошо мне здесь, уютно,
здесь ни дня, ни ночи нету,
здесь без сна пробыть не трудно;
слышишь, как звенят монеты?»

Мать, с отчаяньем во взоре,
ищет в муке безысходной,
наземь падает, рыдает,
волосы рвет, причитает,
вся в крови, с несчастьем споря:
«Горе, ох какое горе!

Где ты, мой сыночек рódный,
где ты, мой малютка милый?»
«Мой малютка милый, милый!» —
эха гул звучит бесплодный.

III

Дни за днями хороводят,
превращаются в недели,
быстро месяцы проходят,
вот и листья пожелтели.

На пригорке, там где буки,
церковушка с малой вышкой:
благовеста слышны звуки
через лес к деревне близкой.
Поутру, когда к обедне
колокол народ сзывает,
пред иконой пахарь бедный
низко голову склоняет.

Но кому известна эта
женщина, что на коленях?
Хор замолк, и нету света,
а она еще в моленьях.
Бледностью лицо покрыто,
щеки залиты слезами,
неподвижная на плитах,
кто она? Узнайте сами.

Лишь окончится служенье
и закроют двери в храме,
мы ее скользящей тенью
видим между деревьями.
Вниз идет она помалу,
по тропинке меж кустами,
где покрыты мохом скалы,
где торчит дорожный камень.
Здесь она вздыхает тяжко,
скрыв лицо свое в ладонях:
«Ах, сынок!» и взор бедняжки
вновь в слезах горячих тонет.

Нам та женщина знакома,
вся полна печали, смуты:
сердца горькая истома,
от утра до самой ночи,
тучей ей туманит очи,
сна не шлет ей ни минуты.
Плачет на заре, встав с ложа:
«Ах, дитя мое родное!
ах, ты, горе мое злое!
Смилуйся, великий боже!»

Промелькнуло лето вскорее,
осень, а за ней морозы,
но не стихло в сердце горе,
на очах не сохнут слезы.
Вот и солнце выше стало,
снег весенний растопило,
только губ ей не разжало,
глаз от слез не осушило.

IV

Слышишь? С горки, там где буки,
с колокольни-башни низкой,
колокола льются звуки
через лес к деревне близкой.
И спешат на эти клики
богомольною толпою
люди, горною тропою,
к службе пятницы великой.

Снова ветра дуновенье.
пролетая по дубраве,
издали доносит пенье:
хор Христовы страсти славит.

В чаще от речного лона
платье женское мелькает.
Вот она остановилась.
Что же ей итти мешает?
То—что год назад случилось!
Вновь бредет она со склона,
где скалы была препона.

Что ж опять предстало взору?
Здесь, в трехстах шагах от храма,
камень, ход открывши в гору,
стал среди дороги прямо:
вновь манит открытым входом,
вход блестит волшебным сводом.
Вздрыбилась скала и стала,
словно вечно здесь стояла.

В страшной женщина тревоге,
ей дитя всего дороже, —
волосы ей ужас ежит,
страшно ей воспоминашь,
как свинцом налиты ноги,
но, осилив испытанье,
замирая вся от дрожи,
вглубь спешит знакомым входом
под скалы тяжелым сводом.

Видит: двери вповь раскрыты
изумительного зала,
стены золотом повиты,
в потолок рубины влиты
и хрустальные колонны.
А у двери золоченой
два светильника сияют,
свет нездешний отражают.
И под тем, что слева блещет,
серебра сияют лавы;
груды золота трепещут
под огнем, что светит справа.

Женщина спешит, как прежде,
и глядит вокруг в надежде:
к слиткам тянется сторожко,
но ни серебра, ни злата
ей теперь совсем не надо! —
«Мама», — слышит: — «Здесь я, мама!»
Вот где он, сыночек, крошка,
ей дороже жизни самой,
бьет ручонками в ладошки!

Ей дыханье захватило,
от волнения вся трясется,
на руки его схватила
и обратно — повернула —
птицей к выходу несется.

Дрогнула земля от гула,
затряслось скалы подножье,
ветром грозовым подуло,
в стенах зала грохот грома
отозвался зыбкой дрожью!
«Мать господня, мне на помощь!» —
молит женщина смиренно,
видя рухнувшие стены.

Вдруг о, что за перемена!
Стихло все, и нет тревоги;
тяжкий камень у дороги,
все полно покоя, мира,
нет и тени злой напасти:
а из церкви голос клира
петь кончает божьи страсти.

У нее ж дыханья нету:
вся, как лист, она трясется,
прижимая пошу эту,
птицей вниз она несется:
вдаль от этих мест стремится:
потерять дитя боится.
Вот бежит она опушкой,
за рекой уже мелькает
и шаги лишь замедляет
перед бедною избушкой.

О, как радостно вздыхает,
к небу обратив моления,
как лицо ее сияет,
как дитя она ласкает
и целует в испуленьи.
Жилка каждая трепещет
от счастливого волненья!

Но смотрите! Что там блещет
у ребенка на коленях?
Золото, что положила,
чтоб дитя им поиграло, —
в фартучке малютки было.

Ей, оно не мило стало:
столько горя испытала
от него ночами плача!
И, хоть богу благодарна
за нежданную удачу,
ей дитя всего дороже
и не денег блеск коварный,
мил ей лишь сынок пригожий!

V

Нет следа той церкви малой,
смолкли колокол и пенье,
буков тех — как не бывало,
сгнили даже их коренья.

Старики хранят преданье
и хоть многое забыто,

но живет о том сказанье,
чем то место знаменито..

И когда в морозный вечер
молодежь вокруг деда сядет,
он расскажет, горбя плечи,
о вдове и о кладе.

СВАДЕБНЫЕ РУБАШКИ

Пробил одиннадцатый час,
а свет лампы все не гас,
и теплилась лампада
у бедного оклада.

На стенке низкой горницы
был образ богородицы,
с младенцем предреченным,
как розы цвет с бутюпом.

Пред образом, что светится,
колени клонит девица:
вдыхает грудь встревоженно,
на персях руки сложены;
из глаз слезинки катятся,
бегут на бело платье;
одна еще не высохла,
глядишь — другая вытекла.

«О, боже! Где родитель мой?
Могильный холм порос травой!
О, господи! Где матушка?
В могиле рядом с бабушкой!
Сестрица года не жила,
а братца пуля подсекла».

«Любимый мой меня любил,
дороже жизни мне он был —
уехал на чужбину,
навек меня покинул».

Как в край далекий уезжал —
меня ласкал да утешал:
«Засей, любимая, ленок,
да помни каждый наш денек;
ты пряжу в первый год пряди,
а во второй холсты бели,
на третий год рубашки шей:
рубашек свадебных нашьешь,
веночек из руты нам сошьешь».

Рубашки я готовые
в сундук сложила новые,
уже веночек мой завял,
а милый где-то запропал,
пропал он в стороне чужой,
как камень в глубине морской.
Давно и слух о нем заглох,
здоров ли, жив ли — знает бог!

«Мария непорочная,
будь мне защитой прочною:

верни с чужбины милого,
любимого, единого;
с чужбины милого верни —
а нет, так жизнь мою возьми;
с ним жизнь моя весенний цвет,
а без него не мил мне свет.
Мария милосердная,
утешь мне сердце бедное!»

Икона с места сдвинулась —
девица в страхе вскинулась:
лампады огонек мигнул,
погас и в мраке потонул.
То ветер ли по пламени,
зловещее ли знаменье!

Послышались шаги—и вдруг
в стекло оконца: стук, стук, стук!
«Ты спишь ли, милая, иль нет?
То я забрел к тебе на свет!
Что делаешь ты полночью?
Меня ты крепко помнишь ли?
С другим любви не водишь ли?»

«Ах, милый мой! Господь с тобой!
Все годы я томлюсь тоской,
с тобой все годы мысль моя,
сейчас молилась за тебя!»

«Молиться — зря! Вставай, пойдем,
пойдем со мной моим путем;
дорогой мне известною —
пришел я за невестою.»

«О боже! Страшен голос твой!
Куда ж итти ночной порой?
Бушует ветер, долог путь,
тебе не лучше ль отдохнуть?»

«Мне день, что ночь и ночь, как день,
при свете застит очи тень;
скорей чем крикнуть петухам
с тобой венчаться надо нам.
Не медли, встань, идем со мной,
ты нынче станешь мне женой».

Был час глухой, полночный час,
чуть месяца светился глаз,
в деревне спал и стар и мал,
лишь ветер глухо бушевал.

А он пред нею скок да скок,
она за ним, не чуя ног.
Собаки, взыв, залаяли,
лишь этих двух почуяли:
и выли, выли без конца,
как будто чуя мертвеца.

«Полночный час уже пробил,
выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой —
ис побоишься, светик мой?»

«Чего ж бояться? Ты — живой
и очи божьи надо мной.
Поведай лучше мне в ответ,

отец здоров ли твой, иль нет?
Скажи, твои отец и мать
готовы ль в дом меня принять?»

«Ты слишком много хочешь знать!
Спеш и — сможешь увидеть.
Скорей, скорее, час не ждет,
а путь далекий нас ведет. —
Что ж правой держишь ты рукой?»

«Несу молитвенник святой».

«Оставь его! Молитвы те —
как тяжесть камня на хребте.
Забрось его! Ведь нам идти
без ноши легче на пути».

Он требник бросил под откос,
и стал их шаг по десять верст.

И путь пошел их по камням,
по диким скалам и лесам;
в теснинах тех меж скалами
шакалы зубы скалили;
и филин дико хохотал,
как бы несчастье предвещал.

А он пред ней все скок да скок,
она ж за ним, не чуя ног.
По гребням скал, по терниям
ступают ноги белые;
и острия в багряный цвет
кровавят ног девичьих след.

«Полночной час уже пробил,
выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой —
не побоишься, светик мой?»

«Чего ж бояться? Ты — живой
и власть господня надо мной.
Ты лучше расскажи о том,
где ты живешь, каков твой дом?
Чиста ль светлица, весела?
И церковь близко ль от села?»

«Ты слишком много хочешь знать!
Самой придется увидеть.
Спеши скорей: ведь час не ждет,
а путь далекий нас ведет.
Что у тебя за пояском?»
«Взяла я четки в новый дом».

«О, этих четок черный ряд,
тебя обвинил он точно гад!
Они начнут тебя душить:
сорви их — падо нам спешить!»
Он бросил четки под откос,
и стал их шаг по двадцать верст.

Была дорога их долга —
через болота и луга;
а по болотам у реки
блуждающие огоньки:
по девять в ряд и там и тут,
как будто с телом гроб несут;

а жабий хор среди болот
как по покойнику поет.

Он все пред нею скок да скок,
она ж за ним, не чуя ног:
осока хлещет по ногам,
подобно бритвенным ножам,
и папоротник зеленый
стал кровью обагранный.

«Полночный час уже пробил,
спешат виденья в тьму могил;
как взор ни крой, их страшен рой —
ты не боишься, светик мой?»

«Ах не боюсь, ведь ты живой
и воля божья надо мной!
Но не спеши ты так итти,
позволь мне дух перевести,
слабеют ноги, колет грудь,
дай мне минутку отдохнуть!»

«Нет, мы скорей должны итти!
Уж близится конец пути.
Пир начат, гости у стола,
летят мгновенья, как стрела.
Что это у тебя, гляди,
на шнур надето на груди?»

«То матушки покойной крест».

Креста мне ненавистен блеск!
Краями в золотом огне

он колет грудь тебе и мне,
брось! Станешь птицей в вышине!»

И он забросил крест в овраг,
стал в тридцать верст их каждый шаг.

И вот пред ними дол открыт,
на нем строение стоит;
высоких узких окон ряд
и колокольни острый скат.

«Ну, вот, дружок, мы и здесь,
теперь увидишь все как есть».
«Не церковь ли на месте том?»
«Нет, то не церковь, то — мой дом!»

«А это не крестов ли ряд?»
«Нет, не кресты то, а — мой сад!
Теперь — ты на меня взгляни
и частокол перемахни!»

«Постой? размыслить дай самой!
Мне странен, страшен облик твой;
Твое дыхание — беда,
а сердце, вижу, тверже льда!»

«Не бойся, милая моя,
богато, сытно у меня,
мясного много в погребах,
сегодня ж пир начнем не так!
Что у тебя за узелок?»

«Рубашки — свадебный залог».

«Не нужно больше их чем две!
одна тебе, другая мне».

С рубашками он узел сгреб
и за ограду их — на гроб.
«Теперь ты на меня взгляни
и изгородь перемахни».

«Ты ж был все время впереди,
на нашем свадебном пути,
Ты шел все время впереди,
так первый ты и перейди!»

Он хитрости не разгадал,
перескочил вдруг через вал;
подпрыгнул вверх на пять сажень,
вдали мелькнула девы тень,
и тотчас след ее простыл,
так изо всех помчалась сил...
И ей убежище нашлось;
того не ждал коварный гость!

И вот часовня перед ней
с засовом прочным у дверей;
она дрожа в нее вошла
и двери крепко заперла.
Узка в часовне щель окна,
лишь месяцем освещена;
теснее клетки камни плит,
и мертвый посреди лежит.

Вдруг шум поднялся за стеной;
теней могильных хрип и вой!

Скребутся, шаркают вокруг
и песню начинают вдруг:

«Могиле плоть предать спеши,
погиб, кто не сберег души!»

И в двери гром и в стены стук;
неистовствует страшный друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
засовы отодвинь с дверей!»

И мертвый веки подымал,
и мертвый очи протирал,
и, словно в чувство приходя,
взглянул, поднявшись, вокруг себя.

«О, святой боже, мне во власть
не дай к нечистому попасть!
Ты, мертвый, не тревожь покой,
да будет вечный мир с тобой!»

И мертвый голову склонил
и очи мутные закрыл.

Но снова грохот, снова стук!
Еще сильнее бушует друг:
«Вставай, мертвец, вставай с одра,
открыть часовню нам пора!»

И вновь на страшный тот призыв
мертвец поднялся полужив,
к засовам прочной двери той
холодной тянется рукой.
«Исусе Спасе, помоги,

не дай, чтоб вторгнулись враги!
Мертвец, лежи и тих и строг;
да будет милостив к нам бог!»

И снова мертвый лег, как был
в гроб без движения, без сил,

И вновь поднялся грохот, стук!
У девы меркнет взор и слух!
«Го, го, мертвец! Го, го, вставай!
и нам живую подавай!»

Беда бедняжке в этот час!
Поднялся мертвый в третий раз
и свой пустой, потухший взор
на полумертвую простер.

«Мать богородица! Спаси,
у сына милости проси!
В своих молитвах я грешна:
но ты простить меня должна!
Мать всех покинутых детей,
спаси меня из злых сетей!»

И тут, как бы в ответ ей, вдруг
запел вдали в селе петух,
по всей деревне повторен
петуший крик со всех сторон.

Тогда мертвец, который встал,
как бы подкошенный упал,
спаружа — смолк последний звук:
исчез с тенью страшный друг.

А утром люди, идя в храм,
остановились в страхе там:
раскрытый гроб в могиле пуст,
в часовне девушка без чувств,
и на могильные кресты
рубашек вздеты лоскуты.

Права ты, девушка, была, —
что мысли богу предала —
от злого отступила,
иначе б худо было!
И не рубашек клочья,
а тело было бы твое
растерзано на клочья!

ПОЛУДНИЦА

У скамьи стояла крошка,
в крике гнулась, корчилась.
«Помолчи ты, хоть немножко,
цыганенок порченный!»

«Жду: придет с работы батя,—
печь еще не топлена,
не даешь ты мне, проклятый,
жить своими воплями!»

«Вот гусарик, вот петрушка,
петушок хорошенький!
На! Играй!» — Но все игрушки
бац! и в угол брошены.

И опять надрывным криком
несмысленнош нудитея;

«Погоди ж, чертенок! Мигом
вызову Полудницу!»

«Эй, Полудница, приди-ка,
век мне с ним, что ль, маяться!»
Глядь — пред кем-то двери тихо
сами открываются.

Появилась на пороге
с темным ликом карлица;
кривы руки, кривы ноги,
голос громом катится!

«Подавай дитя!» «Всевышний!
пусть того не сбудется!»
Мать от страха еле дышит, —
к ней идет Полудница!

Подбирается бесшумно,
дымной тенью стелется;
мать уже полубезумна:
глянуть не осмелится;

сжав дитя, его колышет,
темен взор безрадостный,
а Полудница все ближе,
вот совсем уж рядом с ней.

Простирает клешни-руки. —
Мать без сил, без памяти:
«О, Христа святые муки!»
и — на землю замертво.

Раз, два, три... Часы бьют полдень,
звон их чуть кончается, —
двери дрогнула щеколда:
муж домой является.

Женщина, ребенка стиснув,
пала, как обрушена;
мать еще вернули к жизни,
а дитя — задушено.

ЗОЛОТАЯ ПРЯЛКА

I

Около леса поля клин,
едет там пан без слуги, один,
едет, бодрит вороного коня,
конь горячится, подковой звеня,
едет один.

Перед избушкой поводья из рук!
В дверцы избушки: стук, стук, стук!
«Эй, отворяйте двери скорей,
я заблудился на ловле зверей,
дайте напиться!»

Вышла девица — весенний цвет,
краше такой и не видел свет;
вынесла воду студеную,

села у прялки, смущенною,
стала прясть лен.

Пан уж не помнит, о чем и просил,
всю свою прежнюю жажду забыл;
тянется пряжа, нитка блестит,
глаз не может он отвести
от пряжи прекрасной.

«Люб ли, ответствуй тебе кто иной?
Хочешь ли стать моею женой?»—
девушку обнял он сильной рукой. —
«Ах, воли нет у меня никакой,
лишь матушки воля».

«А где же матушка, скажи, твоя?
здесь никого нет, кроме тебя». —
«Пан, я у матери неродной,
с дочкой придет она завтра домой,
в городе нынче».

II

Около леса поля клин,
едет там, едет пан один,
едет, бодрит вороного коня,
конь горячится, подковой звеня,
прямо к избушке.

Возле избушки — поводья из рук,
в двери избушки: стук, стук, стук!
«Добрые люди, впустите скорей!

пусть мои очи увидят скорей
радость мою».

Вышла старуха, кожа да кость:
«О, с чем к нам прибыл почтенный
гость?»

«Явился я в дом как на праздник большой—
дочь твою сделать хочу я женой,
ту, перодную».

«Ой же, паночку, дивно слышать!
кто б в то поверил, если сказать?
Низко вам кланяюсь, гость дорогой,
все ж я не знаю, кто вы такой?
Как пан попал к нам?»

«Князь-господин я этой земли,
случай и жажда меня привели,
дам тебе много казны золотой,
дочку свою ты мне выдай за то,
пряху красотку».

«Князь-господин, что пришлось услышать,
кто б в то поверил, если сказать?
Нет у нас никаких заслуг,
чтоб к нам склонились взоры и слух
милости вашей.

Все же обычай должно блюсти:
раньше родную к венцу вести;
кстати и схожи они во всем,
словно два глаза во лбу одном,
нити шелковы!»

«Плох же обычай, старуха, твой!
Выслушав, помни приказ прямой:
завтра, лишь неба засветится край,
дочь неродную свою провожай
в княжеский замок».

III

«Вставай, дочурка! Проснулся мир,
князь ожидает, готовят пир:
все бы могла я предполагать,
только не то, чтоб тебе пановать
в самой столице!»

«Одевай, дорогая сестрица, наряд,
княжеский замок велик, богат:
ох, высоко ты стала летать,
меня оставила здесь прозябать,
ну, будь счастлива!»

«Идем, Дорничка, поспешим,
не провиниться б пред князем твоим,
ты лишь опушку леса пройдешь,
про дом не вспомнишь и не вздохнешь,
идем скорее, идем!»

«Матушка, мама, дозволейте спросить,
зачем вам нож этот в лес уносить?»
«Нож этот вострый — в чаще как раз,
гадуке злобной выколем глаз —
идем, скорей идем!»

«Сестра, сестрица, позволь спросить,
зачем топор вам в лес уносить?»
«Топор тот острый — в темном лесу,
лютому зверю башку снесу —
идем, скорее идем!»

Когда ж зашли они в чащу, в кусты:
«Гад этот — ты и зверь этот — ты!»
Горы и доли туманились,
видя как обе расправились
с бедной сироткой!

«Мы очи ей выкололи, мать,
куда ее ноги и руки девать?»
«Не зарывай их в лесной тени,
как бы опять не срослись они —
возьмем их с собою».

Вот уж за ними лесов стена:
«Бояться ты, дочь, ничего не должна!
вы ведь схожи с нею во всем,
как око с оком во лбу одном —
не опасайся!»

Вот уж столица стала видна,
князь поджидает их у окна,
вышел с придворными на крыльцо,
целует невесту, глядит ей в лицо,
обмана не чуя.

И была свадьба — великий грех,
с губ у невесты не сходит смех;
сплошь заварилась балы да пиры,

пляски да игры до поздней поры
все седмицевьс.

Только восьмой день занялся,
с войском князь в поход собрался:
«Слушай ты слово мое, госпожа, —
еду я с войском моим поражать
недруга злого.

Когда закончится славой поход,
опять любовь наша расцветет!
Ты же, пока я буду в пути,
добрую прялку приобрети, —
дома сидя, пряди!»

IV

В глухой и темной чаще лесной
что же там сделалось с сиротой?
Шесть животворных ручьев текло,
чистых, прозрачных, словно стекло,
на мху зеленом.

Блеснул ей счастья внезапный луч,
но скрыла смерть его тьмою туч.
Не стало дыханья, жизни следа,
беда настгла ее, беда!
князь бы то видел!

Но вдруг из окрестных, лесистых скал
старец чудесный поднялся, встал:
сед он и сив — до земли борода,

на руки взял он ее и тогда
скрылся в пещере.

«Дитяtko, слушай: спеши, молодой,
стан прядильный возьми золотой,
его в столицу ты отнеси,
иной цены за него не проси,
только ноги две!»

Мальчик у башни сидит в воротах,
стан золотой держит в руках.
Княгине в окно случилось глядеть:
«Ах если б тот стан золотой мне иметь!
жаркого золота!»

«Маменька, выйдите разузнать,
сколько за это сокровище дать?»
«Эй, госпожа! Я его продаю:
отец назначил цену свою:
за две ноги лишь».

«За ноги? Это неслыханно ведь!
все ж я желаю стап тот иметь;
маменька, отмыкайте запоры,
выпьте там ноги погубленной Доры,
дайте ему их!»

Мальчик в уплату те ноги взял,
с ними обратно в лес убежал.
«Мальчик, подай мне живой воды,
чтоб от рубцов не остались следы, —
как не бывало!»

Вот рану к ране он плотно прижал,
по жилам живой огонь пробежал,

и затянулись рубцы на теле,
как будто ноги не омертвели,
без поврежденья.

«Возьми, мой мальчик, в углу на лавке,
там колесо золотое от прялки,
в столичный город его неси,
иной цены за него не проси,
как две руки лишь!»

Мальчик у башни сидит в воротах,
жар-колесо держит в руках.
В окне мелькнуло княгини лицо:
«Ах, как бы кстати мне то колесо
к золотой прялке!»

«Выйдите, маменька, на крыльцо,
сколько он хочет за колесо?»
«Эй, покупайте дешевой ценой!
Платы отец не назначил иной,
как — две руки лишь».

«За руки? Это неслыханно ведь!
Все ж колесо я желаю иметь!
Маменька, отмыкайте запоры,
выньте там руки загубленной Доры,
дайте ему их!»

Мальчик те руки в уплату взял,
с ними поспешно в лес убежал.
«Дитяtko, дай мне живой воды,
чтобы от ран затянулись следы,
как не бывало».

Он рану к ране тесно прижал,
по жилам живой огонь пробежал,
в одно мгновенье срослось тело,
как будто вовсе не омертвело,
без поранений.

«Сбирайся, мальчик, пора давно,
вот золотое веретено,
его в столицу ты отнеси,
цены иной за него не проси,
только два глаза».

Мальчик у замка сидит в воротах, —
веретено золотое в руках.

Стала княгиня в окно глядеть:

«О, как хочется мне иметь
то веретенце!»

«Спросите, маменька, — какой ценой
Ценит он это веретено?»

«Отца оценка веретена —
пара очей вся его цена,
всего два глаза».

«Пара очей? То неслыханно ведь!

А кто отец твой, дитя, ответь?»

«Нельзя увидеть отца моего,
кто б ни искал — не отыщет его,
пока сам не явится».

«Матушка милая! Как же мне быть,
веретено мне нужно купить!

Идите откройте скорей затворы,

лежат там очи убитой Доры:
ему отдайте».

Мальчик очи бережно взял,
с ними обратно в лес убежал.
«Подай мне, мальчик, живой воды,
пускай исчезнут от ран следы,
как не бывало».

Очи в глазницы он положил,
огонь погасший в зрачках ожил.
Девушка молча взглянула, встала
и никого близ не увидала,
кроме себя лишь.

V

Вот трехнедельный срок истекает,
князь из похода домой приезжает:
«Как поживаешь, моя княгиня,
держишь ли слово мое в помине,
прощальное?»

«Ах, я на сердце его хранила,
вот поглядите-ка, что я купила:
золото прялки блестит на солнце —
стан, колесо и веретенец,
все из любви к вам».

«Будь же любезна, княгиня,—присядь,
нить золотую в прялке приладь,
княгиня за колесо присела,
только крутнула, вся побледнела —
ужасный напев!

«Вррр — из зла ты свиваешь нить!
Князю сумела ты навредить:
сестрицу сводную ты загубила,
ноги и руки ей отрубила —
Вррр — зла та нить!»

«Что это прялка гулко поет?
о чем колеса шумит оборот?
Нука, княгиня, крутни опять,
чтоб эту песню нам разгадать,
пряди, княгиня, пряди!»

«Вррр — из зла ты свиваешь нить!
Ты разум князя хотела затмить:
сгубила подлинную невесту,
чтобы самой сесть на ее место —
Вррр — зла та нить!»

«Ох, эта песня нехороша!
Неужто ж то правда, моя душа?
Крутни, госпожа моя, в третий раз,
чтоб знать мне правду всю без прикрас,
пряди, княгиня, пряди!»

«Вррр — из зла ты свиваешь нить!
Обманом хочешь счастье добыть!
Сестра твоя в чаще, в пещере скал,
Любимый ее тебе мужем стал.
Вррр — зла та нить!»

Как только слова те князь услышал,
вскочил на коня и в лес поскакал;
искал и кричал по лесу мчась:

«Ответь, моя Дорничка, где ты сейчас?
Где ты любимая».

VI

От леса к городу ширь полян,
едут там, едут с пани пан,
едут, бодрят вороного коня,
конь горячится, подковой звеня,
едут в столицу.

И начиналась свадьба опять,
время невесте цветком расцветать:
и были празднества да пиры,
утехи и пляски до поздней поры
все три недели.

А что ж с той матерью, со старухой?
А что ж с той дочерью, со гадюкой?
Ой, воют четверо волков в лесу,
у каждого в пасти нога на весу
от двух женских тел.

Очи застлала им черная ночь,
руки и ноги отрублены прочь:
как над сироткой они надругались —
того над собой и сами дождались
в лесу дремучем.

А что ж с той прялочкой золотой?
Дальнейших песен напев какой?
Как в третий раз напев проиграл,
так прялки с тех пор никто не слышал
и не увидел!

СОЧЕДЬНИК

1

Окна окованы тьмой и морозом,
в хате теплынь и уют;
бабка клюет перед печкою носом,
девушки пряжу прядут.

«Прялка, быстрее! Веселее жужжканье!
близок рождественский пост к окончанью,
скоро и свитки придут!»

Любо работать девице красной
в зимние хмурые вечера;
знает — старанья ее не напрасны,
верит — придет и ее пора.

Явится молодец за прилежной,
молвит: «Красавица, выйди за меня!

будешь супругой моею ты нежной,
верным супругом твоим буду я.

Я тебе мужем; ты мне женою,
брачный венец нас с тобою ждет!»
Та, что над пряжи клонилась волною, —
глядь — уж для свадьбы рубашки шьет.

«Прялка, быстрее! Веселее жужжанье!
близок рождественский пост к окончанью,
скоро сочельник придет!»

II

Ой, ты, щедрый вечер
святочных гаданий,
кому исполненье
принесешь желаний?

Хозяину — хлеба,
коровам — кормежку,
петух — чеснок любит,
курам — горсть горошку.

Плодовым деревьям —
со стола остатки;
детям — золотые
во сне поросятки.

А моя девичья
душа молодая
чего-то много
желает, гадая.

У темного леса
над старой плотиной
столетние вербы
склонились с повинной.

Одна верба круто
над землей склонилась,
где синее озеро
подо льдом укрылось.

Тут, говорят, в полночь,
при лунном сиянии,
в проруби девице
суженый предстанет.

Не страшна мне полночь,
к ведьмам нету страху;
прорублю я прорубь
топором с размаху.

Погляжу я в прорубь
ровно к полуночи,
суженному тихо
загляну я в очи.

III

Мария с Гансой — двое подружек,
обе как розы весенней цвет:
какая краше, какая лучше,
сразу на это не дань ответ.

Эта ли к молодцу обернется —
ради нее хоть в огонь готов!
Только вторая ему улыбнется,
нету у него для сравнения слов.

Полночь настала. В глуби небесной
вспыхнули звезды. Полночь тиха,
звезды вокруг месяца скучились тесно,
словно овечки вокруг пастуха.

Ночь наступила — мать над ночами,
ночь рождества, путеводной звезды;
снег вокруг деревни искрится лучами,
по снегу — к озеру видны следы.

Над полыньей одна в душегрее,
встала другая подле нее:
«Ганнушка, Ганна, скажи мне скорее,
что ты там видишь, сердце мое!»

«Ах, там в тумане, — с открытою дверью
мнится мне Вацлава домика вид —
вот прояснело, вижу теперь я,
там на пороге парень стоит.

В темнозеленом кафтане он, молод,
шапка надвинута набекрень,
к ней мной дареный букетик приколот,
Господи! Это ж — Вацлава тень!»

Быстро вскочила в жарком порыве,
стала над низко склоненной другой:
«Ну, мое золотко, что там, Мария!
Что тебе видится под водой?»

«Ах, вижу я: вижу скрытые мглою,
в дымной завесе, мерца в ряд,
словно бы свечи вокруг аналая,
красные огонечки горят.

Черное что-то туман прикрывает,
вот уж из мглы проясняется той: —
боже! ведь это ж — подружки рыдают,
а между ними — покров гробовой!»

IV

Веет ветер ласковый
по полям, яругам,
цвет весенний стелется
полем, садом, лугом.
Загудела музыка от костела звоном,
а за ней, осыпана цветом благовонным,
едет свадьба цугом.

Молодой жених, красив
и лицом и станом,
шапку лихо заломил,
зелен цвет кафтана,
как предстал ей ночью той,
так ведет к себе домой
красавицу Ганну.

Пришла осень. На ветвах
ветер листья косит,
похоронный слышен звон, —
мертвую выносят;

в трауре подружки, свечи потухают,
клич и причитанья трубы возглашают,
заунывно воют:
вечному покою!

Чье венюк обвил чело,
кто в гробу почиет?
белой лилиею чья
надломилась выя?
Отцвела, как бы затоплена росю,
умерла как бы подкошена косою, —
бедная Мария!

V

Окна окованы тьмой и морозом,
в хате теплынь и уют;
бабка клюет перед печкою носом,
девушки пряжу прядут.

«Прялка, живей! Веселее жужжиканье!
близок рождественский пост к окончанью,
скоро и святки придут!

Ах, сочельник темный,
и звезда святая,
как тебя я вспомню, —
за сердце хватает!

Так же мы сидели
вкруг за челноками:
год промчался еле —
нет двоих меж нами!

Одна косу расплела,
волосы густые,
распашонки шьет она,
а другой — земля тесна,
бедная Мария!

Вот сидим мы, как вчера,
дружной стайкой тесной,
что же с каждой через год
станет? **Неизвестно!**

Громче жужжанье! Быстрее вращенье!
В мире все кружится, все в измененьи,
жизнь человеческая, как сон!
Лучше, коль завтрашний день им неведом, —
людям непрочной надеждою жить,
чем — обреченное бурям и бедам —
страшное будущее открыть!»

ГОЛУБОК

Около погоста
дорога глухая,
шла по ней, рыдая,
вдова молодая.

О своем супруге
плакала, рыдала:
она его навек
туда провожала.

От панского дома
по травам, долинам
едет панич в шапке
с пером соколиным.

«Не плачь, не печалься,
вдовствуя, горяя;
не тумань ты очи,
слушай, что скажу я.

Ты свежа, как роза,
забудь сердца рану!
если муж твой умер, —
хочешь я им стану».

День один рыдала,
на другой смолкала,
а на третий горе
забываться стало.

С тех пор об умершем
она позабыла:
едва минул месяц
к свадьбе платье шила.

Около погоста
с горы путь уклонный:
едут по нем, едут
жених с нареченной.

Веселая свадьба
была среди луга:
невеста в объятьях
нового супруга.

Шумна была свадьба,
музыка гремела:
она к нему льнула
на него глядела.

«Веселись, невеста,
вскинь голову выше:

покойник в могиле
не видит, не слышит.

Обнимай другого,
нечего бояться:
тесна домовина —
мужу не подняться.

Милуйся, красуйся
ликом набеленным:
кого отравила
не встанет влюбленным!»

Бежит, бежит время,
все собой меняет:
что не было раньше,
теперь наступаст.

Бежит время мимо,
год проходит тенью;
одно неизменно:
тяжесть преступления.

Три года промчалось,
как того не стало,
и его могила
травой зарастала.

Трава над могилой,
в головах дубочек,
на дубовой ветке
белый голубочек.

Голубок на ветке
воркует, рыдает,
каждому, кто слышит,
сердце надрывает.

Не так другим людям
слышны его стоны,
как той, что рвет косы,
вопит иступленно:

«Не воркуй, не гукай,
не терзай мне уши:
так тосклив твой голос,
что пронзил мне душу!

Не тоскуй, не гукай,
мутится мой разум,
или так уж гукни,
чтоб пропасть мне разом!»

Течет вода, льется,
волна волну гонит,
меж волнами что-то
забелело, тонет.

То нога взметнется,
то плечо заблещет:
женщины несчастной
душа смерти ищет!

Вынесли на берег,
тайно схоронили
там, где две дороги
накрест проходили.

Никакого гроба
ей не стали делать,
лишь тяжелым камнем
придавили тело.

Не так тяжело камню
лежать над ней кладью,
как на ее имени
вечному проклятью!

ЗАГОРЖЕВО ЛОЖЕ

I

Реют туманы над полем пустынным,
будто бы призраки сумрачным рядом,
клич журавлей, улетающих клином, —
осень проходит и лесом и садом.
С запада ветер сырой налетает,
песню в увядшей листве запеваст.
Песня знакомая, каждую осень
листья поют ее снова и снова,
только никто не поймет в ней ни слова —
слишком напев ее темен и грозен.

Путник безвестный в монашеском платье,
перебирает рука твоя четки,
посох с крестом помогает походке,
кто ты такой и куда собрался ты?

Шаг твой поспешен, ступни твои босы,
осень же сумрачна, холодны росы:
с нами останься, мы добрые люди,
мы не откажем гостю в приюте.

Путник любезный, твои ланиты
волосом жестким еще не-покрыты.
Лик твой девически нежен и скромн,
но твои щеки бледны от печали,
очи в глазницы глубоко запали!
Горя ли в сердце след похоронен?
Словно несчастье в путь тебя гонит,
раньше, чем старость, к земле тебя клонит!

С нами останься, путник пригожий!
Может, тебе мы в горе поможем,
а не поможем — хотя бы утешим.
Сядь, отдохни с нами, труден путь пешим.
Нету на свете беды такой тяжкой, —
чтоб не смягчить человеческой лаской.

Нет, он не слышит, не обернется,
от своих помыслов не оторвется!
Вдаль он уходит грустный и строгий:
боже, пошли ему счастья в дороге!

II

Поле бескрайное, поле пустое;
вьется дорога, вдаль убегает,
а на пригорке ствол свой вздымает
древняя пихта, лишенная хвои:
нету ветвей на ней — лишь на вершине,

чьей-то рукой на доске укрепленный
облик распятого божьего сына,
к небу как будто бы вознесенный.
Лоб под терновым венцом окровавлен,
рук пригвожденных раскинуты плети,
словно их жест указуя направлен
в две стороны, разделенных на свете:
правая — к солнечному восходу,
левая к западу, к ночи глубокой.
Там, на восходе, — солнца ворота,
райское радостное сиянье;
всех, кто творил добро для народа,
ждет и награда и воздаянье.
На темном западе — адовы врата,
море смоляное серы кипящей,
полчища дьяволов идут для расплаты
грешников с мукою, им предстоящей.
Боже! Избавь нас от вечного гнева,
оборони от пути нас налево!

Здесь, на пригорке, склонивши колени,
путник наш юный во тьме предрассветной
остановился в безмолвном моленьи,
жарко обнявши ствол безответный,
что-то он шепчет, слезы роняет
и безнадежно, тяжело вздыхает.

Так отрывается от любимой
юноша, надолго уезжая
в даль неизвестную, в край целюдимый,
вновь возвратиться надежд не питая;
пыл свой сердечный в объятья влагая —

вот поцелуй еще, жадный, последний:
будь же здорова, моя дорогая,
вдаль я судьбою гоним беспросветной!
С бледным лицом и со взглядом туманным,
с сердцем, тревоги огнем опаленным,
юноша сильный со стройным станом
шагом на запад идет непреклонным.
Вот он скрывается в сумрачной чаще:
труден, тяжел его путь предстоящий!

III

Встала скала среди чащи дремучей,
сплетшейся грабов ветвями густыми,
дуб — на скале той — поднялся могучий,
словно король той безлюдной пустыни:
к небу подъята безлистая крона,
ветви, как руки, простерты в бореньи,
панцырь расщеплен ударами грома,
тело открытое предано тленью:
темной дупло на нем щерится щелью, —
хищнику служит удобной постелью.

Видишь — на мшистом расщепленном ложе
туши какой-то вздымаются плечи:
то ль человек на медведя похожий?
Вряд ли в нем признак найдешь человеческий!
Тело его, словно глыба на глыбе,
члены его, точно корни у дуба,
брови и волосы, вставшие дыбом,
с шерстью сплелись, покрывающей грубо;

а под бровями сумрачно скрытый
взгляд пронизательный и ядовитый,
взгляд вредоносней змеиного зуба;
кто человек тот? Какою угрюмой
лоб омрачен его черною думой?
Кто существо это в чаще пустынной?

Лучше не спрашивай! Взглядом окинув
рядом лежащие белые кости,
их ты спроси, что травой зарастают;
воронов, густо слетевшихся в гости,
лучше спроси ты угрюмую стаю:
те больше видели — больше и знают!

Вот ото сна великан пробудился,
яростный взгляд обратил на тропинку,
и в два прыжка на пути очутился,
над головою крутит дубинку.

Кто на дороге? Юноша кроткий,
посох с крестом, и у пояса четки!
О, не ходи, возвращайся обратно,
к смерти ведет тебя эта дорога!
Прочность судьбы человеческой превратна,
жизни тебе остается немного!
Оборотись и беги что есть силы,
чтобы дубина тебя не убила,
череп тебе раскроив, изувечив!

Нет, он не слышит, — в раздумьи глубо-
ком,
вкруг не глядит он рассеянным оком,
смерти своей подвигаясь навстречу.

«Кто ты, червяк? И куда устремился?»

Путник бестрепетно остановился:

«Я — обреченный, — шепнул тише ветра, —
в ад я иду, в сатанинские недра!»

«В ад? О, го-го! Сорок лет в этом месте
оберегаю я эту дорогу,
а никогда не слышал такой песни,
хоть распевали их мне очень много!
В ад? Уж об этом ты не заботься,
в этом тебе помогу я сегодня!
А как туда мне явиться придется, —
вместе позавтракаем в преисподней!»

«Не издевайся над милостью бога!
Аду я предан еще до рожденья,
кровью расписку в виде залога
выдал отец мой, впав в заблужденье.
Но бесконечна милость господня!
Крест сокрушит темноту преисподней,
и сатаны посрамится коварство!
Волею божией руководимый,
странник вернется назад невредимый,
вырвав залог тот из адского царства».

«Что ты плетешь мне? За сорокалетье
многих отправил я в адские врата,
но ничего не видал я возврата!
Слушай, червяк! Ты ведь в полном расцве-
те,

тело твое понежней, чем у зверя, —
было б мне впору тобой повечерять,

но так и быть уж — тебя отпущу я,
хоть из идущих никто по тропинке
не миновал моей тяжелой дубинки,
двигайся дальше. Но — вот что хочу я:
ты поклянись, что расскажешь, как вый-
дешь, —
все, что услышишь в аду и увидишь!»
Путник свой посох с крестом поднимает,
выполнить клятву свою обещает:
«Этой клянусь я священной оградой,
что принесу тебе вести из ада!»

IV

Снег по весне на пригорках растаял,
реки очистило половодье;
снова летят журавлиные стаи,
но странник обратно все не приходит.

Вот и деревья зазеленели,
благоухают фиалки в подлесья,
громко звучат соловьиные трели, —
нету из ада обещанной вести.

Вот за весной промчалось и лето,
дни сократились, листва опадает,
нету известий из адского края;
странник наш явится ли с того света?
Может, в дороге растерзан он зверем?
Скрыли ль навек его адские двери?

Злой великан на скале перед дубом
смотрит на запад взглядом угрюмым;
смотрит, ворча: «Сколько их на тропинке
не миновало тяжелой дубинки!
Только один он и не был захвачен,
только одним я и был одурачен!

«Не одурачен ты!» — голос спокойный;
путник пред ним объявляется стройный;
взгляд его ясен, прям и бесстрашен,
лик его светлым сияньем украшен,
словно бы солнце своими лучами
стало сиять у него за плечами.

«Нет, не обманут ты! Клятвой святою
был я обязан предстать пред тобою;
ныне клянусь тебе снова и снова,
что приношу для тебя я сегодня
верные вести из преисподней».

Вздрогнул разбойник, услышав то слово,
в руки дубину схвативши, поднялся,
но как грозою сраженный остался,
взгляда не вынесши огневого.

«Сядь тут и слушай рассказ мой неспешный
о путешествии в сумрак кромешный,
о божьем гневе рассказ мой правдивый,
о божьей милости справедливой»

Странник рассказ начинает, — как черти
грешные души в аду опекают;

жизнь там слилась воедино со смертью —
в муках воскресши там вновь умирают.

Мрачно сидит великан над скалою,
слова не молвя, глядит пред собою.

Страшник рассказ продолжает, как тени
тщетно о помощи к небу вызывают,
но не приходит никто на их пени,
отклик ничей там не утешает
вечных проклятий их, вечных хулений!

Мрачно сидит великан над скалою,
слова не молвя, глядит пред собою.

Странник рассказывает, как — великой
силой креста — он принудил владыку
ада отдать приказанье, чтоб сразу
дали ему документ злополучный;
как не послушался дьявол подручный
этой расписки отдать по приказу.

Страшно разгневался ада властитель.
«В адской купели его окуните!»
Дьяволы выполнили угрозу,
сделав купель из огня и мороза:
справа плоть уголь пылающий гложет,
лед примерзает слева на коже,
а когда муки предел достигают —
лед и огонь в ней местами меняют.
Дьявол ревет, извиваясь змеею,
никнет от муки без чувств головою.
По сатанинскому повелению —

прервано адской купелью мученье.
Дьявол, вздохнувши, опять оживает,
но запродажной отдать не желает.

Вновь сатана свирепеет от гнева:
«Пусть его стиснет адская дева!»
Дева была отлита из металла,
руки раскинувши в яростной страсти,
дьявола так она к сердцу прижала,
что затрещал весь костяк в ее власти.
Дьявол ревет, извиваясь змеею,
никнет от муки без чувств головою.
По сатанинскому повеленью
кончилось адскою девою мученье.
Дьявол, очнувшись, вновь оживает,
но запродажной отдать не желает.

Тут сатана разъярился до дрожи:
«Кинуть его на Загоржево ложе!»

«Как ты сказал? На Загоржево ложе?—
вскрикнул лесной великан, поднимаясь,
весь, как осиновый лист, сотрясаясь,
пот заструился ручьями по коже. —
Ложе Загоржево? Загорж — мне кличка,
Мать меня кликала так по привычке,
мальчиком плеть обучая рогожи,
теми рогожами мох устилая,
волчьей шкурой меня укрывая.
Ныне ж — в аду то Загоржево ложе?
Ну же, рассказывай, праведник божий,
что ждет Загоржа на адском том ложе?»
«Божья рука справедлива, карая,

смертным неведомы неба решенья:
мук твоих меру не видел, не знаю,
но, зная, бессчетны твои прегрешенья,
ибо, услышав про ложе Загоржа,
дьявол согнулся в трепещущей дрожи, —
отдал расписку без сопротивленья».

Ель долголетия на горном склоне
гордую к небу вершину подьмет,
под топором задрожит и застонет
и, распростершись, рухнет на землю.

Чащею тур разъяренный несется,
все на пути своем сокрушая,
но под ударом копья пошатнется,
ревом окрестности оглашая.

Так и разбойник, сраженный той вестью,
в ужасе диком, в смертельной тревоге
стонет и корчится, павши на месте,
и обнимает страннику ноги.

«О, посоветуй, избранник божий,
как избежать мне адского ложа!»

«Ты не меня умоляй! Я — такой же
червь, как и ты, перед богом ничтожный,
также б погиб я без милости божьей,
богу покайся, пока не поздно».

«Как же мне каяться? Глянь на дубину,
видишь без счета на ней зарубок,
ими отмечены все мои вины, —
столько их, сколько ран было на трупах!»

Странник склонился к дубине Загоржа,—
ствол, что из яблони,—камня был тверже.—
В скалу с размаху вогнал он дубину,
как тонкий прутик ивовый в тину.

«Здесь ты скорей опустишь на колени,
перед свидетельством злых преступлений,
здесь без питья, и без сна, и без пищи
стой, созерцая злодейств твоих тысячи,
кайся в них богу средь слез и молений.
Тяжесть вины твоей беспримерна,
смыть ее карой нельзя наивысшей,
но милосердие божье — безмерно!
Стой здесь, склонивши колени до срока,
как возвращусь я по милости бога».

Странник, промолвивши так, удалился.
И на колени Загорж опустился,
и позабывши про жажду и голод,
небо о милости он умоляет.
Осень проходит, зима наступает,
а Загорж все на коленях в смиреньи,
каясь, ждет странника возвращенья.

Тот не идет ни зимою, ни летом.
Боже, возри на раскаянье это!

V

Уж девяносто годин пролетели:
многое в мире они изменили:
дети дней прежних уже постарели,

стали седыми, приблизясь к могиле,
но и седых-то осталось не много:
кончилась их на погосте дорога.
Все изменило протекшее время —
новые лица и новое племя.
Только лишь солнышко в небе высоком,
как на минувшие поколения,
и на тебя оно — без измененья —
тем же глядит нетускнеющим оком.

Снова над миром светлое лето,
ветер над травами пролетает,
песнь соловьиная снова запета,
снова фиалка благоухает.

Дремой лесною, грабовой чащей,
два человека идут, продираясь,
старец, епископский посох держащий,
дряхлостью долу склоненный, дрожащий,
на руку юноши опираясь.

«Сын мой, помедли! Слаба моя выя,
отдыха жаждет душа и покоя,
к предкам усопшим стремлюсь отойти я,—
воля ж господня диктует другое.
Милость господня бессчетна, безгранна,
сю из ада дана мне дорога,
сю я взыскан был непрестанно, —
славит душа моя господа бога.
Твердо я верил в тебя, мой спаситель,
Будь же земля — твоей славы обитель!
Сын мой, я стражду! Взгляни на соседний

холм: там источник прозрачный струится.
Ты принеси мне воды, дай напиток,
чтобы исполнить долг мой последний».

Юноша в глубь удаляется чащи,
вряд ли он сыщет источник журчащий,
дальше идет он лесной гущиною, —
встала скала обомшелой стеною.
Он останавливается перед нею,
и на лице его — светом и тенью —
вспыхивает светлячком удивленье:
дивным он благоуханьем овеян,
невыразимым объят ароматом,
точно стоит перед райским он садом.
И когда юноша, выйдя из чащи,
стал подыматься вверх по ступеням,
странным он был озадачен виденьем;
с яркой весенней листвою шумящей,
яблоня машет навстречу ветвями, —
ветви полны золотыми плодами,
и от плодов тех льется по чаще
райского воздуха запах манящий.

Юноши сердце взыграло при этом,
взор засиял его радостным светом:
«Чудо я вижу! Господь справедливый
старцу в награду создал это диво:
вместо воды он, ему в подкрепленье,
эти плоды возрастил, без сомненья».

К яблоне руку он простирает,
но, не достигши плодов, опускает.

«Не прикасайся, ее не саживший!» —
голоса ропот раздался глухого,
как бы из-под земли выходявший.
Не было вокруг никого здесь живого.
Пень только рядом торчал одинокий,
мох с ежевикой густой обвивался,
да в стороне у заросшей дороги
дуб полусгнивший с дуплом возвышался.

Юноша пень обошел в изумленье,
глянул в дупло, обреченное тленью,
взглядом окрестность он зорко обводит,
но ни души, ни следа не находит,
всюду безлюдье и запустенье.

«Верно, обманут я звуком случайным,
дикого зверя далеким рычаньем;
может, источник то в камне забивший?»
Так отнесясь к непонятному звуку,
к яблоне вновь поднимает он руку.

«Не прикасайся, ее не саживший!» —
снова грозит ему голос упорный.
Юноша обернулся проворно, —
глядь — это пень тот седой, превеликий
зашевелился под ежевикой;
руки — два корня — к нему простирает,
юношу к яблоне не подпускает;
мохом топорчатся древние брови,
очи краснеют, как бы от крови.

Юноша смертно перепугался,
трижды крестом он себя осеняет;

словно птенец из гнезда выпадает, —
не разбирая дороги — помчался
вниз со скалы, по отрогам и кручам,
ноги кровава терном колючим,
к старца ногам, прибежав, припадает.

«Ах, мой отец! Злая сила пред нами:
там, на скале одиноко стоящей,
яблонь растет с золотыми плодами,
пень сторожит ее говорящий:
если кто к яблони близко подходит,
корни он тянет, очи наводит,
дьявольской силы взор их горящий!»

«Сын мой! Ошибся ты! Милость господня
то чудо являет: хвала в вышних богу!
Видно, окончу я нынче дорогу,
в этой земле успокоюсь сегодня!
Друг! Отслужи мне последнее ныне:
вверх проведи меня к этой вершине».

Юноша старца приказ исполняет, —
под руки взявши, вверх поднимает.

А когда яблоня к ним уже близко, —
пень перед старцем склоняется низко,
руки простерши, радостно просит:
«Долго, учитель мой, не приходил ты:
саженец твой уже плодоносит,
рви эти яблоки! Сам их сажил ты».

«О, успокойся, Загорж мой бедный,
мир я несу тебе в час мой последний!»

Знай — бесконечна милость господня:
оба спаслись мы от преисподней.
Ты мне прости, как тебе я прощаю;
прах свой мы рядом сложим сегодня,
ангелам души свои завещая!»

«Истинно!» — молвит Загорж. И в мгнове-
нье
столбиком пыли перегорает:
лишь ежевичных веток сплетенье,
о том, что был он, напоминает.»

Вместе с ним, старец, рядом стоящий,
падает мертв, подломивши колени;
отрок один остается средь чащи,
мудрого старца исполнить веленье.

Над головой его тотчас же в гору
две голубицы белых вспорхнули
И, приобщая к ангелов хору,
в глубь небесной они потонули.

ВОДЯНОЙ

I

Над затоном, на тополе
водяной шёл-принтошьвал:
«Месяц, свет лей,
моя шть, шей.

Я сошью себе ботинки
и для сунш и для тшы:
Месяц, свет лей,
моя шть, шей.

С четверга да на пяток
сошью себе кожунок:
Месяц, свет лей,
моя шть, шей.

Кожух зелен, боты ярки,
завтра к свадьбе мне подарки:
 Месяц, свет лей,
 моя нить, шей».

II

Рано дѣвица утром встала,
в узелок белье завязала:
«Пойду, матушка, на запруду,
я платки себе стирать буду».

«Не ходи, ты дочь, на запруду,
нынче сны мои были к худу!
Не ходи ты лучше к плотине,
оставайся-ка дома ныне.

Жемчуга я во сне собирала,
в белый плат тебя обряжала,
пенной кипени был исподник, —
не ходи ты к воде сегодня.

Бело платье сулит несчастье,
жемчуга — беду в одночасье,
день негожий — пятница ныне,
Не ходи ты, дочка, к плотине».

Только дочери не сидится,
на запруду она стремится,
точно чьей-то рукой влекома
не желает остаться дома.

Намочила первый платочек,
подломился под ней мосточек.
Над девицею молодою
закрутило круги водою.

Захлестнулись над нею волны,
и простор затянулся водный;
а на тополе, на затоне
водяной заплескал в ладони.

III

Невеселый, неприятный
край подводный; зыбкий,
где меж стеблями кувшинок
лишь мелькают рыбки.

Здесь ни теплый луч не грет,
ветерок не веет,
словно в сердце безнадежном
сумрак холодеет.

Невеселый край подводный,
призрачные струи:
в полутьме и в полусвете
день за днем минует.

Водяного двор просторен,
в нем богатства вдосталь,
но туда лишь поневоле
заезжают гости.

Кто в хрустальные ворота
раз войдет единый,
никогда тому не встретить
больше взор родимый.

Водяной сидит в воротах,
сети починяет,
а жена его, молодка,
дитяtko качает.

«Баю-баю, мой малютка,
сын мой бесталанный,
ты смеешься беззаботно,
я ж — от горя вяну.

Ты за материнской лаской
тянешь ручки обе;
мне же лучше б оставаться
на земле во гробе.

Там у церкви за оградой,
под крестом дубовым,
я была бы по соседству
с материнским кровом.

Баю-баю, мой родимый,
водяной малютка!
Мать приводит мне на память
каждая минутка.

Как она меня мечтала
выдать замуж честно,

но безвестно я пропала,
сгинула, исчезла!

Вот и вышла дочка замуж,
без венчанья в храме:
были сваты — черны раки,
рыбы — шаферами!

Муж мой ходит — спаси боже!
мокрый и по суше,
под водою прячет в крышки
человечьи души.

Баю-баю, мой сыночек
зеленоволосый,
матери любви с тем мужем
знать не довелось.

Обманута, опутана
в коварные сети,
только мне и утешенья —
ты один на свете».

«Ты что поешь, жена моя?
Хуже нет напева!
Ты меня проклятой песней
доведешь до гнева.

Не пой этак, жена моя!
Кипит во мне ярость:
превращу тебя я в рыбу,
как с другими случилось!»

«Не спеши, супруг подводный,
расточать угрозы!
Не ругай ты загубленной,
растоптанной розы.

Ты сгубил меня в расцвете
молодости ранней:
ни с одним ты не считался
из моих желаний.

Я сто раз тебя молила,
ласково просила
отпустить хоть на часочек
к матушке родимой.

Я сто раз тебя просила, —
слез не стало литься, —
мне позволить в раз последний
с матерью проститься!

Я сто раз тебя молила,
павши на колени,
но в твоём обросшем сердце
нету сожаленья!

Не сердись и не ярись ты,
господин подводный,
или рассердись и сделай,
чем грозил сегодня.

Но угрозу ту свершая,
преврати — не в рыбу,

а, чтоб памяти лишилась, —
в каменную глыбу.

Преврати меня ты в скалы
подводные эти,
чтобы я не тосковала
о солнечном свете».

«Рад бы я, жена, послушать
жалобное слово,
только —пустишь рыбку в море, —
как поймашь снова?

Из подводного тебя я
отпустил бы царства,
да боюсь уловов хитрых,
женского коварства!

Так и быть уж, отпущу
я тебя на сушу:
только будь и ты верна
и послушна мужу.

Никого не обнимай,
даже матки родной,
а, как смеркнется, опять
будь в стране подводной.

От утрени до вечерни
срок тебе дается;
а для верности — дитя
здесь пусть остается».

IV

Как бы стать поре весенней
без солнышка яркого?
Что бы было за свиданье
без объятия жаркого?
И когда родной при встрече
вскинет руки дочь на плечи,
чье же сердце черствое
ласке не потворствует?

День-денской с родимой плачет
водяница рядышком:
«Ах мне больно расставанье,
страшен вечер, матушка!»
«Ты не бойся, дорогая,
отпугну того врага я,
и не дам ему в обиду
я родное чадушко!»

Свечерело. Муж зеленый
по двору слоняется;
в клеть с засовом мать и дочка
крепко запираются.
«Дорогое мое чадо,
ты не бойся злого гада:
над тобой его на суше
власть не простирается».

Лишь к вечеру отзвонили, —
грохот в дверь паружнюю:
«Эй, жена! Домой собирайся

я еще не ужинал!»
«Уходи, злодей, с порога,
скатертью тебе дорога,
убирайся, душ губитель,
в свой затон запруженный!»

В полночь — снова грохот в двери,
снова им повелено:
«Эй, жена! Домой собирайся!
Время стлать постелю мне».
«Прочь, печистый, от порога,
скатертью тебе дорога:
привыкай, как раньше спал,
спать на тине-зелени!»

На рассвете — снова грохот,
уж заря поля просит:
«Эй, жена! Пора до дому:
малый плачет, груди просит!»
«Ах, родимая! Мне жутко,
там остался мой малютка,
жалко мне сыночка бросить!»

«Не ходи, моя родная!
Вражья речь изменчива:
ты печешься о дитяти —
о тебе не меньше я».
«Уходи, злодей несытый,
если плачет, — принеси ты,
положи дитя к порогу, —
поручи нам, женщинам».

Над затоном воеет буря,
в буре крик вздымается:
детский плач, пронзивши душу,
сразу обрывается:
«Ах, родная! Страшно, жутко,
это плачет мой малютка,
это — мщенье водяного
надо мной сбывается!»

Что-то падает. Под дверью
струйка крови алая:
дверь в испуге открывая,
мать бледнеет старая!
Сердце ей сжимает ужас:
перед ней среди алых лужиц —
безголового ребенка
стынет тельце малое!

В Е Р Б А

Утром, сев за завтрак ранний,
муж спросил у юной пани:

«Друг мой нежный, друг мой милый!
мы с тобой так дружно жили.

Мы с тобой так дружно жили, —
тайн сердечных не таили.

Третий год уж вместе прожит,
лишь одно меня тревожит.

Друг мой нежный, друг мой милый!
сон твой скован странной силой.

С вечера свежа, румяна,
ночью млещь, бездыханна.

Ни дыханья, ни движенья —
смертной тени выраженье.

Холодеет твое тело,
словно въяве омертвело.

Даже детский плач не может
пробудить тебя, встревожить.

Друг мой милый, свет мой ясный,
может, недуг то опасный?

Если грозный недуг это,
спросим мудрого совета.

В поле много трав полезных,
помогающих в болезнях.

Если средства те не споры, —
есть заклятья, заговоры.

В сильном слове, в заговоре —
кораблям защита в море.

Силой слов пожары тушат,
свары гасят, горы рушат.

Слово звезды сдвинуть может,
и тебе оно поможет».

«Друг мой милый, муж любезный,
все слова здесь бесполезны!

Что случилось от рожденья, —
нету средств для исцеленья.

Что назначено судьбою, —
не сменить ценой люблю.

Без сознания на ложе
отдаюсь я воле божьей.

Волей неба я незримо
в мертвых снах своих хранима.

Ночью мертвой я бываю,
утром снова оживаю.

Вновь сильна встаю со светом,
доверяясь небу в этом».

Зря так пани говорила;
мужу мысли отравила!

Сидит бабка, дышит тяжко,
воду льет из чашки в чашку.

Перед бабкой в тусклом свете
муж у бабки на совете.

«Вещая! Открой попробуй, —
как бороться с той хворобой?»

Что тот недуг порождает,
где душа жены блуждает?

Разгадай мне, сделай милость,
что с супругой приключилось?»

С вечера бодра, румяна,
ночью ж вовсе бездыханна.

Ни дыханья, ни движенья, —
смертной тени выраженья!

Словно мрамор ее тело,
будто вовсе омертвело».

«Если в снах она мертвец, —
знать душа далеко реет!

Днем с тебя очей не сводит,
ночью ж в дерево уходит.

Знай, — над речкой под горою
верба с белою корою.

Ветки желтые упруги —
в них душа твоей супруги!»

«Не такой жена мне мнилась,
чтобы с вербою слюбилась,

Пусть жена живет со мною
верба ж тлеет под землею».

Взял на плечи топорнице,
Вербу ссек под корневище.

Тяжко над струей речною
зашумела та листвою.

Зашумела, застонала,
словно мать дитя теряло.

Словно мать дитя теряло,
руки-ветви простирала.

Что у дома за собранье?
Не над мертвым ли рыданье?

«Смерть стряслась с супругой милой:
как коса ее скосила.

Все ходила, хлопотала,
вдруг, как гром убил, упала.

Пошатнулась, застонала,
руки к люльке простирала!»

«Ох, беда, беда ты злая!
Сам жену убил, не зная.

И дитя порою тою
сам я сделал сиротою!

Ой, ты верба белоствольна,
ревновать тебя довольно.

Отняла полжизни целой:
что с тобой теперь нам делать?»

«Подними меня из глуби,
желты ветви мне отрубишь.

Прикажи из прутьев тонких
колыбель сплести ребенку.

Уложи дитя в корзинку,
пусть не плачет, сиротинка!

Станет в ней оно качаться, —
тела матери касаться.

У ручья посадишь прутья,
не сломать чтоб, не погнуть их.

Подойдет дитя к посадке,
выросши, свирельку сладит.

Зазвучит свирель, задышит —
голос матери услышит».

ЛИЛИЯ

Умерла дѣвица во цвете лет,
словно бы розы увянул цвет;
словно бы розы цвет пераскрытый; —
тяжко лежать ей, в земле зарытой!

«Не погребайте меня на кладбище,
там вдов и сирот плачи и кличи,
горькие слезы вечно струятся:
станут на сердце мне проливаться.

Похороните меня среди леса,
там надо мною зеленой завесой
вырастет вереск, петь будут птицы:
станет душа моя веселиться».

Году единого не миновало,
могила вереском зарастала;

третьего года не проходило,
редкостный цвет расцветал на могиле.

Белая лилия — видевшим взорам
сердце тревожит странным укором;
всем, кто вдыхал ее благоуханье, —
жаркое в сердце всеялось желанье.

«Гей, моя челядь! Седло вороному!
Хочется в лес мне, в зеленую дрему,
время охоты, — под шумные ели,
мнится мне знатная дичь на прицеле!»

Ух, как залаяли гончие звонко!
Ров ли, ограда ль, гоп, гоп! — вперегонку:
пан наготове — ружье только грянь,
вдруг промелькнула белая лань.

«Эге-ге-ге, моя милая, стой,
не защитит тебя ельник густой!»
Мушка на цели, взведен курок —
глядь пред ним — лилии белой цветок.

Смотрит на лилию пан в изумленьи,
ружье опускает, сердце в смущеньи;
страсти ль волна ему дух занимает,
благоухание ль, — кто разгадает?

«Верный мой егерь, услуг не забуду:
выкопай лилию эту отсюда,
чтобы в саду под окошком цвела;
жизнь мне теперь без нее не мила!

Верный мой егерь, ближний из свиты,
лилию ту береги и храни ты,
ночью и днем не смыкая очей;
дивною силой прикован я к ней!»

Ходит слуга за ней день и другой;
пан зачарован ее белизной.
Третья луна над усадьбой стоит,
егерь будить господина спешит.

«Встань, господин мой! Сомнения нет:
по саду движется лилии цвет;
дивное дело, не медли скорей
лилии голос услышать твоей!»

«Цвести мне недолго печальной красой, —
со мглой над рекой, с росой полевой
солнечный вспыхнет над миром багрец, —
вместе со мглой и росой мне — конец!»

«Нет, не конец, я клянусь тебе в том;
с солнечным ты не исчезнешь лучом:
я огражу тебя крепкой стеной,
стань только милой моею женой».

Вышла она за него; и была
счастлива, даже сына родила.
Пиршеством пан отмечает тот час;
вдруг королевский приходит приказ.

«Верный мой подданный! — пишет король, —
завтра на службу явиться изволь;

каждый, кто верен мне, должен здесь
быть,
все остальные дела отложить».

Грустно прощался пан с милой женой,
смутно томимый нависшей бедой.
«Если тебя не могу я хранить,
матушку буду усердно просить».

Плохо ту просьбу исполнила мать
и не хотела жену охранять;
крышу раскрыла — там солнце и синь:
«Сгинь, полуночица, сгинь, ведьма,
сгинь!»

**Выполнив службу, пан едет назад;
вести лихие навстречу летят:
«Бедный младенец твой умер, зачах,
белая лилия сникла в лучах!»**

«Матушка, матушка, злая змея!
В чем провинилась супруга моя?
Все ты сгубила, чем жил я любя,
дай бог, чтоб свет помрачнел для тебя!»

ДОЧЕРНЕЕ ПРОКЛЯТЬЕ

«Отчего мрачна ты стала,
дочь моя?
Отчего мрачна ты стала —
радостной всегда бывала,
а теперь замолок твой смех!»

«Я сгубила голубенка,
мать моя!
Я сгубила голубенка,
беззащитного дитенка —
белым был он словно снег!»

«Это был не просто птенчик,
дочь моя!
Это был не просто птенчик —
слишком лик твой стал изменчив
и потуплен долу взор!»

«Я дитя свое убила,
мать моя!
Я дитя свое убила,
плоть родную загубила —
горе гнет меня с тех пор!»

«Что ж теперь ты делать станешь,
дочь моя!
Что ж теперь ты делать станешь —
чем беду свою поправишь,
чтобы гнев небес смягчить?»

«Я пойду теперь скитаться,
мать моя!
Я пойду теперь скитаться, —
поищу травы-лекарства,
чтобы душу облегчить!»

«Где ж растет такое зелье,
дочь моя!
Где ж растет такое зелье, —
чтоб вернуть душе веселье?
За оградою какой?»

«Там в воротах со столбами,
мать моя!
Там в воротах со столбами,
с прочно вбитыми гвоздями
с конопляною петлей!»

«Что ж сказать мне молодому,
дочь моя!
Что ж сказать мне молодому,

что ходил так часто к дому
и с тобою счастлив был?»

«Передай благословенье,
мать моя!
Передай благословенье
за обман, за обольщенье
и за то, что изменил!»

«А с любовью материнской,
дочь моя!
Что с любовью материнской,
самой нежной, самой близкой,
что, как воск, мягка была?»

«Над тобой мое проклятье,
мать моя!
Над тобой мое проклятье, —
что изменнику в объятья
волю кинуться дала!»

П Р О Р О Ч И Ц А

(Отрывки)

Если слеза отуманит вам вежды,
если пробьет для вас тяжкий час,
я протяну вам ветку надежды,
мой прозвучит для вас вещей глас.

Не пропустите вы речи эти,
небом пророчеству сила дана:
есть непреложный закон на свете,
каждому выполнить долг сполна.

Путь свой у моря река кончает,
к небу поднявшись, огонь падет;
все, что землей рождено, погибает,
но без следа ничто не пройдет.

Прочны и стойки судеб веленья,
что неизбежно, — придет в свой час;
то, что сегодня прошло без значенья,
завтра значительным станет для вас.

* * *

Виден был муж мне на бреге Белины,
праотец славных наших вождей,
он урожай подымал наш старинный,
плуг свой ведя средь родимых полей.

И приходили послы от собранья,
и нарекали его королем,
в пышные облачив одеянья,
и не допахан был чернозем.

Выпряг из плуга волов он на волю:
«Туда, где я взял вас, вернитесь опять!»
Бич с кнутовищем закинул он в поле
дикими травами зарастать.

Скрылись волы за горою неспешно —
в следы их поднесь вода налита;
от кнутовища же буйный орешник
выпустил три молодых куста.

Они зацвели и плоды давали,
только созрел из них — лишь один;
два же увяли, с веток опали,
не проросли из земных глубин.

Слушайте вещее, верное слово!
пусть прорицанье запомнит народ:
век благодатный вернется снова,
когда и мертвая ветвь зацветет.

Снова раскинутся ветви эти
облагороженной, шире, пышней,
на удивление всем на свете
плод понесут от своих корней.

Явится в золото вождь облаченный,
словно бы долг возвращая вдруг,
выйдет из праха им извлеченный
Пршемыслов старый заржавленный плуг.

Из-за горы те волы вернуться,
мерно опять пойдут под ярмом,
и — недопаханные — проснутся
пашни под золотым зерном.

Ветер задышит, всходы всколышет,
вскинется буйных колосьев гладь,
и счастье родины солнцем запышет,
древнюю славу вернув опять.

* * *

Вижу скалу над рекою кипучей,
на той скале город Кроков злат;
а подле града в долине цветущей
Либуши княжий привольный сад.

Долу — построечки малой, надводной,
княжкой купальни тесины блестят;
вижу княгини я лик благородный,
серебротканый се паряд.

Став на пороге речной светлицы,
вглубь устремила она свой взор;
страшные стали слова ей светиться;
родине милой судеб приговор.

«Вижу я зарево, сечу сражений,
острый клинок твою грудь пробьет,
узнаешь ты беды и мрак запустений,
но духом не падай, мой чешский народ!»

Здесь же две няни, стоявшие сбоку,
к ней подошли с колыбелью златой;
поцеловала и в бездну потока,
кинув ее, погребла под скалой.

Слушайте ж Либуши мудрое слово —
я ее слышала вещей глас:
«Пусть здесь лежит колыбель, пока снова
ей не приспеет урочный час!»

С темного дна из глубокого моря
новый поднимется юный мир;
лип благовонных в отцовом подворьи
снова раскинутся ветви вширь.

Всходы пробудит весенний ливень,
свет засияет, что тьмою рожден:
новою славой народ очастливлен,
встанет, как старую был озарен.

В час этот из глубины быстротечной
вновь колыбель золотая всплывет,
и земля, чье спасенье предвечно,
словно как в зыбке дитя, отдохнет.

* * *

Помню тебя, колыбель святая,
верю в тебя — путевую звезду!
Матери верой думы питаю,
снова тебя я увидеть жду.

Год за годами проносится мимо,
весен и зим кружит хоровод;
все ж моя вера непоколебима,
с каждым мгновеньем она растет.

Если кто в глубине под скалою
в омуте летом ко дну пойдет,
если у буйной ватаги зимою
вдруг под санями подломится лед,

то я вздыхаю, к Либуши войску
новых немало прибыло сил!
Близко ли время, когда успокоюсь?
все еще час тот не наступил!

Так ведь начертано в книгах судьбою,
слушайте голоса моего:
утро поднимется голубое,
мертвые встанут в честь его.

Либуша княгиня с мощными полками
выступит из глубоких вод

и материнскими руками
к славе поднимет родной народ!

* * *

Видела костел я над Орлицей речкой,
слышала его колокола,
прежде чем честность старой воли чеш-
ской,
разорвали когти зла.

В те дни, когда святость в Чехии исчезла
с верой и надеждой золотой,
костел тот земная поглотила бездна,
и покрылась местность та водою.

Все ж не навеки скрыт он под землею:
воды эти схлынут вспять,
и костел восстанет с силою былою
благовестом к славе звать.

Помните ж и знайте слов предначертанье,
неумолимый судьбы закон:
«Зримо вам станет жарких зорь сиянье,
если тот раздастся звон.

И с другого берега Орлицы снова
ветер посеет новый лес,
и молодняк народится сосновый
встанет бор могучий до небес.

И когда сосна на краю того бора
век свой многолетний доживет

и в Орлицу реку рухнет без опоры,
а сосновый корень догниет,

тогда придут сюда дикие свиньи
вырыть остатки корней,
и заблещет золотом под ними
дивный колокол в глубине.

Ибо ему суждено от рожденья
путь под землю пройти такой
и в предназначенное мгновенье
цели достигнуть своей за рекой».

Знайте ж: у края зеленого бора
дерево сохнет, век отслужив,
ветви теряют зелень убора,
только вершина еще свежа.

Может, и колокол путь свой кончает
и к предназначенной цели спешит?
Кто прорицания те разгадает,
а в сердце надежду нам укрепит?

Видела я, как пахал крестьянин
в поле поблизости Быстрицы,
песнью простор оглашая ранний:
«Боже, святые Троицы!»

Дивной он был остановлен помехой,
вывернув, стал он обломок бранить:
«Какого дьявола я переехал?
чтоб ему в бездну опять угодить!»

Так проклинал он, и жалобным стоном
отозвался уходящий глас
колокола погребенного звоном:
«Нет, не настал, не настал мой час!»

Ах, это время еще не с нами!
Все ж преклоните к земле свой слух,
там под сосны величавой корнями
колокол дивный услышите вдруг.

* * *

Не обвиняйте в несчастьях судьбины,
камни и кремни, жестокость ее,
лучше признайте скорей свои вины —
собственное безрассудство свое!

Вижу я гору под облаками —
всем та вершина знакома вам —
окружена она пышно садами,
а на верху ее божий храм.

В храм этот входят тремя воротами,
также тремя выходят на свет;
писано в книгах то, но и сердцами
запоминайте вещей завет:

«Все вы напрасно мечту бережете,
вы не избудете бед и забот,
если потоком в одни ворота
весь не вольется чешский народ!»

Тот, кто имеет уши, да слышит,
что ж ты их пальцем заткнул, дорогой?
ты, кому разум присвоен свыше,
что же ты топчешь его ногой?

Тысячу минуло лет, как к согласью
звал сыновей своих Святополк,
но, не достигнув нашего часа,
зов золотого завета умолк!

* * *

Вы кто отцов своих славных делами
любите чваниться в похвальбе,
в Праге у моста стоит перед вами
полугерой на гранитном столбе.

Голову снес ему времени ветер,
плечи разбиты шведской войной,
ноги и торс еще — на постаменте,
в глупой гордыне своей стариной.

Не говорите, что «давней порою
полуразрушена мощь столба!»
Знайте, то нынешних ваших героев
ознаменована здесь судьба!

Вслушайтесь вдумчиво в мое слово:
бросьте на статую эту расчет,
пока в ней сердце не дрогнет снова
и голова к ней не прирастет!

C A M X M

ЗВИЧИНСКИЙ СОНЕТ

От скрытых **облаками** темных гор,
что Чехия, как щит, поднять могла бы,
оттуда, где светло струится Лаба,
к нам немцы устремили свой напор.

Куда ни кинешь зорко взор с утра,
они повсюду — не увидишь чеха.
На их пути стоит одна помеха —
высокая Звичинская гора.

О, если б недоступной целью вечной
гора бы та была для немцев, как и встарь,
то я бы с благодарностью сердечной

ее венком украсил, как алтарь,
как славянин, как патриот примерный,
за мой народ, всегда свободе верный.

ПЕСНЬ О ПОБЕДЕ
У ДОМА ЖЛИЦ ЛЕТА 1431

Подходи любой и слушай,
песней всем потешу душу

о делах, что прежде были,
чтоб о них вы не забыли.

К нам из Рима раз приехав,
кардинал клял злобно чехов.

Он в руке держал распяты,
к немцам слал на нас прокляты:

«Справится лишь меч и пламя
с чехами-еретиками!

Бейте их без сожаленья,
всех грехов дам отпущенье!»

Вот баварцы к нам подходят,
всюду слухи злые бродят:

«К Тахову уж подступили,
все деревни там спалили.

Братья, бейте все тревогу,
к нам спешите на подмогу!

Да не сгинет чехов имя
меж народами другими!»

Чехи клич тот услышали
и три войска собирали.

Первыми шли таборяне —
с немцами сражаться рьяно.

А вторыми шли сиротцы,
чтоб за родину бороться!

Преисполнено отваги,
третье войско шло из Праги.

Вот у Пльзня пыль клубится,
где же немцы? Где убийцы?

Чехи ждут врагов, но тщетно —
войск не видно, незаметно.

Побросав всё, убежали,
и догонишь их едва ли!

А кого кусты укрыли,
тот остался там в могиле.

Всю казну, запасы, ружья,
и знамена, и оружие,

с папской грамотой в придачу,
чеши взяли без отдачи.

Ну, а где ж посланник папы?
Он без кардинальской шляпы!

«Ой, когда в лесу я ехал,
сук задел, и, видно, чеши
взяли шляпу для потехи!»

ГОРЕЦ-ЧЕХ

С отчиной будто на свиданьи
стою я, подо мною горы.
Все небо в солнечном сияньи,
и взгляд уводят вдаль просторы.

Руками обхватчу я землю,
подобно горам станут руки.
Отчина, всю тебя объемлю,
как обнимают в час разлуки.

О Чехия, страна родная,
на грудь к тебе припасть хочу я
и раствориться, замирая,
в тебе хочу, тебя целуя.

О Б Р А Щ Е Н И Е

(к жителям Милетина)

На родине прекрасны наши нивы,
их отстоял в бою с врагом народ.
Творил он чудеса врагам на диво,
его единство — вольности оплот.

Земля отчизны до сих пор богата:
она в короне — камень дорогой.
Из недр ее богатства столько взято,
что на века хватило б для другой.

Но стоит только выразить желанье,
достойно встретить прошлое страны,
оставить внукам подвиг в назиданье —
ах, мы тогда и слабы и бедны!

Где помощь? Где найти спасенье?
Из недр каких добыть богатство нам,

чтоб статую, собора украшение,
мы вознесли к прозрачным небесам?

Иль правда, слабы так, что на чужбине
себе искать мы помощи должны,
чтоб почести воздать своей святыне
и укрепить обычай старины?

Не верю я тому! В порыве смелом
напомнит нам отцову славу сын. —
Друг другу мы опять докажем делом,
что Милетин — давно не Милетин.

Давно уже вперед шагнуло время.
Девиз «Самоотверженность» гремит
и в поле и в лесу, свергая бремя
ошибок, заблуждений и обид.

Пускай, настигнут бурю суровой,
наш Милетин лежал в глубоком сне,
он все-таки дождался жизни новой,
он выстоял под бурей в огне.

У города лицо иное стало,
он просветлел и раны залечил.
Но надобно ему еще не мало
внимания, трудов и новых сил.

И на алтарь он просит не полушки,
он гордо жертвы требует опять,
бороться, жить — не детские игрушки,
не любит громких фраз отчизна-мать.

Не оттого ли я настроил лиру
на лад веселый, прославляя труд!
Ведь Милетин докажет скоро миру,
что в нем мужи великие живут!

Мы собрались возвысить божье слово,
украсить богородицу, — и ждет
она, когда прославим город снова:
пусть это только шаг, но это — шаг вперед!

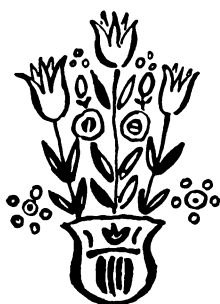
МЛАДШИЙ БРАТ

Горе влтавскому лугу,
он от дыма седой:
среди павших, изранен,
стонет чех молодой.

«Мать, прощай дорогая,
гаснет юность моя,
обнимаю вас, братья,
вас, родные края».

На равнине могила,
дуб над нею шумит,
мать над свежей могилой
плачет горько навзрыд.

«Мать, не плачь, дорогая,
он слезам был не рад.
Подожди, подрасту я,
буду смелым, как брат!»

Ф Е Р Д А Ч Е К Н А Ш!

Эй, Фердачек наш,
подвела тебя блажь!
Чешский лев зарычал,
ты не слышал, — молчал;
плохо слышишь давно ты,
блаженненский.

Стой, народ, на своем,
счастье вместе найдем.
А, Фердачек, в ночи
отдыхая, молчи:
твое место на свалке, блаженненский.

На своем стой, народ!
Час свободы придет!
Что досталось в борьбе,
сохранишь ты себе:
нам на шею не сядет, блаженненский!

СОЛНЦЕ ЖИЗНИ

Ах, как грет солнце с неба
лучезарным светом!
Ах, как радостно, чудесно
жить на свете этом!

Пусть порою и затмится
счастья свет небесный,
бесконечно все ж мне дорог
мир земной чудесный!

Больше перлов и сокровищ
дорого и мило
ты, сияющее в небе
яркое светило!

Коль бы сам господь мне молвил:
«Дам я полвселенной,

но зато чрез два-три года
мир покинешь бренный!»

Я сказал бы: «Нет, уж лучше
придержки подарок, —
для меня и свет земной наш
и хорош, и ярок!»

Если бы ко мне явился
ангел вдруг господен
и сказал: «Внемли, о грешный,
богу ты угоден.

Вознесись со мной на небо,
землю покидая,
и душа твоя узнает
все блаженство рая!»

Я бы ангелу ответил:
«Возвращайся к богу,
дай еще на этом свете
мне пожить немного!

Ведь и так придется скоро
мне с землей расстаться;
дай под ярким светом солнца
вдоволь надышаться!»

Солнце, солнышко родное,
божество и радость,
грей, свети, чтоб я изведаль
всю земную сладость!

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Раскраснелась в пляске лица,
шумно, тесно за столом,
и невеста веселится —
лихо пляшет с женихом.

Пьян от счастья, в шуме, громе
крикнул он: «Гей, веселей!
Всем, что в погребце, что в доме,
всем я потчую гостей!»

За столом поднялся с места
гость незваный и чужой:
«Жизнь отдал бы, чтоб невеста
круга три прошла со мной!»

Первый круг протанцовали, —
замер у невесты смех;

круг второй еще в начале, —
а она бела, как снег.

«Что, любимая, бледнеешь?
Загрустила отчего?
Иль на свадьбу звать не смеешь
в гости Зденка своего?»

Так шепнул он, с нею вместе
завершая третий круг.
На руки без чувств невеста
к жениху упала вдруг.

Все — в смятении, — случай странный!
Все спешат, чтоб ей помочь.
Кто он? Где он, гость незванный?..
Сгинул, словно призрак, в ночь.

Скрылся незнакомец мрачный,
снова танцы, пир горой,
но веселье новобрачной
гость унес навек с собой.

В Е Ч Е Р

Смерклось, льется гул трезвона,
звезды тропкой золотою
искрятся по небосклону.
Сердце, сердце, что с тобою?

— Из груди твоей, как птица,
рвусь я в небо устремиться,
там, со звездами кочуя,
я на всю страну родную
стало бы слезами литься,

ввысь поднявшись, как светило,
к родине б любовь будило,
с высоты могучим звоном
громогласно миллионам
сынов чешских говорило!

ПРИЗЫВ К РАДОСТИ

Ловите радость —
пока шумит,
и кудри старость
не серебрит.

Для нас май жизни
и май любви,
и май отчизны,
и соловьи.

И щебет реч,
звенит в кустах,
и луг пестреет
кругом в цветах.

И дуб нарядный
опять в листве;

ручей прохладный
журчит в траве.

Бывают розы
без терний? — Нет!
Испортят слезы
весенний цвет.

Иль перестали
для нас шуметь
цветные дали
и розы рдеть?

Зима нагрянет,
весна уйдет,
и сердце стянёт
осенний лёд.

Ловите ж радость —
пока шумит,
и кудри старость
не серебрит!

ЕДИНСТВО

Эй, друзья, смелей навстречу жизни,
не стоит на месте время-птица!
Нам ли унывать в родной отчизне,
если можно жизнью насладиться?

подадим друг другу смело руки,
дух борьбы — сегодня наше знамя.
Пусть с земли исчезнут скорбь и муки,
да живет, кто весел, рядом с нами!

Горести к чему? Ведь мир, как прежде,
каждый день меняется, — сердцу краше.
Пусть не раз ягала душе надежда, —
все что взято с боем — вечно наше!

Эй, друзья, смелей навстречу жизни,
не стоит на месте время-птица!

Нам ли унывать в родной отчизне,
если можно жизнью насладиться?

Подадим, друзья, друг другу руки,
дух борьбы — сегодня наше знамя!
Пусть с земли исчезнут скорбь и муки,
да живет, кто весел, рядом с нами!

З А С Т О Л Ь Н А Я

Ходит в бочках хмель игриво,
слава нашим пивоварам,
и гулякам, что у пива
не теряют время даром!

Здравствуй, радость огневая,
с кружкой полною до края!

За того мы выпьем чеха,
кто за речь своей отчизны,
кто за честь ее успеха
не ждал труда и жизни!

Здравствуй, братство гражданина,
где семья друзей единая!

За здоровье всех, кто вместе
с нами радостен и весел,
кто душою прям и честен,
нос на квинту не повесил!

Здравствуй, кружка, с влагой пенной
с дружбой вечно-неизменной!

НА ВЫБОРЫ

Кто вставал за волю смело —
дома не сиди:
выборы — большое дело,
выбирать иди.
С равнодушием — вниманье! —
кончим навсегда.
Вашек, Гонза, на собранье!
Мы — бойцы труда.

Лишь тот, кто счастье кует
И день и ночь в борьбе,
лишь тот, лишь тот, лишь тот
поможет сам себе!

Пусть счастливой и довольной
Чехия живет,
пусть община в Праге вольной
в руки власть берет.
Прага ждет давно — вниманье! —
ждет хозяйских рук.

Вашек, Гонза, на собранье,
труд — наш первый друг.

Лишь тот, кто счастье кует
и день и ночь в борьбе,
лишь тот, лишь тот, лишь тот
поможет сам себе!

ТОРЖЕСТВО В ЧЕСТЬ ОСВЯЩЕНИЯ ЗНАМЕНИ

Братья, символ — это знамя,
знак единства между нами,
и грядущего залог!
Вкруг него сплотимся, ну-ка!
С нами песни и наука,
с нами родина и бог!

Встанем к знамени родному,
грянем песню по-былому
так, как в Чехии поют!
С песней гордой в честь отчизны
посвятим народу жизни,
юность, знания и труд!

Приведи же, боже правый,
Чехию в обитель славы!

ДЕВА И МАТЬ

Дева чистая в расцвете,
в красоте своей стыдливой, —
словно жемчуг горделивый,
роза в прелести весенней.

Мать, чьи выращены дети
для ее страны родимой,
с девой-розой несравнима, —
встань пред нею на колени!

Всех жемчужин совершенней
роза в свежести невинной,
но украсят драгоценней
только рута и барвинок!

КУКУШКА

Три ку-ку над лесом прозвучали,
загрустила девушка в печали,
парень же сказал: «Довольно лижи!
Правду мне, кукушка, предскажи!

Вот, когда я с милой повенчаюсь,
сколько лет нам жить, не разлучаясь?
Но считай, кукуя мне ответ,
каждое ку-ку за двадцать лет!»

Три ку-ку над лесом прозвучали,
девушка утешилась в печали,
парень светлую ее слезу
поцелуем выпил, как росу.

Обнимал, целуя, жал ей руки,
а кукушка пела все на букве,
и когда взошел второй посев,
в доме их звучал ее напев.

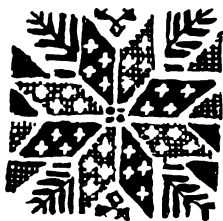
РЕВНИВЫЙ

Ах, небо, ты темным-темно,
темней земли сырой,
ах, я тебе доверюсь, но
ты, верное, темным-темно
мою тоску укрой!

Растил я на груди змею,
ловил прекрасной взгляд.
Ах, видно, на беду свою
растил я на груди змею,
глотал змеиный яд.

Ах, молнии, где были вы,
когда лежал без сна?
Зачем же не светили вы,
ах, молнии, где были вы,
когда лгала она?

О почему не погребла
земля печаль мою,
когда она к нему пришла,
ах, почему не погребла
земля ее, змею!?

ЗОЛОТОЙ ПРЕСТОЛ КРОКА

Я видела — на золотом престоле
сидел отец премудрый Крок,
народ, избрав его по доброй воле,
просил, чтоб слово он изрек.

Я видела: Либуша молодая
взошла на золотой престол
пред тем, как Хрудош, верность нарушая,
Отчизну к гибели привел.

Она, найдя в любви лишь вероломство,
сошла с престола, и потом
никто уж не был из ее потомства
судьей на троне золотом.

Ее потомкам жесткое сиденье
из камня заменяло трон, —

чтоб знали все — исчезло, как виденье,
сиянье золотых времен.

Вернешься ли ты, золотое время?
Иль не придешь ты к нам опять?
Придешь, сверкнешь ты солнечно над
всеми
когда? Кто может это знать?

Послушайте, поверьте светлой вести,
от Быстрицы ее несу,
оттуда, где шумят о славе, чести
дубы в Милетинском лесу.

Явилась дева из Тэшина града,
как Вида, дивна красотой, —
в песок речной, в зыбучую прохладу
престол зарыла золотой.

Промолвила: «Сиденье золотое,
покойся долгий, долгий срок,
до той поры, пока родной страну
не будет править новый Крок.

Тебя поднимет он со дна речного,
со славой на тебя взойдет, —
и счастье золотого века снова
увидит чешский наш народ!»

ПЕРВАЯ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Хор

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!
Кто может мощь твою превозмочь?

Звóнок рокот соловьиный,
с нами в рощу поспешай!
Сладок запах над долиной,
встретим в хороводе май!

Звонок рокот соловьиный,
сладок запах над долиной,
с нами в рощу поспешай,
встретим там цветущий май!

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

* * *

На пригорке над лугами
заалел костер, пылая,
в играх прыгает чрез пламя,
пляшет юность удалая.

П а р н и

Гей, ребята! Ветви зажигайте,
окунайте хвою в пламя!
Выше к песту их бросайте
сильными руками!
Тот, кто ветку бросит выше,
будет смелый удалец:
Тот, кто верой в свои силы дышит,
славы обретет венец!

Х о р

Вверх летит огонь и вниз нисходит,
солнце так восходит и заходит.
Вспыхнет и погаснет хвоя,
словно счастье огневое!

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

* * *

Средь посева серебритя
след межн-тропички:
собрала краса-девица
росные слезинки.

Д е в и ц а

Вспыхну, расцветая,
словно роза мая!
Я лицо умою
майскою росой,
чтоб цвет майский нежно
на щеках зарделся,
чтоб глядел любимый
и не нагледелся!

Х о р

Майская роса, полынь с крапивой —
ненадолго делают красивой.
Трудолюбье, скромность и приличие —
украшенье лучшее девичье.

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

* * *

Вот из рощи на полоску
вышел статный паренек,
на плече несет березку,
а на ней цветной веноч.

П а р е н ь

Милая, березку в знак разлуки
под твоим окном поставлю,
а на память о душевной муке
я цветов веноч оставлю.

Милая, друг друга мы любили,
я тебя не поцелую,
ведь любовь под корень подрубили,
как березку молодую.

Х о р

Гей, цветы в венки сплетайте,
веники берез ломайте!
Венок девушке прекрасной,
веник бабке безобразной!

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

* * *

В полночь ведьма оголилась
и под дымоходом села,
беленою обкурилась
и натерла мазью тело.

Б а б а - Ч а р о д е й к а

Хорошенько мазью надо
натереть нагое тело.
На метлу верхом я сяду,
гей, в трубу — и полетела!

Через реки, горы мчится
мой конек, не уставая.
Гей, слетайтесь все, сестрицы,
на веселый шабаш мая!

Х о р

Мы порог золой посыпем,
ветви майские посадим,
окропим святой водою,
с чарой злой бесовской сладим

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

З а к л ю ч и т е л ь н ы й х о р

Солнышко, свети нам ясно!
Растворится мрак, исчезнет.
Ложь, обман навек погаснут,
правда светлая воскреснет.

Над насильем встанет право,
рабство победит свобода.
Немощь станет мощью. Слава,
всемогущая природа!

Майская ночь! Майская ночь!
Первая майская ночь!

ИЗ НАДПИСЕЙ В АЛЬБОМЫ
И ЭПИГРАММ

1

Вы и я — друзья навеки:
ведь одним сердца горят.
Наши горы, наши реки
нас уж не разъединят!

2

Будь Москва то, будь то Прага,
наша родина — одна.
Если жизни цель — она,
значит вместе быть нам — благо!

3

Вдали, вблизи ли, друг мой милый
одним путем идут друзья.

Вдали, вблизи ли — до могилы
верны отчизне сыновья!

4

Пусть же между нами горы и долины,
сердцем и душою мы всегда едины.

С К А З К И М

УМ И СЧАСТЬЕ

Повстречались как-то на узкой дорожке Счастье и Ум.

— Уступи мне дорогу, —
сказало Счастье.

Ум был тогда еще неопытен,
не знал, кто кому должен усту-
пать дорогу.

— С какой стати я буду те-
бе уступать? — сказал он. Ты
не лучше меня.

— Лучший из нас тот, кто достигнет большего. Видишь вон того парня, что пашет в поле. Войди в него. Если ему будет лучше жить с тобой, чем со мной, я тебе буду всегда уступать дорогу.

Ум согласился и вошел в голову юноши. Как только пахарь почувствовал, что Ум вошел к нему в голову, тут же начал рассуждать.

— Что ж мне до смерти ходить за плугом? Я могу добиться удачи другим, более легким путем.

Бросил он пахать, отложил плуг и пошел домой. Дома говорит отцу:

— Отец, не нравится мне крестьянствовать. Лучше я буду учиться на садовника.

Удивился отец:

— Что ты, Вáнек, спятил, что ли?

Но потом подумал и согласился: «Ну, коли хочешь, учись, бог с тобой. А хозяйство мое, как помру, получит твой брат».

Так Вáнек лишился наследства. Но это мало его огорчило. Он отправился к королевскому садовнику и поступил к нему в ученье. Садовник не был щедр на объяснения, но Вáнек все схватывал на лету. Скоро он уже не слушал садовника, а делал все по-своему. Сперва садовнику это не нравилось, но потом он увидел, что у парня дело спорится, и был доволен.

— Вижу, что ты поумнее меня, — сказал он Вáнеку и разрешил ему все делать на свой вкус.

Скоро Вáнек так разукрасил сад, что король остался доволен и часто прогуливался там с королевой и своей единственной дочкой. Дочка эта была писаная красавица, но с двенадцати лет онемела — слова от нее нельзя было добиться. Король очень этим огорчался и велел объявить: кто заставит царевну заговорить, получит ее руку.

Нашлось много охотников — королей, князей и иной знати. Все они приходили один за другим и уходили ни с чем: никому не удавалось вызвать царевну на разговор.

— Почему бы мне не попытаться счастья! — сказал себе Вáнек. — Может, мне удастся заставить ее отвечать на вопросы.

Не долго думая, он попросил доложить о нем королю. Король со своими советниками привел его в покой, где находилась дочь-царевна. У царевны была собачка, и царевна ее очень любила, потому что собачка была такая умница — все понимала и во всем слушалась. Вáнек, войдя в покои, сделал вид, что не замечает царевны, и обратился к собачке:

— Слышал я, собачка, что ты большая умница, вот и иду к тебе за советом. Было нас три товарища: один резчик по дереву, другой портной и я. Однажды шли мы лесом и пришлось нам заночевать под открытым небом. Чтобы на нас не напали волки, мы развели костер и уговорились, что будем сторожить по очереди. Первым был резчик по дереву. От нечего делать он взял чурбан и вырезал красивую куклу. Когда кукла была готова, разбудил портного—тому была очередь сторожить. Портной увидел деревянную куклу и спрашивает: «А это что?» — «Вот видишь, — отвечал резчик, — мне нечего было делать, я и вырезал куклу. А тебе нечего делать, так ты ее можешь одеть».

Портной тотчас вынул ножницы, иглу и нитки, раскроил материю и начал шить. Когда платье было готово, он нарядил куклу, а потом разбудил меня, чтобы я шел сторожить. Я тоже спрашиваю: «Это что такое?» Он говорит: «Видишь ли, резчику нечего было делать, он вырезал куклу, я от нечего делать ее одел, а ты от нечего делать можешь научить ее говорить».

Я так и сделал, и к утру кукла заговорила. Утром мои товарищи проснулись, и каждый захотел взять куклу себе. Резчик говорит: «Я ее сделал», портной говорит: «Я ее одел». Ну, а я тоже отстаивал свои права. Вот и скажи мне, собачка, кому эта кукла принадлежит?»

Песик молчал, но тут вместо него заговорила царица:

— Кому же, как не тебе? Что за толк от неживой куклы резчика? Что за толк от нарядов портного? Ты дал ей самый ценный дар — жизнь и речь. Она твоя по праву.

— Ты сама решила свою судьбу, — сказал тогда Ванек. — Тебе я тоже вернул дар речи и дал новую жизнь, и потому по праву ты моя.

Тут один из королевских советников говорит:

— Его королевское величество щедро наградит тебя за то, что тебе удалось исцелить царицу, но жениться на ней ты не можешь, потому что ты простолюдин.

Король тоже говорит:

— Ты незнатного рода. Я тебе дам вместо дочери щедрую награду.

Но Ванек и слышать не хотел о награде.

— Король обещал без оговорок: кто заставит его дочь заговорить, тот будет ее мужем. Королевское слово — закон. Если король хочет, чтобы его законы исполнялись, он должен сам их уважать. Король должен отдать за меня свою дочь.

— Эй, слуги, связать его! — закричал советник. — Тот, кто говорит, что король должен, оскорбляет королевское величество и заслуживает

смерти. Ваше величество, соизвольте приказать этому злодею отрубить голову.

— Отрубить ему голову, — сказал король.

Вáнека тотчас связали и повели на казнь. Пришли на лобное место, а там их поджидало Счастье. Говорит оно тихонько Уму:

— Вот, смотри, до чего ты довел человека. Сейчас ему из-за тебя отрубят голову. Уступи-ка мне место.

Как только Счастье вошло в Вáнека, меч палача переломился у самой рукоятки. Не успели принести другой, как примчался из дворца гонец. Скачет, трубит, машет белым флажком. А за ним королевская карета — для Вáнека. Оказывается, царевна за это время уговорила отца, что Вáнек прав, королевское слово нельзя нарушать. Если же Вáнек незнатного рода, то королю ничего не стоит сделать его князем. «Ты права, — говорит король, — пусть будет князем».

За Вáнеком тотчас же послали королевскую карету, а на казнь отправили того советника, что настаивал короля против Вáнека.

Вáнек обвенчался с королевской дочерью. А когда они сехали из церкви, по дороге попался им Ум. Увидев, что ему придется встретиться со Счастьем, Ум опустил голову и отошел в сторону. С той поры при встрече со Счастьем Ум всегда уступает дорогу.

ТРИ ЗОЛОТЫЕ ВОЛОСА ДЕДА-ВСЕВЕДА

Быль или не быль, — только жил однажды король. Любил он в лесах на зверей охотиться. Погнался он раз далеко за оленем и заблудился. Кругом шикого, наступила ночь, и король обрадовался, когда увидел на вырубке избушку. В ней жил угольщик. Король спросил, не согласится ли угольщик вывести его из лесу на дорогу; а он ему хорошо заплатит.

— И рад бы вывести, — ответил угольщик, — да, видите, жена у меня на спосях, того и гляди родится. Не могу я уйти. Да и куда вы пойдете в такую пору? Ложитесь лучше на сеновал, а утром я вас провожу.

Скоро после того родился у угольщика сыночек. Король лежал на сеновале, не мог заснуть.

В полночь засветился внизу, в горнице, свет. Поглядел он сквозь щель в потолке и видит: угольщик спит, жена его лежит словно без памяти, а возле ребеночка стоят три старушки, совсем белые— у каждой в руке свеча горит.

Первая сказала:

— Я этому мальчику предсказываю, что он встретит великие опасности в жизни.

Вторая сказала:

— А я ему предсказываю, что он из всех их цел выйдет и долго жить будет.

— А третья сказала:

— А я ему предсказываю, что он женится на дочке, которая родилась сегодня у того короля, что наверху, на сеновале лежит.

Тут старушки свечи погасили, и стало тихо. Это были волшебницы.

Королю словно меч в грудь вонзили. Он не спал до утра. Все думал, как быть, что сделать, чтобы не случилось того, что он слышал. Когда рассвело, ребенок стал плакать. Угольщик встал и видит, что жена уснула навеки.

— Бедный ты мой сиротка... — стал он горевать. — Что мне теперь с тобой делать?

— Отдай мне своего малютку, — сказал король. — Я позабочусь, чтобы ему хорошо было. А тебе дам столько денег, что до самой смерти хватит, не нужно будет угли жечь.

Угольщик обрадовался, и король обещал прислать за малюткой. А когда он вернулся в свой

замок, ему с великою радостью доложили, что у него родилась прекрасная дочка. Это случилось в ту самую ночь, когда он видел трех волшебниц. Король омрачился, позвал одного из своих слуг и говорит:

— Ступай туда-то и туда-то в лес, — там в избушке угольщик живет. Отдай ему эти деньги, а он даст тебе ребенка. Возьми того ребенка и по дороге утопи его. А не утопишь, сам воды отведаешь.

Слуга пошел, взял малютку, положил его в корзинку и, переходя по мосту широкую и глубокую реку, бросил его вместе с корзинкой в воду.

— Прощай, непрощенный зять! — молвил король, когда слуга рассказал ему об этом.

Король думал, что малютка утонул, но он не утонул, а поплыл в корзинке по воде, будто в колыбели, и не просыпался, словно его кто убаюкал, — пока не приплыл к избушке рыбака. Рыбак сидел на берегу, чинил сети. Видит, по реке что-то плывет, прыгнул в лодку, догнал и вытащил из воды ребеночка в корзинке. Принес его к жене и говорит.

— Ты все хотела сыночка. Вот он: нам его река принесла.

Жена рыбака обрадовалась и стала ходить за ребенком, как за своим собственным. Назвали они его Плавачком, потому что он к ним по воде приплыл.

Река течет, а года бегут, и мальчик превратился в красивого молодца, — такого, что нигде ему равного нет. Как-то летом случилось, что в ту сторону король на коне заехал, один, без свиты. Было жарко, захотелось ему пить и свернул он к рыбаку, чтобы свежей воды напиться. Когда Плавачек подал ему воды, подивился король, на него глядя.

— Мадный молодец у тебя, рыбак,— молвил он.— Кто ж это — сын твой?

— Нет, не сын, — ответил рыбак. — Ровно двадцать лет назад он приплыл к нам маленьким ребеночком в корзинке по реке, а мы его вырастили.

У короля в глазах зарябило; он побледнел, как полотно: понял, что это тот, кого он велел утопить. Но тотчас опамятовался, сошел с коня и промолвил:

— Мне нужно послать кого-нибудь в свой королевский замок, а при мне никого нет. Не может ли этот молодец сходить туда?

— Ваша королевская милость прикажет — и парень сходит, — ответил рыбак.

Король сел и написал своей королеве письмо: «Того юношу, которого я к тебе посылаю, прикажи не медля мечом зарубить: это мой злейший враг. К моему возвращенью чтоб было исполнено. Такова моя воля».

Сложив посланье, король запечатал его и перстень свой приложил.

Плавачек тотчас пустился с посланьем в дорогу. Путь шел густым лесом, и он не заметил, как сбился с дороги и заблудился. Бродил он по чащобам, пока не стало темнеть. Тут повстречалась ему старушка:

— Куда путь держишь, Плавачек?

— Несу посланье в королевский замок, да заблудился. Не скажешь ли мне, бабушка, как выйти на дорогу?

— Сегодня уж не дойдешь, темно, — ответила старушка. — Оставайся у меня ночевать. Не у чужой будешь; я ведь твоя крестная мать.

Парень согласился, и не успели они сделать несколько шагов, как очутились перед красивым домиком, словно он сразу из-под земли вырос. Ночью, когда парень спал, вынула у него старушка из кармана посланье и положила туда другое, в котором было написано: «Того юношу, которого я к тебе посылала, жени не медля на нашей дочери: это мой суженый зять. К моему возвращенью чтобы было исполнено. Такова моя воля».

Как прочла это послание королева, велела тотчас устроить свадьбу, и обе они с молодой королевной не могли на жениха наглядеться, так он был им по сердцу. И Плавачку его царственная невеста поправилась.

Через несколько дней приехал король домой и, как увидел, что случилось, страшно разгневался на свою жену за то, что она сделала.

— Да ведь ты мне сам велел женить его на нашей дочери прежде, чем вернешься! — ответила королева и подала ему посланье.

Король взял посланье, посмотрел на почерк, на печать, на бумагу — все было его собственное. Велел он позвать зятя, и стал его спрашивать — как было дело? Куда он заходил по дороге?

Плавачек рассказал, как он шел по лесу, как заблудился в лесу и остался ночевать у своей старой крестной матери.

— А какая она с виду?

— Такая и такая.

И понял король из его слов, что эта та самая старушка, которая двадцать лет тому назад присудила

его дочери быть женой угольщикова сына. Думал он думал, а потом и говорит:

— Что случилось, того не изменишь. Но даром ты моим зятем все-таки быть не можешь. Если ты хочешь быть мужем моей дочери, то должен ей в приданое достать три золотые волоса Деда-Всеведа.

Король думал, что так ему верней всего удастся от своего постылого зятя отделаться.

Плавачек простился со своей милой и пошел, а куда — и сам не знает. Но так как крестной матерью его была волшебница, то ему нетрудно было найти дорогу. Шел он долго и далеко, по горам — по долам, через воды — через броды, пока не пришел к синему морю. Увидел он там лодку, а в ней перевозчика.

— Бог в помощь, лодочник седой.

— Дай боже, пешеход молодой. Куда путь держишь?

— К Деду-Всеведу за тремя золотыми волосами.

— Ого! Давно я жду такого посла. Уж двадцать лет перевозом тут занимаюсь, и никто заменить меня не приходит. Коли ты обещаешь мне спросить Деда-Всеведа, когда придет конец моей работе, я перевезу тебя.

Плавачек обещал, и перевозчик перевез его.

После этого подошел он к большому городу, но был тот город ветхий и печальный. Возле города встретился ему старик с палкой в руке, который еле ноги волочил.

— Бог в помощь, дедушка хилый!

— Дай боже, юноша милый! Куда путь держишь?

— К Деду-Всеведу, за тремя золотыми волосами.

— Ах-ах-ах! Такого посла мы тут давно ждем. Я тебя должен сейчас же к нашему королю отвести.

Пришли они туда, король и говорит:

— Слышал я, что ты идешь послом к Деду-Всеведу. Была у нас тут яблоня, приносила она молодящие яблоки: кто такое яблоко съест, пусть он хоть одной ногой в могиле стоит, — омолодится и станет как юноша. Да вот уж двадцать лет, как не приносит та яблоня ни одного плода. Если ты обещаешь Деда-Всеведу спросить, как нам этой беде помочь, награжу тебя по-королевски.

Плавачек обещал, и король милостиво его отпустил.

После этого пришел он к другому большому городу, который был наполовину разрушен. Недалеко от города сын погребал своего умершего отца, и по щекам у него слезы как горох катились.

— Бог в помощь, могильщик печальный, — сказал Плавачек.

— Дай боже, путник дальний! Куда путь держишь?

— Иду к Деду-Всеведу затремя золотыми волосами.

— К Деду-Всеведу? Жаль, что не пришел раньше. Наш король давно уж такого посла ждет. Я должен тебя к нему отвести.

Пришли они туда, король и говорит:

— Слышал я, что ты идешь послом к Деду-Всеведу? Был тут у нас один родник с живой водой; если ею напоить умирающего, то он сразу выздоровеет, а если той водой брызнуть на мертвого, то он встанет и начнет ходить. Да вот уж двадцать лет, как воды той у нас не стало. Если ты обещаешь мне

спросить Деда-Всеведа, как нашей беде помочь, я тебя награжу по-королевски.

Плавачек обещал и король милостиво его отпустил.

После этого шел он долго и далеко по сосновому лесу и посреди того леса увидел большой зеленый луг, полный прекрасных цветов, а на том лугу золотой замок. Это был замок Деда-Всеведа; он горел, как в огне. Плавачек вошел в тот замок, но никого там не нашел, — только в одном углу увидел старушку. Она сидела и прядла.

— Здравствуй, Плавачек! — промолвила она.— Рада тебя видеть.

Это была его крестная мать, у которой он в лесу почевал, когда посланье нес.

— Зачем ты сюда пришел?

— Король не хочет, чтобы я даром его зятем стал, и послал меня за тремя золотыми волосами Деда-Всеведа.

Старушка улыбнулась и сказала:

— Дед-Всевед — мой сын, ясное солнце. Утром он мальчик, в полдень мужчина, а вечером старый дед. Я тебе эти три волоса с его золотой головы достану, чтобы недаром называться твоей крестной матерью. Но только, сыночек, в таком виде тебе оставаться тут нельзя. Хоть у сына моего и добрая душа, но, когда он вечером придет голодный домой, может легко стать, что он тебя изжарит и съест за ужином. Вот пустая кадка, я тебя этой кадкой накрою.

Плавачек попросил, чтобы она спросила у Деда-Всеведа про те три дела, про которые он обещал узнать, когда шел сюда.

— Спрошу, — ответила старушка. — А ты слушай и запоминай, что он скажет.

Вдруг снаружи поднялся ветер и через западное окно в горницу влетело Солнце, — старый дед с золотой головой.

— Чую, чую дух человеческий! — промолвил он. — Кто тут у тебя, матушка?

— Кто ж тут может быть, кого бы ты не увидел, звезда дневная? Просто, видно, ты, целый день по божьему свету летая, человеческого духа нанюхался, — так не диво, что как вечером домой вернешься — тебе все кажется человеком пахнет.

Старик ничего на это не ответил и сел укипать.

Полужинал, положил свою золотую голову старушке на колени и задремал. Как увидела старушка, что он уснул, — выдернула у него золотой волос и бросила на землю. Он зазвенел, как струна.

— Что тебе надо, матушка? — спросил старик.

— Ничего, сынок, ничего. Я задремала и мне приснился страшный сон.

— А что ты видела во сне?

— Я видела город. Был там родник с живой водой. Если кто заболит, да напьется ее — выздоровеет. А если кто умер и его той водой обрызнут — тотчас оживет. Только уж двадцать лет, как вода в том роднике перестала течь. Что сделать, чтоб она опять потекла?

— Этой беде легко помочь. В том роднике на дне жаба сидит, не дает воде течь. Если жабу убить и родник вычистить, вода опять польется как прежде.

И старик опять уснул. А старушка второй золотой волос из головы у него выдернула и бросила на землю.

— Что тебе, матушка?

— Ничего, сынок, ничего. Я задремала и мне приснился страшный сон. В одном городе была чудесная яблоня. На ней росли молодящие яблоки. Если кто состарится и съест такое яблоко — тотчас помолодеет. Да будто вот уж двадцать лет, как яблоня совсем не приносит плодов. Что надо сделать?

— Этой беде легко помочь. Под яблоней лежит змея, она сосет ее соки. Если змею убить и яблоню пересадить, она будет опять приносить плоды, как прежде.

Скоро старик опять уснул, и старушка вырвала у него третий золотой волос.

— Что ты мне, матушка, спать не даешь? — проворчал старик и хотел встать.

— Лежи, сынок, лежи. Не сердись. Я тебя несчастливо разбудила. Одолела меня дремота и опять приснился мне диковинный сон. Я видела во сне перевозчика на синем море; вот уж двадцать лет как он перевозом занимается и никто сменить его не приходит. Когда наступит конец его работе?

— Глупая, видно, мать его родила. Пусть он даст кому-нибудь другому весло в руки, а сам выпрыгнет на берег: тот и станет перевозчиком. А теперь оставь меня в покое. Я должен утром во-время встать да итти слезы сушить, что по ночам королевская дочь проливает по своему муже, сыне угольщика, которого король послал за тремя моими золотыми волосами.

Под утро снаружи снова ветер подул, и на коленях у старой матушки проснулось, вместо старика, прекрасное золотоволосое дитя, божье Солныш-

ко. Оно простилось с матерью и через восточное окно вылетело вон.

Старушка приподняла кадку и сказала Плавачку:

— Вот тебе три золотые волоса, а что Дед-Всевед на те три вопроса ответил, ты уже знаешь. Ступай с богом. Больше ты меня не увидишь.

Плавачек поблагодарил старушку и ушел.

Как пришел он в первый город, спросил его тамошний король, какую он им весть принес.

— Добрую, — ответил Плавачек. Прикажи очистить родник и убить жабу, что сидит там на дне: вода у вас опять потечет, как прежде.

Король приказал тотчас это сделать и, когда увидел, что родник забил попрежнему, дал Плавачку двенадцать коней, белых как лебеди, и к ним столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько они могли увезти.

Как пришел тот во второй город, спросил его и тамошний король, какую он им весть принес.

— Добрую, — ответил Плавачек. — Вели яблоню выкопать, — найдешь под корнями змею. Убейте ее, потом опять посадите яблоню, и она будет приносить плоды, как прежде.

Король приказал тотчас это сделать, и яблоня в одну ночь покрылась цветами, словно ее кто розами осыпал. Король в великой радости подарил Плавачку двенадцать коней, черных как вороны, и к ним столько богатств, сколько они могли увезти.

Пошел Плавачек дальше, и когда пришел к синему морю, перевозчик спросил его, узнал ли он, когда ему освобождение будет?

— Узнал, — ответил Плавачек. — Только сперва перевези меня, — тогда и скажу.

Перевозчик было заупрямился, да видит, что с ним ничего не поделаешь, и перевез его вместе с двадцатью четырьмя конями.

— Когда будешь еще кого перевозить, — сказал ему Плавачек, — дай тому человеку весло в руки, а сам выпрыгни на берег, — он будет перевозчиком вместо тебя.

Король глазам своим не поверил, когда Плавачек принес ему три золотых волоса Деда-Всведа, а дочь короля заплакала — не с печали, а с радости, что он вернулся.

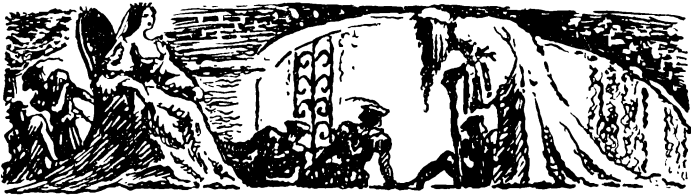
— Где же это ты таких прекрасных коней и такие великие богатства добыл? — спросил король.

— Я все это заработал, — ответил Плавачек и рассказал, как он одному королю помог молодящими яблоками, которые стариков в молодых превращают, а другому — живой водой, которая больных здоровыми делает, а мертвых живыми.

— Молодящие яблоки! Живая вода! — тихо повторял король. — Если б я такое яблоко съел, — то помолодел бы. А если б умер, от той воды опять бы ожил.

Не мешкая, пустился он в путь за молодящими яблоками и живой водой, — да с тех пор и не возвратился.

Так стал сын угольщика королевским зятем, как волшебница присудила, а король, верно, до сих пор путников через синее море перевозит.

ДЛИННЫЙ, ТОЛСТЫЙ И ГЛАЗАСТЫЙ

Жил на свете король. Он был уже стар и имел одного единственного сына. Однажды призвал он сына к себе и говорит ему:

— Любезный сын мой! Ты ведь знаешь, что спелые плоды опадают, чтобы освободить место новым. И голова моя тоже спелая, и скоро не видать ей больше солнца. Но перед тем, как лечь в могилу, я хотел бы посмотреть на свою будущую дочь, твою суженую. Возьми себе жену, сын мой!

А королевич отвечает:

— Я бы рад, отец, исполнить твою волю, да только нет у меня невесты и не знаю, где взять.

Тогда старый король полез в карман, достал золотой ключ и протянул его сыну.

— На, поднимись на башню, на самый верх, посмотри хорошенько, а потом скажешь мне, какая тебе понравилась.

Королевич не стал мешкать и тотчас пошел. Он отроду не был в башне и никогда не слышал, что там что-то есть.

Когда он поднялся в самый верхний покой, он увидел в потолке маленькую железную дверцу. Дверца была заперта. Он отомкнул ее золотым ключом, откинул и взобрался наверх. Там оказался большой круглый зал; потолок был синий, как небо в ясную ночь, а на нем сверкали серебряные звезды; пол был устлан зеленым шедковым ковром, а вокруг в стене было двенадцать окон с золотыми рамами, и в этих окнах, на хрустальном стекле игравшими, как радуга, красками были изображены молодые девы с королевскими коронами на головах, в каждом — иная и в ином одеянии, одна прекраснее другой. Королевич не мог глаз от них отвести. Пока он смотрел на них, любовался и не знал, которую выбрать, девы начали шевелиться, как живые, глядели на него, улыбались, только разве не говорили.

Тут королевич заметил, что одно из двенадцати окон было завешено белой занавесью. Он отдернул ее, чтобы взглянуть, что там такое. А была там дева в белом платье, опоясанная серебряным поясом, с жемчужной короной на голове. Она была всех прекрасней, но бледна и печальна, словно встала из гроба. Долго стоял королевич перед этим окном,

точно видел сон паяву. Так смотрел он на деву, пока не почувствовал в сердце боль, и тогда он сказал:

— Эту хочу в жены, не хочу другой!

И как только он вымолвил эти слова, дева наклонила голову, зарумянилась, как роза, и в тот же миг все изображения на окнах пропали.

Королевич спустился вниз и рассказал отцу, что он видел и кого себе выбрал. Старый король омрачился, задумался и, наконец, сказал.

— Плохо ты поступил, сын мой, открыв то, что было завешено, а своими словами ты вверх себя в великую опасность. Ибо та дева находится во власти злого черпюкнижника, который держит ее в плену в железном замке; многие пытались ее освободить, но никто из них не вернулся. Но что сделано, того не переделаешь; слово — закон, крепче печати. Езжай, попытай счастья, авось вернешься домой здоров и невредим!

Королевич простился с отцом, сел на коня и отправился в путь за невестой. И пришлось ему ехать через большой лес; ехал-ехал он этим лесом, пока не сбился с пути. Вот блуждает он со своим конем то в лесной чаще, то среди скал и болот, и вдруг слышит за собой чей-то голос:

— Эй, погоди-ка!

Королевич обернулся и увидел высокого детину, который спешил за ним вдогонку.

— Погоди-ка, да возьми меня с собой! Коль возьмешь меня на службу, не раскаешься!

— А кто ты такой? — спросил королевич. — И что умеешь делать?

— Зовут меня Длинный, а умею я вытягиваться. Видишь там на высокой ели птичье гнездо? Я достану тебе это гнездо, не влезая на дерево.

И Длинный начал вытягиваться. Он рос вверх с превеликой быстротой, пока не сравнялся с сьлю, потом достал гнездо, сразу сжался до прежнего роста и подал гнездо королевичу.

— Хорошо свое ремесло знаешь. Только на что мне птичьи гнезда, если ты не можешь вывести меня из этого леса!

— Ну, это пустое дело! — ответил Длинный и опять начал вытягиваться, пока не стал втрое выше самой высокой сосны, потом оглянулся по сторонам и сказал: — Вон туда, в ту сторону будет нам ближе всего.

Он опять сжался, взял коня под уздцы, и не успел королевич оглянуться, как они уже вышли из леса. Перед ними расстилалась широкая равнина, а за равниной, точно городские стены, высились серые скалы и поросшие лесом горы.

— Вон идет мой приятель, — воскликнул Длинный и указал куда-то вбок. — Ты бы, хозяин, и его взял на службу; он тебе наверное пригодится.

— Что же, крикни да подзови его, а я посмотрю, стоит ли.

— Он от нас далеко, — отвечал Длинный, — и, пожалуй, меня не услышит, да и тащиться сюда ему долго, потому что ноша у него большая. А лучше я за ним сбегаяю.

Тут Длинный вытянулся так, что голова его ушла в облака, сделал шаг-другой, схватил своего приятеля за плечи и поставил его перед королевичем. Прия-

тель его был парень плотный, а брюхо у него было, как четырехведерный бочонок.

— Кто ты такой? — спросил королевич. — И что умеешь делать?

— Зовут меня Толстый, а умею я расти вширь.

— Ну-ка, покажи.

— Ладно, только уезжай поживее... живее, обратно в лес! — крикнул Толстый и начал надуваться.

Королевичу было невдомек, зачем ему уезжать, но видя, что Длинный во всю мочь пустился к лесу, он пришпорил коня и поскакал за Длинным. И пора было — иначе Толстый задавил бы его вместе с конем своим брюхом, которое в мгновение ока разрослось во все стороны; куда ни повернись, везде было брюхо, словно гора сползла на равнину. Тут Толстый перестал надуваться, выдохнул воздух, так что деревья в лесу к земле пригнулись, и опять стал таким, как прежде.

— Ну, и погонял ты меня, — сказал ему королевич. — Да, такого парня не каждый день встретишь. Пойдем с нами.

После этого все трое отправились дальше. Когда они приблизились к скалам, повстречался им человек, у которого глаза были завязаны платком.

— Это наш третий приятель, — сказал Длинный. — Возьми его к себе на службу; он тоже даром твой хлеб есть не будет.

— Кто ты такой? — спросил человека королевич. — И почему у тебя завязаны глаза? Ты ведь так не видишь дороги?

— Нет, хозяин, наоборот. Как раз потому, что я слишком хорошо вижу, я и должен завязывать гла-

за. Завязанными глазами я вижу так, как иной незавязанными. А если сниму платок, то вижу все насквозь. И стоит мне пристально взглянуть на какую-нибудь вещь, как ее тотчас же охватывает пламя, а что не может гореть, разлетается вдребезги. Потому и называюсь я Глазастый.

Глазастый повернулся лицом к скале, развязал платок и уставился на нее своими огненными глазами. Скала треснула, во все стороны полетели куски, и вскоре от нее осталась только куча песка. Что-то сверкало в песке, точно пламя. Глазастый подошел к куче, поднял и принес королевичу. Это было чистое золото.

— Ну, брат, тебе и в самом деле цены нет! — сказал королевич. — Дурак тот, кто не захотел бы взять тебя на службу. Но если у тебя такие хорошие глаза, погляди-ка и скажи, далеко ли еще до железного замка и что там сейчас делается?

— Если бы ты ехал один, — ответил Глазастый, — то и в год бы туда не доехал. Ну, а с нами доедешь еще сегодня. Там для нас готовят кстати и ужин.

— А что сделает моя невеста?

За решеткою железной
На высокой башне деви
Чернокнижник сторожит.

И сказал королевич:

— У кого в груди сердце доброе, пусть поможет мне освободить ее.

Все трое обещали ему, что помогут. И повели его между серыми скалами через пролом, который Глазастый сделал своими глазами, и все дальше и дальше через скалы, чрез высокие горы, чрез дре-

мучие леса, и если дорогу что-нибудь преграждало, три приятеля мигом ее очищали. И когда стало солнце клониться к закату, горы сделались ниже, поредели леса, а скалы скрылись в густом вереске; когда солнце спустилось совсем, королевич ехал по железному мосту к воротам замка, и как только солнце зашло, сам собою поднялся мост, захлопнулись ворота, и королевич со своими спутниками очутился в железном замке в плену.

Оглядевшись по сторонам, королевич отвел своего коня в конюшню, — тут уже все было для него приготовлено, — и направился с тремя приятелями в замок. Во дворе, в конюшне, в прихожей и в покоях замка они видели в полумраке много богато наряженных людей — господ и слуг, но никто из этих людей ни разу не пошевелился, все они были окаменелые. Королевич и его спутники миновали несколько покоев и вступили в трапезную. Трапезная была ярко освещена, посреди стоял стол, уставленный добрым питьем и всякими яствами и накрытый на четыре прибора. Ждали-ждали они, думали, что еще кто-нибудь должен притти, но никто не приходил; тогда они уселись за стол и начали есть и пить, чего их душа хотела.

Наевшись и напившись, они стали осматриваться, где им лечь спать. Тут неожиданно распахнулись двери и в покои вошел чернокожничник — согбенный старец в длинной черной одежде, с плешью во всю голову и с седой бородой по колена; вместо пояса было на нем три железных обруча. Он вел за руку распрекрасную девицу в белом платье с серебряным поясом и в жемчужной короне; но она была бледна

и печальна, словно встала из гроба. Королевич тотчас ее узнал, вскочил с места и пошел ей навстречу; но прежде, чем успел он вымолвить слово, черно-книжник сказал:

— Я знаю, зачем ты явился. Ты хочешь похитить у меня королевну. Что ж! Если сумеешь три ночи за ней углядеть, чтобы она от тебя не скрылась, тогда будь по твоему, бери ее себе. А если скроется, окаменеешь вместе со своими слугами, как все те, кто приходили сюда до тебя.

После этого черно-книжник указал королевне на стул, а сам ушел.

Королевич не мог отвести глаз от красавицы, так она была хороша. И он начал с ней разговаривать, спрашивал ее и о том, и о сем; но она не отвечала, не улыбалась и ни на кого не глядела, точно была из мрамора. Он уселся с ней рядом и решил всю ночь не спать, чтобы она от него не ушла. А для пущей верности Длинный вытянулся, как ремень, и обернулся вокруг всего покоя вдоль стен, Толстый сел в дверях, надулся и заткнул собой двери так, что и мыши не проскользнуть, а Глазастый стал на страже у столба посредине покоя. Но вскоре у всех глаза стали слипаться, они заснули и проспали всю ночь, как убитые.

Когда стало рассветать, королевич проснулся первый, и, словно кто ему нож в сердце всадил — королевна пропала. Он тотчас разбудил своих слуг и стал спрашивать их, что же делать теперь?

— Ничего, не горюй! — сказал Глазастый и выглянул в окно. — Я уже вижу ее. За сто миль отсюда есть лес, а посреди леса стоит старый дуб, а на том дубе, на самой вершине — жолудь, и тот

жолудь — она. Пусть Длинный посадит меня к себе на плечи, и мы добудем ее.

Длинный тотчас посадил его, вытянулся и зашагал, что ни шаг—десять миль, а Глазастый указывал путь.

Не прошло и минуты, — другой не успел бы кругом хаты обежать, — как они уже были обратно, и Длинный подал королевичу жолудь.

— Брось его наземь! — сказал он.

Королевич бросил жолудь, и в тот же миг королевна предстала пред ним.

Когда солнце стало появляться из-за гор, с грохотом распахнулись двери, и в покой, коварно усмехаясь, вошел чернокнижник. Но увидев королевну, он нахмурился, заскрежетал зубами — и трах! Один железный обруч на нем лопнул и соскочил. Он взял королевну за руку и увел.

Целый день после этого королевичу нечего было делать, он только расхаживал по замку и вокруг и дивился на все чудеса. Всюду было так, словно разом остановилась жизнь. В одном покое видел он какого-то королевича, который обеими руками занес меч, словно хотел кого-то разрубить пополам, но не успел — превратился в камень. В другом покое был окаменелый рыцарь, который, видимо, в страхе убегал от кого-то и, споткнувшись о порог, вытянул руки, но не упал — застыл на полдороге. У печи сидел слуга и в одной руке держал жаркое от ужина, а другой подносил кусок ко рту, но не донес; когда оставалось только положить его в рот, он окаменел. И много других окаменелых людей видел королевич, и каждый из них застыл в том самом положении, в

каком он был, когда чернокнижник произнес: «Окаменейте!» Много видел он и прекрасных коней, также окаменелых, а в самом замке и вокруг замка все было пусто и мертво. Были деревья, но без листьев, были луга, но без травы, была река, но не текла; ни одна птица не пела, ни один цветок не цвел, ни одна рыбка в воде не плескалась.

Утром, в полдень и вечером королевича и его спутников ждало в замке доброе угощение; кушанья сами накладывались в тарелки, вино само наливалось в кубки. А после ужина опять распахнулись двери, и чернокнижник привел королеву, чтобы королевич ее сторожил. И хотя все решили всячески бороться против сна, но ничего не помогло и опять они все заснули. А когда на рассвете королевич проснулся и увидал, что королева исчезла, он вскочил и схватил Глазастого за плечо.

— Эй, Глазастый, вставай! Не знаешь, где королева?

Глазастый протер глаза, поглядел и сказал:

— Уже вижу. За двести миль отсюда гора, а в горе скала, а в скале драгоценный камень, и тот камень — она. Если Длинный меня донесет, добудем ее.

Длинный тотчас взял его на плечи, вытянулся и зашагал, что ни шаг — двадцать миль. Глазастый уставился на гору своими огненными глазами и гора рассыпалась, а скала разлетелась на тысячу осколков, и среди них сверкал драгоценный камень. Они взяли его и принесли королевичу. Едва королевич уронил его наземь, как предстала перед ним королева. И когда потом чернокнижник пришел и увидел ее, у него засверкали глаза от злобы — и трах!

лопнул и соскочил с него второй обруч. Он заскрежетал зубами и увел королеву из покоя.

И в этот день все было так, как и вчера. После ужина чернокнижник снова привел королеву, поглядел в упор на королевича и промолвил с усмешкой:

— Увидим теперь, кто кого, ты ли одержишь верх, или я.

И с этими словами ушел. А королевич и его слуги особенно старались не поддаться сну; не хотели присесть ни на миг, хотели расхаживать по покою всю ночь, да только все напрасно, ибо так уж было назначено: один за другим заснули все на ходу, а королева от них ушла.

Утром раньше всех проснулся опять королевич и, как увидел, что нет королевы, разбудил Глазастого:

— Эй, Глазастый, вставай! Погляди, где королева!

Долго глядел глазастый в окно.

— Эх, хозяин! — сказал он. — Далекое она, далеко. За триста миль отсюда есть синее море, а среди моря того лежит на дне раковина, а в той раковине золотой перстень, и тот перстень — она. Не горюй, добудем ее. Только сегодня Длинный должен взять с собой и Толстого, он нам понадобится.

Длинный посадил на одно плечо Глазастого, на другое Толстого, вытянулся и зашагал, что ни шаг — тридцать миль. Вот пришли они к синю морю, и Глазастый показал Длинному, где должен он опустить руку в море, чтобы достать раковину. Длинный вытянул руку, сколько сил хватало, но до дна не достал.

— Пойдите, друзья, погодите минутку, я вам помогу, — сказал Толстый, надул во всю мочь свое брюхо, лег на берег и начал пить.

Вскоре вода спала так, что Длинный без труда достал со дна и вытащил из моря раковину. Он вынул из нее перстень, посадил приятелей к себе на плечи и поспешил в обратный путь. Только было ему тяжело спешить с Толстым на плече, потому что у Толстого было полморя в брюхе, и он сбросил его наземь в широкой долине. Толстый плюхнулся, как бурдюк с башни, и в один миг вся долина скрылась под водой, разлилось огромное озеро. Толстый сам с трудом из того озера выбрался.

Между тем королевич в замке был ни жив, ни мертв. Уже показались из-за гор первые лучи солнца, а слуги его еще не возвращались, и чем ярче и выше горели солнечные лучи, тем все больше одолевал его страх. Холодный пот выступил у него на лбу. Вскоре показалась на востоке пламенеющая полоска солнца и в тот же миг с треском распахнулись двери, и на пороге стоял чернокнижник. Он поглядел во все стороны и, увидев, что королевны нет, отвратительно захохотал и вошел в покой. Но тут—дзины! — разлетелось стекло на мелкие осколки, золотой перстень упал наземь и предстала пред ним королева. Глазастый видел, что в замке делается и какая опасность грозит его хозяину, и сказал о том Длинному. Длинный сделал шаг и пустил перстнем в окно.

Чернокнижник так зарычал от злобы, что весь замок затрясся, и трах! — лопнул и соскочил с него третий железный обруч, а чернокнижник обратился в ворона и вылетел в разбитое окно.

Тут прекрасная королева заговорила и стала благодарить королевича за то, что он освободил ее, и зарумянилась, как роза. А в замке и вокруг замка все разом ожило. Тот, что держал в руках занесенный меч, взмахнул им по воздуху так, что ветер поднялся, и вложил его в пожны; тот, что споткнулся о порог, упал наземь, но тотчас же вскочил и схватился за нос — цел ли еще; тот, что сидел у печи, сунул кусок жаркого в рот и стал жевать; каждый доделал то, что начал делать, и продолжал, на чем остановился. В конюшнях рыли землю копытом и весело ржали кони; деревья вокруг замка зазеленели, как барвинки, луга запестрели цветами, высоко в небе запел жаворонок, а в быстрой речке зарезвились стаи мелких рыбок. Всюду жизнь, всюду радость!

Вскоре много всяких господ сошло в покое, где был королевич, и все благодарили его за освобождение. Но он отвечал им:

— Меня благодарить не за что. Если бы не мои верные слуги, Длинный, Толстый и Глазастый, то и со мной случилось бы то же, что с вами.

После этого, с невестой и своими слугами, Длинным и Глазастым, он тронулся в обратный путь — домой, к отцу, старому королю, а все те господа его провожали. По дороге встретили они Толстого и взяли его с собой.

Старый король заплакал от радости, что сыну так посчастливилось; он уж не ждал, что сын вернется домой. А вскоре потом отпраздновали шумную свадьбу, три недели пировали, все господа, которых королевич освободил, были позваны. А когда пир кончился пришли к молодому королю Длинный, Толстый и

Глазастый и сказали ему, что опять пойдут по свету искать себе работы. Молодой король уговаривал их и так и сяк, чтобы они у него остались:

— Все вам дам, ни в чем до самой смерти нуждаться не будете, и ничего вам делать не надо!

Но им такая праздная жизнь была не по душе; они попрощались с ним да ушли да так до сих пор скитаются по свету.

ЦАРЬ ХОРЕК

Говорят, что в давние времена куры и петухи в Чехии были сами себе хозяева. У каждого курятника был двор и свалка, где куры могли без помех рыться, и свой главный петух, который ими управлял. Каждая курица имела право на то, что она находила. Когда же зернышко находил петух, он скликал кур и отдавал его той, которая ему правила больше всех... или съедал зернышко сам. Если какая-нибудь курочка на это сердилась, он клонет се, и все в порядке. Когда, бывало, прокричит один петух, за ним кукарекают все остальные в деревне. Так продолжалось много лет, и все шло наилучшим образом.

Но вот на беду случилось, что лягушки, недовольные своими порядками, заквакали и выпросили себе в цари длинного аиста. Видя это, петухи и курицы захотели не отставать от лягушек и решили, что им тоже надо царя. Собрали сход и давай толковать. Насчет царя все были согласны. Но когда пришлось решать, кого же выбрать, возникли споры и ссоры. Никто не хотел, чтобы другой над ним главенствовал, каждый хотел главенствовать сам. Петухи начали браниться и клевать друг друга так, что перья летели и кровь текла из гребешков. Наконец один старый умный петух дал совет: чтобы сохранить мир, лучше всего пригласить сильного царя со стороны. И предложил он Хорька, зверя зубастого и сильного, которого всякий будет бояться. Хорек наверняка наведет в курятнике порядок и спокойствие.

Этот совет всем понравился, петухи тотчас послали послов к Хорьку и предложили ему куриный трон. Хорек послов выслушал, был с ними очень приветлив, обещал, что сохранит за курятниками все их исконные свободы и права, защитит их от коршуна, который уносит цыплят, от куницы, которая выпивает у них яйца и от ворышек — воробьев, которые крадут у них зерна из-под самого носа. Главных петухов Хорек обещал назначить своими советниками, камергерами и другими придворными чинами.

Петухам и курам все это очень понравилось. Они с великой славой возвели Хорька на трон и радовались, что у них такой мощный и добродетельный государь.

Но прошло немного времени, и его величеству

Хорьку захотелось куриной крови. Свою подлинную натуру Хорек не хотел показывать, чтобы не распугать петухов и кур. Он решил найти за одним из своих подданных какую-нибудь вину и, под этим предлогом, перекусить ему горло и полакомиться кровью.

Вот вызвал он дородного, красивого петуха и спрашивает, не слышит ли тот какого-нибудь запаха. Петух — он был простодушный добряк — и говорит:

— Не изволь гневаться, царская милость, слышу ужасную вонь.

А вонь эта была от Хорька, ибо все хорьки воняют, даже если они царствуют в курином царстве.

— Ах, ты подлый, дерзкий негодяй! — набросился на него Хорек. — Как ты осмелился так говорить со своим царем и господином!

И одним махом, откусив петуху голову, Хорек выпил его кровь. Потом вызвал к себе другого петуха и тоже спросил, не слышит ли тот какого-нибудь запаха.

Вызванный, видя обезглавленное тело товарища и кровь на губах его царской милости, понял, что дело неладно, с перепуга затрясся всем телом и слова не мог вымолвить.

— Ты почему трясешься? — накинулся на него царь. — Верно, у тебя совесть нечиста. Говори, какой чуешь запах?

Петух, собравшись с силами, низко поклонился и сказал тоненьким сладким голоском:

— Ваша царская милость, слышу приятнейшее благоухание.

— Подлый лицемер! — вскричал царь. — Хочешь бесстыдной лестью скрыть свое предательство!

И откусив петуху голову, Хорек выпил его кровь.

Теперь Хорек был уже сыт, но такая игра ему нравилась, поэтому он вызвал к себе еще одного петуха и задал ему тот же вопрос.

Но этот петух был третий калач. Он заметил двух обезглавленных товарищей, а на царских губах нечто похожее на кровь, но сделал вид, что ничего не видит. Несколько раз учтиво поклонившись, он ответил:

— Не изволь гневаться, царская милость. На-днях стояла сырая погода, и я схватил такой насморк, что не слышу никаких запахов.

Видя, что петух так ловко выпутался, и не найдясь сразу на что еще поймать его, царь Хорек благосклонно усмехнулся и отпустил хитреца подбру-поздорову.

ЧУРБАШКА

Жили-были муж и жена. Хижица их стояла в конце деревни, на краю леса. Были они бедные: муж поденничал, а жена пряла и продавала пряжу. Несмотря на бедность, они часто говорили: «Эх, кабы у нас был ребеночек!» — «Радуйтесь, что вам господь не послал его, — говорили люди, — у вас и у самих-то есть печего! А они в ответ: «Где двое сыты, там будет сыт и ребеночек. Лишь бы он у нас был!»

Однажды утром муж корчевал в лесу пни и выкопал пенек, как две капли похожий на ребенка: головка, тельце, ручки, ножки. Только макушку надо было малость обтесать топором, чтобы стала круг-

лая и гладкая, да корешки на руках и ногах обрубить так, чтобы выглядели, как у мальчишки. Получилось настоящее дитя, только что не плачет.

Принес муж этот пенек домой и говорит жене:

— Вот тебе то, чего ты хотела — маленький чурбашка. Можешь его пянчить.

Жена спеленала маленького, взяла его за руки и запела:

Баю, баю, баюшки,
маленький Чурбашка.
Ты проспись, мой маленький,
дам тебе я кашки.

Дитя в пеленках вдруг зашевелилось, завертело головой, закричало: «Мама, есть хочу!» Женщина от радости не знала, что делать. Положила дитя на кровать и побежала варить кашу. Когда каша была готова, Чурбашка всю ее съел и опять закричал: «Мама, есть хочу!»

— Подожди, подожди, дитяtko, сейчас принесу.

Хозяйка побежала к соседке, принесла полную крынку молока. Чурбашка пил большими глотками и, когда выпил, опять закричал, что хочет есть. Хозяйка удивилась: «Неужто ты, дитяtko, еще не сыт?» Пошла в деревню, взяла в долг каравай хлеба, положила его на стол и вышла в сени поставить в печь воды для супа. Только она за дверь, Чурбашка увидел на столе хлеб, выбрался из пеленок, вскочил на лавку, враз проглотил каравай и опять закричал: «Мама, есть хочу!» Мать вошла, хотела парезать хлеба к супу, глядь — каравай и след простыл. В углу стоял Чурбашка, круглый как бочонок, и тарачил на нее глаза.

— Господи боже, Чурбашка! Уж не съел ли ты весь каравай?

— Да, мама, съел, а сейчас тебя съем!

Разинул рот и не успела мать опомниться, как он проглотил ее. Скоро пришел домой отец. Едва он открыл дверь, Чурбашка закричал: «Отец, есть хочу!» Отец даже испугался, увидев, как громадный, как печка, Чурбашка вращал глазами и разевал пасть. Потом узнал его и говорит:

— Ах, чорт тебя возьми! Где же мама?

— Я ее съел и тебя съем?

И разинув пасть, Чурбашка вмиг проглотил отца. Но чем он больше ел, тем становился голоднее. В избе уже не было ничего съедобного, и Чурбашка отправился в деревню. Встретилась ему девочка с тачкой клевера.

— А ты, видать, здорово наелся, что у тебя такой большой живот! — удивилась девочка.

А Чурбашка в ответ:

Уж я ел, ел,
кашу съел, съел,
молоко выпил,
каравай уплеп,
папу с мамой проглотил —
и тебя съем!

Подскочил к ней и проглотил вместе с тачкой. Потом встретил он мужика, ехавшего на возу с сеном. Чурбашка стал на дороге, и кони остановились.

— Ты что не можешь посторониться, дурень? Вот я тебе задам! — Закричал мужик и замахнулся кнутом. Но Чурбашка внимания не обратил и говорит:

Уж я ел, ел,
кашу съел, съел,
молоко выпил,
каравай уплел,
папу с мамой проглотил,
и девочку с тачкой.
Съем и тебя!

И мужик не успел опомниться, как вместе с лошадьми и телегой очутился в брюхе у Чурбашки.

Пошел Чурбашка дальше. Видит, свинопас пашет в поле свиней. У Чурбашки разыгрался аппетит, и он проглотил все стадо вместе со свинопасом. И следа от них не осталось. Потом увидел на холме стадо овец с пастухом. «Ну, говорит себе, коли я столько съел, съем и их». Подошел и всех сожрал: овец пастуха и пса Орешка. Потом потащился дальше. Дошел до огорода, где бабка окучивала капусту. Не долго думая, Чурбашка влез в огород и давай рвать кочаны и проглатывать их.

— Что же это ты мне убытки делаешь, Чурбашка? — говорит бабка. — Ты много съел, мог бы, кажись, наесться досыта.

Чурбашка сердито посмотрел на нее и начал свое:

Уж я ел, ел,
кашу съел, съел,
молоко выпил,
каравай уплел,
папу с мамой проглотил,
и девочку с тачкой,
и мужика с сеном.
Съем и тебя!

И хотел ее проглотить. Но проворная бабка не растерялась,хватила Чурбашка мотыгой и распо-

рола ему брюхо. Чурбашка замертво повалился на землю. И видели бы вы, что произошло! Из брюха выскочил пес Орешек, за ним пастух, за пастухом, овцы. Орешек согнал всех овец в кучу, пастух свистнул и стадо погнал домой. Потом из брюха выбежало стадо свиней, за ними свинопас. Он щелкнул бичом и погнал их вслед за овечьим стадом. Потом лошади вывезли воз сена. Мужик хлопал вожжами, ругался и бслед за свинопасом поехал к деревне. За возом вылезла девочка с тачкой, а за ней родители Чурбашки. Они несли каравай хлеба, что жена одолжила у сѣсѣдки...

С тех пор муж с женой никогда не говорили: «Эх, кабы был у нас ребеночек!»

ИРКА С КОЗОЙ

Жил-был король, и была у него дочь, которую никто не мог рассмешить, такая она всегда ходила грустная. Тогда король велел объявить, что кто его дочь рассмешит, тому он отдаст ее в жены.

Жил-был также пастух и был у него сын. Звали того сына Ирка. Тот Ирка и говорит отцу.

— Батя, пойду-ка я попробую ее рассмешить. Дай мне козу.

— Иди, — говорит отец.

А коза эта была такая, что кто до нее дотронется, не может оторвать руки, пока хозяин козы не разрешит.

Взял Ирка ту козу и пошел. Встречает прохожего, у которого одна нога закинута на плечо.

— Зачем это у тебя нога на плече? — спрашивает Ирка.

— А потому, — отвечает человек, — что если я иду обеими ногами, то одним шагом делаю сто миль.

— А куда ты идешь?

— Иду поискать, не возьмет ли меня кто на службу?

— Ну, так пойдем со мной.

Пошли они дальше и встретили человека с повязкой на глазах. Спрашивают его:

— Зачем это у тебя повязка на глазах?

А он в ответ:

— Если я эту повязку сниму, то вижу на сто миль кругом.

— А куда ты идешь?

— Иду искать работу. Не наймешь ли меня?

— Найму, иди с нами.

Прошли они еще часть пути и встретили человека с бутылкой подмышкой. Вместо пробки он затыкал ее пальцем.

— Зачем это ты палец держишь в бутылке?

— Если я его выну, то из бутылки брызнет струя и на сто миль кругом — все, что хочу зальет. Если хочешь, возьми меня на службу, может я тебе принесу счастье, а ты мне.

— Ну, так пойдем вместе, — отвечает Ирка.

Вот пришли они в королевскую столицу и купили для козы лент. Остановились они в корчме. А там было уж договорено, если придут мол такие-то люди, то давать им пить и есть все, что душе угодно — король за все заплатит. Разукрасили они козу лентами и оставили ее под надзор корчмарю. Тот поставил козу в клеть, где рядом почевали его

три дочери. Они еще не спали. Старшая Маня говорит:

— Вот бы мне бы такую ленту! Пойду-ка отвяжу одну с козы.

Вторая дочка Долда говорит:

— Не надо, он утром заметит.

Но Маня встала и пошла за перегородку к козе. Ушла и не возвращается. Младшая дочка Кача говорит Долде:

— Сходи-ка за ней.

Долда пошла и взяла Маню за плечо:

— Брось, пойдем.

И прилипла.

Пришла Кача.

— Смотрите, не отвяжите все ленты!

Потянула она сестру за юбку и тоже прилипла.

Утром пришел Ирка, взял козу и повел за собой весь хвост — Качу, Долду и Маню. Корчмарь еще спал. Шли они деревней. Качин жених выглянул в окно:

— Ай, ай, — кричит, — Кача, это что такое?

Выбежал он, схватил ее за руку и тоже прилип.

Мимо пастух гнал стадо. Бык задел вереницу и тоже потащился с нею.

Подошли они к королевскому замку. Навстречу придворные. Увидели и поспешили доложить королю.

— Ваше величество! Ну и зрелище. Уж чего у нас тут не бывало, а этакое не видывали!

Вывели скорей королевскую дочку, она взглянула, да как расхохочется, аж стены затряслись.

Начали расспрашивать Ирку, кто он такой. И, говорит, пастушеский сын и зовут меня Ирка.

Немыслимое дело, говорят во дворце, нельзя за него отдать королеву, он незнатного роду. Надо задать ему еще задачу.

— Задавайте, — говорит Ирка.

В ста милях оттуда был родник. И вот велют Ирке за несколько минут добыть ковшик воды из того родника. Тогда отдадут за него королеву.

Ирка говорит своему товарищу, что с ногой на плече:

— Ты сказал, что если снимешь ногу, то одним шагом перемахнешь сто миль.

— Без труда и хоть сейчас, — отвечает тот. Снял ногу и одним махом очутился около родника.

Прошло несколько минут, Ирка ждет, пора бы товарищу вернуться, а его нет.

Ирка говорит другому:

— Ты сказал, что если снимешь повязку с глаз, увидишь на сто миль кругом. Посмотри-ка, что он там делает у родника!

— Хозяин, — отвечает тот, — он там лежит... Ах, батюшки, он уснул!

— Плохо дело, — говорит Ирка, время-то на исходе. Ну-ка, ты, третий, ты говорил, что вынешь палец из бутылки и струя ударит на сто миль. Окати-ка его, чтобы встал..! А ты, — говорит дальноторкому, — смотри, шевелится он там или нет.

— Уже встает, утирается... набирает воду в ковшик.

И верно длинноногий поднялся на ноги, шагнул и был на месте. Как раз во-время.

— Нет, — говорят Ирке, — зададим тебе еще задачу.

А в том краю жил в лесу страшный зверь — единорог, жрал людей. Велели Ирка этого зверя убить, чтобы получить королеву в жены.

Ирка позвал товарищей и пошел в лес. Подходят к логову, где жили три зверя. Один из них был людоед-единорог. Вот Ирка и его друзья набрали за пазуху камней и еловых шишек и влезли на высокую ель над логовом. Когда звери улеглись, приятели начали кидать в них камнями.

Тот, кому досталось, говорит соседу:

— Оставь меня в покое, не толкайся!

А другой в ответ:

— Я тебя не трогаю.

А с дерева опять — хлоп камень.

— Отстань! Ты уже третий раз меня толкаешь.

— Ничего я тебя не толкаю!

Тут они накинулись друг на друга и давай драться. Единорог хотел боднуть своего противника, но тот отскочил, а единорог сразмаху вогнал свой рог в дерево так глубоко, что не мог вытащить. Наши друзья поскорей спустились с дерева. Двое зверей убежали, а единорога Ирка с товарищами прикончили, отрубили ему голову и, взвалив ее на плечи, понесли в замок.

Видят придворные, что Ирка справился и с этой задачей. Что тут будешь делать? Неужто отдать ему королеву в жены?

— Нет, господа, — говорит один придворный, — этому не бывать. Ведь он простолудии. Куда же ему жениться на царевне? Надо нам как-нибудь известить его.

Тогда король велел поговорить с Ирккой — узнать, что он о себе скажет и что у него на уме. Вот одна служанка и говорит Ирке:

— Плохи твои дела, Ирка, хотя тебя сжить со света.

А Ирка в ответ:

— Я не боюсь. Мне еще двенадцать лет было, а я уже убивал десятерых одним ударом.

Так оно и было: мать однажды испекла Ирке ватрушку, на нее насело десять мух, и Ирка всех их убил одним ударом.

Услышав иркины слова, придворные говорят между собой.

— Его застрелить надо, иначе с ним не справишься.

Вызвали солдат и говорят Ирке, что его будут венчать в замке и что будет парад. Привели его туда, и солдаты уже собрались его застрелить. Но Ирка говорит человеку с бутылкой:

— Ну-ка брызни на них.

Тот вынул палец из бутылки, пустил на солдат струю и залил им глаза так, что они ничего не видели.

Тут уж придворные и король видят, что ничего не поделаешь. Позвали Ирку и сказали ему, что отдают за него королевскую дочь. Одели Ирку в богатое царское платье и сыграли свадьбу. И я на этой свадьбе была, музыка играла, гости песни пели, ели и пили, мяса и каши были полные миски, а воды—полные ведра. Нашла я за пеньком яичко, шлепнула им одному из гостей по голове. Сделалась у него плешь, так он до сих пор с ней и ходит...

ХОРОШО, ЧТО ЕСТЬ СМЕРТЬ НА СВЕТЕ

В старые времена, когда Христос и святой Петр еще ходили по белу свету, пришли они однажды к кузнецу и попросились ночевать. Кузнец приветливо принял их, бросил свой молот под наковальню и повел путников в горницу. Он приготовил

хороший ужин, а после ужина сказал гостям:

— Вижу, что путь у вас был нелегкий, и вы хотите отдохнуть. Да и жара была сегодня такая, что пот лил ручьями. Ложитесь-ка вы в мою постель, а я лягу в сарае на соломе.

И, пожелав им доброй ночи, вышел. Утром он снова накормил их, проводил немного по дороге и, прощаясь, сказал:

— Послужил вам чем мог, не взыщите.

Святой Петр тихонько потянул Христа за рукав и говорит:

— Господи, неужто ты ничем не вознаградишь этого достойного человека? Он был так добр к нам.

Сказал Христос:

— Награда на этом свете призрачна. Я ему уговорю иную награду, на небе. Потом обернулся к кузнецу: — Если хочешь, выскажи три желания, они исполнятся.

Обрадовался кузнец:

— Коли так, сделай, господи, чтобы я жил в добром здравии еще сто лет.

— Да будет по-твоему, — сказал Христос. — Что ты еще хочешь?

Кузнец подумал и говорит:

— Чего же просить? Живется мне хорошо, заработка хватает. Сделай, господи, чтобы у меня всегда работы было вдосталь, как сейчас.

— Исполнится и это, — ответил Христос. — Какое твоё третье желание?

Тут уж кузнец совсем не знал, что сказать. Подумав с минуту, говорит:

— Уж ежели ты, господи, так добр, сделай, чтобы каждый, кто сядет на лавку у меня за столом, где и ты сидел, не мог встать, пока я его не отпущу.

Святой Петр засмеялся, услышав такое желание, но Христос говорит:

— Быть по сему.

Тут они распрощались, Христос и святой Петр отправились в путь, а обрадованный кузнец поспешил домой.

Как Христос сказал, так и исполнилось: все соседи кузнеца уже перемерли, а он все еще был здоров и свеж, как рыба, работы имел вдосталь и распевал с утра до вечера.

Но всему приходит конец. Истекли сто лет, и смерть постучала в двери к кузнецу. «Кто там?» — отозвался кузнец. «Это я, смерть, пришла за тобой». — «А, добро пожаловать, дорогая гостья, — сказал кузнец, втайне усмехаясь, — входи, входи, почтенная госпожа. Погоди минутку, уберу свои молотки и клещи и мигом буду готов. Присядь пока воп на ту лавку, знаю ведь, что ты устала, бродя по белу свету». Смерть, ничего не подозревая, не заставила себя долго упрашивать и уселась на скамью. Тогда кузнец громко рассмеялся и говорит:

— Теперь сиди здесь и не вставай, пока я не захочу!

Смерть завертелась, застучала костями, залягала зубами, но ничего не помогает, никак ей не сдвинуться с места, сидит, как прикованная. Кузнец, насмеявшись до колик, запер дверь и пошел по своим делам, довольный тем, что теперь уже нечего бояться смерти, она у него в плену.

Однако долго радоваться ему не пришлось. Он увидел, что ошибся. Решил было кузнец на радостях зарезать поросенка, которого откармливал во дворе, и накопить колбасы. Очень он любил копченую колбасу. Вот взял кузнец топор и ударил поросенка по голове так, что тот даже перевернулся. Кузнец нагнулся было с ножом, чтобы разрезать ему горло и собрать кровь для ливерной колбасы, но поросенок вдруг прыг и с хрюка-

нием убежал неведомо куда. Кузнец с перепугу опомниться не успел.

— Погоди ты, скотина, я до тебя еще доберусь, — сказал кузнец и пошел в хлев за гусем, которого откармливал уже две недели.

— Полакомлюсь хоть тобой, если колбаса от меня убежала, — сказал он, — взял нож и хотел резать гуся. Но вот чудеса: из гуся не вытекло ни капли крови, и как только кузнец вынул нож, на шее у гуся не оказалось никакой раны. Пока кузнец дивился этому, гусь вырвался у него из рук и с гогогом убежал вслед за поросенком.

Тут уж кузнец вышел из себя. Так ему сегодня повезло, а вот теперь даже не полакомиться жарким? Ладно, бог с ними, с поросенком и с гусем! Кузнец вошел на голубятню и принес двух голубей. Чтобы и они не выкинули чего-нибудь подобного, он взял топор и одним ударом отсек им головы. «Ну, хоть с вами-то покончено», — пробормотал он и бросил голубей на землю. Но что за диво? Едва голуби оказались на земле, их головы опять приросли к туловищам, птицы вспорхнули и — поминай как звали.

Тут вдруг кузнеца осенило. Он хлопнул себя кулаком по лбу.

— Эх, правда! Я и не подумал о том, что никто не может умереть, потому что смерть у меня в плену.

Покачал кузнец головой, не очень-то ему нравилось, что придется навсегда отказаться от вкусных колбас, от аппетитного гуся, от жареных голубей. Но что делать? Выпустить смерть? Не годится, она ему первому свернет шею. Решил кузнец, что лучше есть вместо мяса горох и кашу, а вместо

жаркого — калачи. И калачи хороши, коль ничего другого нет.

Пока хватало старых запасов, все шло хорошо. Но вот пришло лето, тут-то и настала беда. Все живые твари, сколько их было в прошлом году, снова ожили, ни один не убыл. Да еще народилась пропасть новых, все прямо кишело кругом. Птицы, мыши, жуки, саранча, клещи и другие паразиты сожрали и испортили все посевы на полях. Луга лежали словно выгорелые, деревья были похожи на метлы — листья и цветы на них объели бабочки и гусеницы. И ни одного из этих паразитов нельзя было истребить! В озерах и реках развелось столько рыбы, лягушек, водяных пауков и других насекомых, что даже напиться воды было нельзя, так они се запакошили. В воздухе носились тучи комаров, мух и мошек, а по земле ползало и прыгало такое множество мелких насекомых, что они могли бы уморить людей... если бы можно было умереть. Люди ходили полумертвые, как тети, не в силах ни жить, ни умереть.

Увидел кузнец, какое несчастье он навлек на свет своей безрассудной просьбой и сказал:

— Правильно сделал господь бог, что создал смерть на свете.— Пошел, выпустил смерть и сдался ей. Она его сразу и задавила. А на свете все постепенно снова пришло в прежний порядок.

ЛЕСОВИЧКИ

Жил-был бедный мальчик-сиротка, без отца, без матери. Чтобы было чем жить, пришлось ему искать работу. Долго он искал и вот однажды пришел к одинокому домику на краю леса. На пороге сидел старичок, вместо глаз у него были темные дырки. Рядом в хлеву блеяли козы. Старичок говорит:

— Отвел бы я вас, козочки, на пастбище, да не могу, не видят мои глаза. И некого мне послать с вами.

— Дедушка, пошлите меня, — вызвался мальчик, — я охотно буду пасти козочек и вам тоже послужу.

— А кто ты такой и как тебя зовут?

Мальчик рассказал ему о себе, сказал, что его зовут Янек.

— Хорошо, Янек, я беру тебя. Первым делом выгони коз на пастбище. Только не води их на ту горку в лесу: придут лесовички, усыпят тебя и вынут тебе глаза, как и мне.

— Не беспокойтесь, дедушка, — отвечает Янек, — мне лесовички глаз не вынут.

И выпустив коз из хлева, он погнал их на пастбище. В первый и второй день он пас их около леса, а на третий день сказал себе: «С какой стати мне бояться лесовичек? Погоню-ка я коз туда, где трава получше. Срезал Янек три зеленых прута, спрятал их в шапку и погнал коз в лес, на горку. Там козы разбрелись и стали щипать траву, а Янек уселся в тени, на камень. Вдруг, откуда ни возьмись, стоит перед ним красная девица, вся в белом, с распущенными волосами, черными как смоль, а глаза у нее колючие, как шипы.

— Бог в помощь, молодой пастушок, — говорит девица. —гляди, какие яблоки растут у нас в саду. Вот тебе одно, чтобы ты знал, какие они вкусные.

И подает ему красивое и румяное яблоко. Но Янек знал, что стоит ему съесть яблоко, как он сразу уснет и девица вынет у него глаза.

— Спасибо тебе, красна девица, — говорит Янек, — у моего хозяина в саду растут яблоки получше. Я уже наелся.

— Не хочешь, не надо, не буду тебя неволить, — сказала девица и ушла.

Через минуту приходит другая девица, еще красивее, с алой розой в руке, и говорит:

— Бог в помощь, молодой пастушок! Смотри, какую красивую розу я сорвала на меже. А как пахнет, ты только понюхай!

— Спасибо тебе, красна девица, у моего хозяина в саду розы еще красивее. Я их вдоволь нанюхался.

— Не хочешь, не надо, — сердито сказала девушка, повернулась и ушла.

Немного погодя появилась третья девица, еще красивее и моложе, чем первые две.

— Бог в помощь, молодой пастушок!

— Спасибо на добром слове, красна девица.

— Ты пригожий парень, — говорит девица, — но будешь еще лучше, если тебя красиво причесать. Пойди сюда, я это сделаю.

Янек — ни слова в ответ. Но как только девица к нему подошла и хотела его причесать, он вытащил из шапки прутик и хлоп девицу по руке. Девица расплакалась: «Ах, помогите, помогите!», и не могла сдвинуться с места. Янек, не обращая внимания на ее плач, связал ей руки прутиком. Тут прибежали две другие девицы и, увидев связанную сестру, стали просить Янека отпустить ее:

— Развязывайте ее сами, — сказал Янек.

— Ох, мы не можем, у нас нежные руки, мы исцарапаемся.

Но видя, что мальчика не уговоришь, лесовички подошли к сестре и хотели ее развязать. Тут подскочил Янек, хлоп, хлоп, ударил каждую по руке и связал их.

— Вот вы и попались, злые лесовички. Это вы у моего хозяина украли глаза.

И Янек побежал домой.

— Дедушка, пойдем со мной, я нашел тех, кто вернет вам глаза.

Вот пришли они на горку, Янек и говорит первой лесовичке:

— Говори, где дедушкины глаза. Не скажешь, утоплю тебя. — Лесовичка отговаривалась, что не знает, и Янек чуть не бросил ее в реку, что протекала под горкой.

— Смилуйся, отпусти меня, Янек, — взмолилась лесовичка, — я отдам тебе дедушкины глаза.

И она повела его в пещеру. Там лежала целая грудa глаз — больших, маленьких, черных, красных, синих, зеленых... Лесовичка выбрала пару глаз и дала ему. Но когда Янек вставил эти глаза дедушке, старичок заохал:

— Ах, беда, беда, не мои это глаза, я ими вижу только сов.

Янек рассердился, схватил лесовичку и бросил ее в воду. Потом говорит ее сестре:

— Говори ты, где дедушкины глаза.

Та тоже начала отговариваться, но когда он угрозил ей, что и ее утопит, повела его в ту же пещеру и выбрала другую пару глаз.

Но дедушка опять жаловался:

— Ох, не мои это глаза, я ими вижу только волков.

Тут и вторую лесовичку постигла участь первой — над ней сомкнулась вода.

— Говори, где дедушкины глаза! — потребовал Янек от младшей лесовички.

Она тоже повела его к груде глаз и выбрала пару. Но когда их вставили дедушке, он был в отчаянии:

не его глаза. «Вижу ими только щук». Видя, что и эта лесовичка обманула его, Янек хотел ее утопить, но она просила со слезами:

— Смилуйся надо мной, Янек, отпусти! Я дам тебе настоящие дедушкины глаза.

И достала пару глаз из глубины груди. Янек вставил эти глаза дедушке, и тот обрадовался.

— Вот это мои глаза! Слава богу, теперь я хорошо вижу.

С тех пор Янек и дедушка зажили припеваючи: Янек пас коз, а дедушка сидел дома и варил сыр, который они потом вместе ели.

А лесовичка на ту горку больше и носа не казала.

ТРИ ПРЯХИ

Жила-была бедная вдова с дочерью Лидушкой. Не было у них ни поля, ни коровы, жили они тем, что пряли пряжу и продавали ее. Лидушка была умна и хороша собой, но одна беда — очень ленива. Как, бывало, надо садиться за прялку, Лидушка — в слезы. А когда мать все-таки усадит ее, Лидушка парботает, как кот наплакал. Мать на это так сердилась, что однажды, всердцах, дала дочери подзатыльник. Лидушка давай рветь и причитать — разливается в три ручья, так, что с улицы за три версты слышно. А мимо как раз проезжала королева. Она услышала громкий плач, велела кучеру остановиться, вышла из кареты и вошла

в хижину, думая, что там стряслась какая-нибудь беда.

— Что с тобой, дитя мое?— спросила она горько плачущую Лидушку.

— Ох, ох, маменька меня побила!

Королева обернулась к матери.

— Зачем ты бьешь эту бедную девушку?

Мать смутилась, не зная, что сказать. Ей было стыдно, что ее дочь такая лентяйка.

— Ах, ваша королевская милость, прямо беда с этой девушкой: только бы ей и делать, что прясть, никакой другой работы не берет в руки, сидела бы за прялкой день и ночь. За это я сегодня на нее рассердилась и разок ее ударила, а она и подняла рев!..

Королева была большая любительница пряжи, и такое пристрастие к прялке ей очень понравилось.

— Вот, что, хозяйка, — говорит она, — коли твоя дочь так любит прясть, отпусти ее ко мне. Я ее хорошо устрою: у меня в замке много отличного льна: если она будет там так же прилежна, как дома, я обещаю, что она не пожалеет об этом.

Мать с радостью согласилась, и королева увезла Лидушку в замок. Там она взяла ее за руку и повела в комнаты, до потолка полные льна. Лен был отличный, мягкий, как шелк, и отливал серебром и золотом.

— Будь прилежна, доченька, спряди весь этот лен, тогда я выдам тебя замуж за моего сына, будешь королевой.

Потом королева велела принести красивое, дорогое веретено из слоновой кости с золотом и целую корзину шпулек из желтого пахучего тростника.

Королева ушла, и Лидушка осталась одна перед

горой льна. Она села у окна и горько заплакала. Если бы она пряла сто лет с утра до вечера, все равно ей не справиться было бы со всем этим льном. А ведь она так не любит прясть!

Так она просидела в слезах всю ночь и утро следующего дня и палец о палец не ударила. В полдень пришла королева посмотреть, много ли Лидушка напярала, и удивилась, увидев, что девушка еще не бралась за работу. Лидушка отговорила тем, что очень скучала по матушке и, из-за слез, не могла взять работу в руки. Королева поверила и сказала, утешая ее:

— Не скучай, моя милая, возмись завтра прилежно за работу, наверстай упущенное и выйдешь за моего сына, будешь королевой.

Она ушла, а Лидушка опять села у окна, глядела на двор, вздыхала и ничего не делала до вечера и на другой день все утро.

В полдень опять пришла королева и нахмурилась, видя, что все еще ничего не сделано. Но Лидушка опять отговорила тем, что после вчерашних горьких слез у нее так разболелась голова, что не было сил работать. Королева приняла и это объяснение, но, уходя, сказала:

— Пора, пора, Лидушка, взяться за работу, если хочешь стать женой моего сына и королевой.

Но Лидушка и в этот вечер и на следующий день опять не притронулась к пряжке, все сидела да глядела в окно.

В полдень в дверях показалась королева и, видя, что Лидушка опять бездельничала, сильно разгневалась:

— Слушай, девушка, сегодня говорю тебе в последний раз. Если и завтра ничего не будет сделано, не бывать тебе женой моего сына. Велю запереть тебя в темницу, полную змей, жаб и скорпионов, и уморить тебя голодом. Будешь знать, как обманывать меня да бездельничать!

И королева ушла, сердито хлопнув дверью.

Тут только Лидушку забрал страх. При мысли о завтрашнем дне ее даже в холодный пот бросило. Что делать? Взяла она веретено, села к прялке, стала прясть. Но куда там, много ли могла прясть такая лентяйка? Скоро Лидушка бросила работу, опять села к окну и проплакала навзрыд до самого вечера.

Вдруг кто-то постучал в окно. Лидушка глянула, видит за окном стоят три уродливые старухи. У одной нижняя губа свешивается до самого подбородка. У другой на правой руке большой палец такой огромный, что и руки не видать. У третьей правая ступня такая плоская и широкая, словно ее молотили цепом. Увидев таких уродин, Лидушка перепугалась и отскочила от окна. Но три старухи приветливо улыбались ей и делали знаки, чтобы она не боялась и открыла окно.

— Добрый вечер, красавица, — сказали они, О чем ты так горько плачешь?

Лидушка собралась с духом и сказала сквозь слезы:

— Как же мне, бедной, не плакать, если мне велено спрясть весь лен, что в этой комнате да еще в двух других!

И она рассказала старухам все, что с ней произош-

ло, не забыв упомянуть о том, что королева посулила ей руку своего сына.

— Но что мне с этого толку! — добавила она. — Мне этого льна и вовек не спрясть...

Старухи усмехнулись и говорят:

— Вот, что, девушка. Обещай, что позовешь нас на свадьбу, посадишь рядом с собой за столом и не будешь стесняться нас перед гостями. Тогда мы тебе весь этот лен спрядем скорее, чем ты можешь представить.

— Все, все вам обещаю, что хотите, — радостно обещала Лидушка. — Только скорей беритесь за дело.

Три старухи влезли в окно, велели Лидушке лечь спать, а сами взялись за работу. Та, у которой широкий палец, тянула волокно, та что с большой губой, сучила и скручивала нитку, а та, у которой плоская ступня, знай, нажимала на педаль и вертела колесо прялки. То-то спорилась работа!

Утром, чуть рассвело, Лидушка встала. Видит огромную грудку шпук, и пряжа на них тонкая, ровная, чистая — загляденье. Льна заметно ubyло. Старухи попрощались с Лидушкой, сказали, что к вечеру опять придут и через окно убрались во-свои.

В полдень королева пришла проверить, не бездельничала ли Лидушка. При взгляде на грудку шпук с отличной пряжей лицо королевы прояснилось, и она похвалила Лидушку за усердие.

К вечеру, чуть стемнело, старухи опять были под окном, Лидушка их с радостью впустила. И так повелось каждую ночь: вечером старухи приходили, рано утром уходили. Лидушка, знай, спала, а лен все

убывал, пока одна комната не опустела совсем. Королева каждый день приходила поглядеть, сколько Лидушка напряла, и не могла нарадоваться на нее.

— А я еще тебя обижала, милое дитя! — говорила она и все хвалила Лидушку.

Старухи уже взялись за лен в другой комнате. Скоро опустела и она. Королева тем временем начала приготовления к свадьбе. Когда и в третьей комнате лен подходил к концу, Лидушка от души поблагодарила старух за помощь, а они в ответ:

— Смотри, не забудь, девушка, что ты нам обещала. Увидишь, что сама будешь довольна.

Весь лен был уже превращен в пряжу, и к свадьбе все было готово. Молодой король был так доволен своей юной, красивой и усердной невестой, что сказал ей:

— Преси у меня в подарок, что хочешь.

Лидушка вспомнила про своих старух и говорит:

— Есть у меня три старые тетки. Они хоть и бедные и необразованные, но сделали мне много добра. Позволь пригласить их на свадьбу.

Королева и молодой король разрешили.

В день свадьбы, когда гости уже садились к столу, вдруг отворилась дверь и три старухи в смешных старомодных нарядах вошли в покои. Невеста, увидев их, радостно побежала им навстречу.

— Добро пожаловать, милые тетушки! Входите и садитесь к столу рядом со мной.

Гости переглянулись и наверно захохотали бы, если бы не боялись короля. Старая королева и король покраснели, как пионы, но не могли возразить

им ни слова, ведь они сами позволили Лидушке пригласить теток.

За столом Лидушка накладывала старухам кушанье, наливала им питье и потчевала:

— Кушайте и пейте, милые тетушки, вы мне сделали много добра.

После трапезы, когда гости встали из-за стола, молодой король подошел к старухе с плоской широкой ступней и спрашивает:

— Скажите, милая тетушка, отчего у вас такая нога?

— От работы на прялке, сударь мой, от работы на прялке.

Молодой король обернулся к другой старухе, той, что с большим пальцем.

— А у вас, милая тетушка, отчего такой палец?

— От работы на прялке, сударь мой, от работы на прялке.

Королевич обратился к третьей старухе:

— А отчего у вас, тетушка, такая губа?

И в ответ опять:

— От работы на прялке, сударь мой, от работы на прялке.

Слыша это, молодой король перепугался, что у его пригожей, молодой жены тоже будет такая губа, такой палец и такая нога, и тотчас же запретил ей даже дотрагиваться до прялки.

Старухи тем временем исчезли из комнаты неведомо куда. Долго еще с благодарностью вспоминала их Лидушка. Наказ же мужа не прикасаться к прялке она соблюдала так строго, как никто другой.

ЦАРЕВНА - ЗОЛОТОВОЛОСКА

Жил-был король, такой умный, что даже речь животных понимал. Вот как он этому научился. Пришла к нему однажды старуха, принесла в лукошке рыбу и говорит:

— Веди эту рыбу поджарить и съешь. Тогда ты будешь понимать речь всех живых тварей, что по земле ходят, в море плавают и по воздуху летают.

Королю пришлось по душе, что он выучится тому, чего никто не умеет, он щедро заплатил старухе, позвал своего слугу Иряшка и велел ему приготовить рыбу к обеду.

— Только. смотри, сам ни кусочка не ешь, не то не спосит тебе головы!

Иржик подивился такому запрету.

— Отродясь такой рыбы не видывал, — сказал он себе. — Похожа на змею, и разве может повар не отведать блюда, которое он готовит?

И когда рыба была готова, Иржик взял кусочек и съел. Тут он вдруг услышал тоненькие голоса: «И нам кусочек! И нам кусочек!» Иржик оглянулся, кругом никого не было, кроме мух, летавших по кухне. На улице послышался гортанный голос: «Куда пошли? Куда пошли?» Голоса потоньше отвечали: «К мельнику на ячменное поле, к мельнику на ячменное поле!» Иржик выглянул в окно и увидел гусака и стадо гусынь.

— Ага, — сказал себе Иржик, — вот какова эта рыба! Теперь-то он уж знал, в чем дело.

И проглотив еще кусочек, он, как ни в чем не бывало, понес блюдо в королевские покои и подал на стол.

После обеда король велел Иржику оседлать коней и сопровождать его на прогулке. Король поехал впереди, а Иржик за ним. Когда они ехали по зеленой лужайке, конь Иржика заплясал и заржал:

— Ого-го, братец! Мне так легко, что хочется скакать через горы!

— И я бы поскакал, — отвечает конь короля, — да на мне старикашка. Поскачешь, а он свалится и сломит шею.

— Ну и что ж, пускай сломит, — говорит первый конь, — вместо старого, будешь возить молодого.

Слыша этот разговор, Иржик рассмеялся от души, но потихоньку, чтобы король не заметил. Однако король, который тоже понял разговор лошадей,

оглянулся на Иржика и, видя, что тот смеется, спросил:

— Ты чему смеешься?

— Так, ваша королевская милость, вспомнилось кое-что.

Но король уже заподозрил Иржика. Коням он тоже не доверял и потому повернул и поехал домой.

Во дворце король велел Иржику налить в кубок вина.

— Но смотри, если перельешь или недольешь, не спосить тебе головы.

Иржик взял кувшин с вином и стал наливать. В это время в окно влетели две птички. Одна догоняла другую, державшую в клюве три золотых волоска.

— Отдай, отдай! — твердила преследовательница, — они мои!

— Не дам! Они мои, я их подняла.

— А я заметила, как они упали, когда красавица расчесывала свои золотые волосы. Дай мне хоть два!

— Не дам ни одного.

Тут вторая птичка догнала первую и ухватила золотые волоски. На лету они отнимали друг у друга находку, и у каждой оказалось по волоску, а один волосок упал и зазвенел, ударившись об пол. Иржик оглянулся... и перелил вино.

— Теперь тебе не жить! — воскликнул король. — Но если ты найдешь ту золотоволосую красавицу и приведешь ее мне в жены, тогда я тебя помилую.

Что было делать Иржику? Чтобы не потерять головы, пришлось отправиться на поиски красавицы, хоть он и не знал, где ее искать. Вот оседлал он

коня и поехал, куда глаза глядят. Подъехал к дремучему лесу. Видит, на опушке горит кустарник — пастухи подожгли. А под кустом муравейник, искры падают прямо на него. Муравьи всполошились, бегают со своими яичками.

— Ох, помоги, Иржик, помоги! — взмолились муравьи, — не то мы сгорим вместе с нашими детишками.

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил огонь.

— Спасибо, — говорят муравьи. — Если тебе понадобится когда-нибудь наша помощь, вспомни о нас, мы тебе поможем.

Иржик поехал через лес и подъехал к высокой ели. На вершине ее было воронье гнездо, а внизу, на земле, жалобно пищали два вороненка:

— Родители наши улетели, надо нам самим добывать себе пропитание, а мы, бедные несмышленишки, еще и летать не умеем! Помоги нам, Иржик, покорми нас, не то мы умрем с голода.

Иржик не долго думая соскочил с коня, вонзил ему в бок меч, оставил вороньям тушу мяса.

— Спасибо тебе, — весело закаркали воронята. — Если тебе понадобится наша помощь, вспомни о нас.

Дальше Иржику пришлось идти пешком. Долго он шел лесом и, наконец, вышел к безбрежному морю. На берегу спорили два рыбака: попалась им в сеть золотая рыбка, и каждый хотел взять ее себе.

— Моя сеть, мой и улов, — кричал один.

— Что было бы толку с твоей сети, кабы не моя лодка да не моя помощь? — возражал другой.

— Вот поймает еще такую рыбку, будет твоя.

— Как бы не так! Дай мне эту, а сам подожди другую.

— Я вас помирю, — сказал Иржик. — Продайте мне вашу рыбку, а деньги поделите поровну. Я вам хорошо заплачу.

И он отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу. Рыбаки были рады выгодной сделке, а Иржик пустил рыбку обратно в море. Рыбка весело плеснула в воде, нырнула, потом высунула голову.

— Спасибо тебе, Иржик! Если тебе понадобится когда-нибудь моя помощь, вспомни обо мне, я тебе отплачу услугой за услугу.

И исчезла в волнах.

— Куда держишь путь? — спросили рыбаки Иржика.

— Иду за невестой для своего господина, старого короля. Нужна ему золотоволосая красавица, да не знаю, где найти ее.

— Мы можем тебе сказать, — говорят рыбаки. — Золотоволосая красавица — это дочь короля, что живет вон там на острове, в хрустальном дворце. Каждый день на рассвете она расчесывает свои золотые волосы, и от них сияние идет по небу и по морю. Если хочешь, мы тебя отвезем на остров за то, что ты нас так славно помирил. Только имей в виду, надо правильно выбрать: дочерей у короля двенадцать, а золотоволосая из них — одна.

Высадившись на острове, Иржик пошел в хрустальный дворец просить короля отдать золотоволосую дочь замуж за его, Иржика, короля.

— Ладно, — сказал король, — я выдам дочь замуж. Но за это ты должен три дня выполнять мне

задачи, каждый день по одной. Завтра начнем, а пока отдохни.

На другой день утром король говорит:

— Было у моей Золотоволоски ожерелье из дорогих жемчугов. Оборвалась нитка, и жемчужины рассыпались по лужайке, в высокой траве. Собери-ка их все, чтобы ни одна не пропала.

Пошел Иржик на лужайку, а лужайка большая, широкая. Начал он ползать, искать, проискал с утра до полудня, ничего не нашел.

— Эх, — говорит Иржик, — кабы были здесь мои муравьи, они бы мне помогли.

— Мы тут и поможем тебе! — услышал он в ответ, и муравьи, откуда ни возьмись, заползали около него. — Что тебе надо?

— Должен я собрать жемчужины на этой лужайке, да не вижу ни одной.

— погоди, мы соберем.

И скоро муравьи принесли целую горсть жемчужин. Иржику оставалось только нанизывать их на нитку. Уже было завязал он нитку, когда приковылял еще один муравей, хромой, нога у него сгорела на пожаре.

— погоди, Иржик! — кричит хромой муравей. — Не завязывай нитку, несущи тебе еще одну жемчужину.

Принес Иржик ожерелье королю, тот сосчитал жемчужины, — все до одной целы.

— Славно ты выполнил задачу, — говорит король. — Завтра задам тебе другую.

Наутро Иржик приходит к королю и тот говорит:

— Моя дочь купалась в море и уронила золотой перстень. Найди его и принеси.

Пошел Иржик к морю и грустный бродил по берегу. Море было чистое, но такое глубокое, что и дна не видать, а не то, что найти в нем перстень.

— Эх, кабы была тут золотая рыбка, она бы мне помогла!

В море что-то блеснуло, и из глубины вод выплыла золотая рыбка.

— Я здесь и помогу тебе. Что тебе надо?

— Надо мне найти в море золотой перстень, а я и дна не вижу.

— Я как раз встретила щуку, у нее на плавнике тот золотой перстень. Подожди немного, я тебе его добуду.

Вскоре рыбка вернулась из глубины и принесла Иржику щуку с золотым перстнем на плавнике.

Король снова похвалил Иржика, а на третий день опять задал ему задачу:

— Коли хочешь, чтобы я свою Золотоволоску выдал за твоего короля, принеси мне живой и мертвой воды.

Иржик, не зная, где искать воду, шел куда глаза глядят, пока не пришел в дремучий лес.

— Эх, кабы были здесь мои вороны, они бы мне помогли!

Тут над головой у него захлопали крылья, и откуда ни возьмись — оба вороненка.

— Мы тут, — каркают, — и поможем тебе. Чего ты хочешь?

— Должен я добыть живой и мертвой воды, да не знаю, где искать ее.

— Зато мы хорошо знаем. Подожди немного, мы принесем.

И скоро принесли Иржику две баклаги, полные водой: в одной живая, в другой — мертвая. Радуюсь, что ему так повезло, Иржик поспешил к королевскому замку. По дороге, на опушке леса, видит паутину. В середине сидит громадный паук и пьет кровь из мухи. Иржик взял баклагу с мертвой водой, брызнул на паука, и тот замертво свалился на землю. Иржик брызнул на муху живой водой из другой баклаги, и муха забила в паутине, выбралась из нее и взлетела на воздух.

— На свое счастье ты меня воскресил, Иржик,— прожужжала она. — Без меня не угадать тебе, какая из двенадцати королевен Золотоволоска.

Король, видя, что Иржик выполнил и третью задачу, объявил, что отдает ему свою дочь.

— Но ты должен сам ее выбрать.

И он повел Иржика в большой зал, где за круглым столом сидело двенадцать красавиц, все на одно лицо. На каждой было большое белое как снег покрывало, скрывавшее волосы.

— Вот мои дочери,— говорит король.— Угадаешь, какая из них Золотоволоска, можешь увести ее с собой. Не угадаешь — значит не судьба, уедешь один.

Смутился Иржик, не зная, что делать. Тут кто-то зажужжал около его уха:

— Ж-ж-ж-ж, иди вокруг стола, я тебе подскажу.

Это была муха, которую оживил Иржик. Пошел он вокруг стола, а муха жужжит:

— Это не та... и это не та... и эта... А вот это она, Золотоволоска.

— Отдай мне вот эту дочь! — воскликнул Иржик. — Я ее заслужил для своего короля.

— Угадал! — сказал король, а дочь встала из-за стола, скинула покрывало, и золотые волосы рассыпались пышными волнами до самой земли. Все озарилось вокруг, словно при восходе солнца, Иржик даже сощурился.

Тут король дал своей дочери на дорогу все, что полагается, и Иржик отправился во-свои с невестой для своего господина.

У старого короля глаза разгорелись, и он чуть не запрыгал от радости, увидев Золотоволоску. Тотчас начались приготовления к свадьбе. А Иржику король говорит:

— Хотел было я тебя повесить за ослушание, чтобы твой труп клевали вороны. Но за то, что ты мне хорошо послужил, велю только отрубить тебе голову и похоронить с честью.

И Иржику отрубили голову. Золотоволоска попросила у старого короля отдать ей тело, и король не отказал своей невесте. Тогда она приложила голову к телу, побрызгала мертвой водой, и тело сплослось с головой, даже шрама не осталось. Потом королева сбрызнула Иржика живой водой, и он встал свежий и помолодевший.

— Как крепко я спал! — сказал он, протирая глаза.

— Да крепко, — сказала королева. — Кабы не я, спать бы тебе вечно.

Старый король, видя, как помолодел и похорошел Иржик, тоже захотел омолодиться. «Отрубите, — говорит, — голову и мне, а потом оживите меня чудесной водой». Так и было сделано. Бездыханное тело короля поливали живой водой, пока не вылили

всю, но голова никак не прирастала к туловищу. Тогда стали поливать мертвой водой и голова сразу приросла, но живой-то воды уж не было, чтобы воскресить мертвого.

В королевстве без короля нельзя. Умнее Иржика там никого не было, ведь он даже речь животных понимал. Вот его и избрали королем, а Золотоволска стала королевою.

ЖАР-ПТИЦА И ЛИСИЧКА- СЕСТРИЧКА

У одного короля был большой прекрасный сад. Было в нем много редких деревьев, но самым редким была яблоня, которая стояла посреди сада. Каждый день она приносила по яблоку, и яблоко это было золотое: утром появлялся цветок, днем яблоко росло, к вечеру созревало, а на другое утро появлялся новый цветок. Но ни одно зрелое яблоко не сохранялось до утра: каждое исчезало ночью с ветки — и никто не знал, как и куда. Короля это очень огорчало. Раз позвал он старшего сына и говорит:

— Пойди, сын мой, посторожи ночью. Коли заметишь, кто у меня яблоки таскает, не пожалю

своих сокровищ, чтобы наградить тебя. А коли тебе удастся того вора схватить, полкоролевства тебе отдам.

Королевич опоясался мечом, положил на плечо самострел, заткнул за пояс несколько стрел каленых и пошел под вечер в сад, сторожить. Сел там под яблоней и стал ждать. Не долго он сидел, как напала на него дремота, и никак не мог он ее одолеть. Упали у него руки на траву, глаза закрылись, и проспал королевич до белого дня, так крепко, что ничего не слышал, словно его кто в воду толкнул.

Когда он утром проснулся, яблока и след простыл.

— Ну, что? — спросил его король. — Удалось тебе выследить вора?

— Никто не приходил, — отвечал королевич. — Яблоко само пропало.

Король покачал головой, не хотел этому поверить.

— Сегодня пойди ты сторожить, сын мой, — сказал он среднему. — И если устережешь вора, я тебя щедро награжу.

Второй королевич вооружился так же, как первый, и пошел сторожить. Но через некоторое время он тоже, как и старший брат, под яблоней уснул, а когда проснулся, — яблока как не бывало. Стал его отец утром спрашивать, кто яблоко взял, а он отвечает:

— Никто не брал. Само пропало.

Промолвил тут самый младший королевич:

— Отец, я пойду сторожить. Хочу посмотреть, пропадет ли при мне золотое яблоко.

— Милое дитя мое, — ответил ему король. — Я думаю, ты мало, что можешь там сделать. Ты еще слишком мал и глуп. Коли старшим не удалось золотое яблоко устеречь, так тебе и по давню не удастся. Но если хочешь, ступай.

Вечером, когда уже стемнело, сел младший королевич в саду сторожить. Он тоже взял с собой меч, самострел и несколько стрел, но, кроме того, еще шкуру. Пришел в сад, сел под яблоней и расстелил ту шкуру у себя на коленях, — чтобы, когда дремота одолеет и руки у него опустятся, та шкура его разбудила. В полночь прилетела золотая птица, села на дерево и хотела клюнуть яблоко. Тут королевич спустил тетиву, и каленая стрела попала птице в крыло. Птица улетела, но из крыла ее упало на землю золотое перо, а яблоко осталось на дереве.

— Ну как? Поймал вора? — спросил его утром король.

— Нет, — ответил королевич. — Но это не беда. Еще поймаю. А вот доскут от его одежды.

Тут он вынул золотое перо и рассказал, как было дело. При виде пера король очень обрадовался. Оно было такое красивое, от него исходило такое сияние, что ночью в королевских покоях не надо было огня зажигать. Те из придворных, которые знали толк в таких делах, утверждали, что это — перо Жар-птицы и что оно дороже, чем все королевские сокровища.

С той поры Жар-птица больше в сад не прилетала и яблоки пропадать перестали. Но короля они уж больше не радовали, как прежде; он теперь только и думал о Жар-птице и печалился, что ее нет так сильно, что у него от той печали сердце стало

сохнуть. Однажды позвал он всех трех сыновей своих и говорит:

— Милые дети! Вы видите, что я день ото дня все больше чахну. Но я твердо знаю, что если мне послушать пенья Жар-птицы, сердце мое оживится. Кто из вас ту Жар-птицу живую мне принесет, чтобы она запела, я сейчас же ему полкоролевства уступлю, а после моей смерти он моим преемником будет.

Сыновья тотчас собрались в дорогу, простились с отцом и поехали Жар-птицу искать.

Долго ли, коротко ли, — приехали в лес, а в лесу — три дороги.

— Куда теперь поедем? — спросил старший брат.

— Нас трое и перед нами три дороги, — ответил второй. — Подем каждый по своей. Коли в три стороны подем, легче Жар-птицу добудем.

— А кто по какой поедет?

Выбирайте каждый какую хотите, — промолвил младший. — А я поеду по той, какая останется.

Братья согласились, и каждый выбрал себе дорогу, по какой хотел ехать.

Потом один говорит:

— Давайте сделаем в этом месте какие-нибудь знаки, чтобы кто первый вернется — знал, что с другими случилось. Воткнем в землю по прутику. Чей прут вырастет, тому, значит, Жар-птицу удалось поймать.

Братьям этот совет понравился. Каждый воткнул возле своей дороги в землю прут — и они разъехались.

Старший королевич ехал своей дорогой, не останавливаясь, пока не приехал на какую-то гору. Тут

он спрыгнул с коня, пустил его пастись, а сам сел на траву. Потом вынул какая при нем еда была и стал обедать. Тут подошла к нему Лисичка-сестричка.

— Поддай, поддай, добрый господин! Я очень голодна, дай мне чего-нибудь поесть.

Но королевич, как ее увидел, — взял самострел и послал в нее каленую стрелу. Попасть — не попал, только Лисичка пропала.

Со средним братом случилось то же самое. Только он уселся на широком лугу на траву и вынул еду, подошла и к нему голодная Лисичка-сестричка, чтобы он чего-нибудь ей дал. — и когда он в нее выстрелил, исчезла у него из глаз.

Младший брат ехал не останавливаясь, пока не приехал к какому-то ручью. Он устал и проголодался, слез с коня и сел на берегу на траву, чтобы подкрепиться. Только начал он есть, как тоже увидел Лисичку-сестричку; подходит она все ближе и ближе, остановилась неподалеку и стала просить:

— Поддай, поддай, добрый молодой господин! Я очень голодна, дай мне тоже чего-нибудь закусить.

Королевич вынул ей кусок ветчины и говорит:

— Пойди сюда, не бойся меня, Лисичка-сестричка. Вижу, что ты голодней меня. На сегодня у меня хватит обеда для нас обоих.

И разделил свою еду на две части: одну себе, другую Лисичке. Лисичка-сестричка наелась досыта и промолвила:

— Ты меня хорошо накормил, а я тебе хорошо отслужу. Садись на своего коня и поезжай за мной. Если будешь делать то, что я тебе скажу, Жар-птица твоя будет.

Потом побежала вперед и пушистым хвостом стала выравнивать ему дорогу: горы сметала, доли выравнивала, — а через воды-броды мосты наводила.

Королевич на коне рысью за ней, пока вскоре не очутился перед медным замком.

— Вот в этом замке Жар-птица живет, — сказала Лисичка-сестричка. — Войди в правые ворота. Там стража спит, и ты нигде не задерживайся. В первой палате увидишь двенадцать черных птиц в золотых клетках, во второй — двенадцать золотых птиц в деревянных клетках, а в третьей Жар-птица сидит на шесточке. Возле нее увидишь две клетки — золотую и деревянную: не сажай ее в золотую, а сажай в деревянную, — иначе тебе не сдобровать.

Королевич вошел в медный замок и увидел, что все так, как Лисичка-сестричка сказала. В третьей зале видела на шесточке Жар-птица, будто спала. Она была так прекрасна, что при виде ее у королевича сердце заликовало. Посадил он ее в деревянную клетку, да задумался и говорит:

— Разве это годится — сажать такую красивую птицу в такую старую клетку? Жар-птица должна в золотой клетке сидеть.

Вынул он ее из деревянной клетки и посадил в золотую. Да только запер ее там, как Жар-птица проснулась и закричала, и вдруг остальные птицы в первых двух палатах подняли такой писк и карканье, что проснулась стража у ворот. Она тотчас прибежала, схватила бедного королевича и повела его к королю.

Король страшно разгневался и сказал:

— Кто ты, вор, что посмел мимо стольких стражей пройти, чтобы мою Жар-птицу у меня украсть?

— Я не вор, — отвечал королевич, — а сам пришел за воров, которого ты у себя прячешь. У нас дома, в нашем королевском саду, есть яблоня, которая приносит золотые яблоки: раз в день расцветает цветок, растет и созревает яблоко, а твоя Жар-птица каждый день уносит его у нас. И король, отец мой, тяжело страдает, сердце у него сохнет. Он не поправится, пока не услышит, как твоя Жар-птица поет. Поэтому прошу тебя, дай мне ее.

— Можешь ее взять, — сказал на это король, — если приведешь мне взамен коня Златогрива.

— Зачем ты не послушался меня и взял золотую клетку? — рассердилась Лисичка-сестричка.

— Я просто ошибся, — сказал королевич. — Ты уж не сердись на то, что было, а скажи мне, знаешь ли ты что-нибудь о коне Златогриве.

— Знаю, — ответила Лисичка-сестричка. — Я помогу тебе и до него добраться. Садись на своего коня и поезжай за мной.

И опять побежала впереди и стала пушистым хвостом дорогу выравнивать. Королевич рысью за ней, пока вскоре не очутился перед серебряным замком.

— В этом вот замке живет конь Златогрив, — промолвила Лисичка-сестричка. — Входи в правые ворота. Там стража спит, и ты нигде не задерживайся. В первой конюшне увидишь двенадцать вороных коней с золотыми уздечками, во второй — двенадцать белых коней с черными уздечками, а в третьей конюшне стоит конь Златогрив у своей кормушки. Возле него на стене две уздечки: золотая и кожаная. Так не

спутай: золотая узда пусть останется висеть, а на него одень кожаную. Иначе тебе не сдобровать.

Королевич вошел в замок и опять увидел, что там все так, как Лисичка-сестричка сказала.

В третьей конюшне стоял конь Златогрив у серебряного корыта и ел из него живой огонь. Он был так прекрасен, что королевич никак не мог на него наглядеться. Взял он со стены кожаный недоуздок с черной кожаной уздой и надел на коня Златогрива. Конь стоял, как ягненок. Увидел тут королевич рядом на стене прекрасный золотой недоуздок с золотой, драгоценными камнями украшенной уздой, и очень он ему понравился.

— Разве это годится — на такого прекрасного коня такую плохую узду надевать? — сказал он сам себе. На коня Златогрива надо золотую узду надеть.

Снял он с коня кожаную узду и надел на него золотую. Но только почувял конь, что на нем золотая узда, встал он на дыбы и громко заржал. И тотчас начали все кони в первых двух конюшнях бить копытами и ржать. Стража проснулась, прибежала, схватила королевича и повела его к королю.

— Кто ты, вор, — стал гневаться король, — что посмел мимо столько стражей пройти, чтобы украсть у меня моего коня Златогрива?

— Я не вор, — ответил королевич, — не охотой я за твоим конем пришел, а поневоле.

И рассказал, как было дело, и о том, что ему король медного замка не хочет Жар-птицу отдавать, пока он коня Златогрива ему не приведет. И попросил королевич, чтобы ему того коня отдали.

— Можешь его взять, — сказал на это король серебряного замка, — если взамен приведешь мне Златовласку, владелицу золотого замка на Черном море.

Лисичка-сестричка ждала королевича снаружи, в лесу, и когда увидела, что он вернулся без коня, еще пуще на него рассердилась.

— Разве я тебе не говорила, чтобы ты не трогал золотой узды на стене, а взял бы кожаную. Толку нет возиться с тобой. У кого своего ума нет, тому ничем не поможешь.

— Не сердись, Лисичка-сестричка, — стал просить королевич. — Я просто ошибся, и ты мне еще раз помоги.

— В последний раз помогу, — сказала Лисичка-сестричка. — И если ты меня слушаешь, то можешь еще исправить все, что глупостью своей напортил. Садись на своего коня и поезжай за мной.

И опять побежала впереди и стала выравнивать королевичу дорогу, пока он не приехал к золотому замку на черном море.

— В этом замке, — сказала Лисичка-сестричка, царствует морская королева. У нее три дочери; самая младшая из них Златовласка. Ступай туда и попроси ее, чтобы она дала одну из дочерей тебе в жены. А когда она скажет, чтобы ты выбирал, бери ту, которая будет проще всех одета.

Морская королева приняла королевича ласково, и когда он сказал, зачем пришел, привела его в горницу, где три ее дочери сидели и пряли. Они были так друг на друга похожи, что никто на свете не отличил бы их друг от друга, и так прекрасны,

что у королевича дух захватывало, когда он глядел им в очи. У каждой голова была повязана платком, чтобы не было видно, у какой какие волосы, и одеты были все по-разному. У одной платок и платье были затканы золотом и пряла она золотым веретеном. У другой платок и платье были вышиты серебром, и она держала в руке серебряное веретено. А у третьей был чистый белый платок на голове и белое платье, и пряла она обыкновенным веретеном.

— Выбирай себе, какую хочешь, — сказала ему королева, — и королевич указал на девушку, одетую в белом.

— Отдай мне эту.

— Вот как? — удивилась королева. — Ты сам не знаешь, чего просишь. Подожди до завтра.

Королевич всю ночь не мог заснуть от беспокойства о завтрашнем дне и, чуть на востоке забрезжило, вышел в сад при замке. Только он туда вошел, неожиданно-негаданно появилась перед ним белая девушка.

— Если хочешь меня сегодня узнать, так следи, вокруг которой из нас будет мушка летать.

И как пришла, так и исчезла.

После полудня опять повела королева королевича в ту горницу, где се дочери были.

— Если узнаешь ту, которую вчера выбрал, она будет твоей. А не узнаешь, — велю тебя казнить.

Дочери стояли одна возле другой. Одна была, как другая, все в дорогих и нарядных платьях, у всех трех были золотые волосы, и они у них так сияли, что королевич от блеска глаза зажмурил. А через мгновение, когда к нему зрение вернулось, он

заметил, что вокруг одной из девушек маленькая золотая мушка летает.

— Вот моя суженая, — сказал он. — Эту я выбрал.

Королева подивилась, что он узнал ее, и промолвила:

— Так легко ты ее не получишь. Ты должен завтра сделать то, что я тебе велю.

Утром она показала ему из окна большой пруд возле леса, дала ему маленькое золотое сито и сказала:

— Если ты этим ситом тот пруд к вечеру вычерпашь, отдам тебе Златовласку; а не вычерпашь, велю тебя казнить.

Королевич взял сито и печально побрел к пруду. Опустил его в пруд и набрал воды, — но как только вытащил, вся вода из сита вытекла до единой капли. Видит, ничего не выходит, — сел на плотину, положил сито около себя и стал думать, как быть. Вдруг неожиданно-негаданно опять появилась перед ним белая девушка.

— Что запечалился? — спрашивает.

— Как же мне быть веселым, — ответил королевич, — когда я вижу, что ты мне не достанешься? Твоя мать велела мне сделать невозможное.

— Не тужи, — сказала девушка. — Все уладится.

Взяла она сито и опустила его в середину пруда. Тут вся вода в пруду вдруг закипела, густым облаком стала подыматься над прудом и опускаться на землю, так что на три шага перед собой ничего нельзя было видеть. Потом королевич услышал топот

и, всмотревшись, увидел сперва Лисичку-сестричку, а потом своего коня.

— Не теряй времени, — сказала она. — Сажай девушку перед собой на коня и уезжай.

Конь стрелой полетел обратно по выравненной дороге. А Лисичка-сестричка, следом за ним, принялась опять ее разрушать: пушистым хвостом мосты сметала, доли делала, горы подымала — все так, как было прежде. Королевич был рад, что добыл золотоволосую девушку, да не рад, что ее надо королю серебряного замка в обмен на коня Златогрива отдавать. Чем ближе подъезжал он к тому замку, тем медленнее ехал и все печальнее становился.

— Тяжело тебе, вижу, отдавать свою прекрасную Златовласку в обмен на коня Златогрива, — говорит ему Лисичка-сестричка. — Уж коли помогла я тебе в остальном, — так тут тебя не оставлю.

Перепрыгнула она через повалившееся дерево в лесу, перекувыркнулась, и вместо Лисички-сестрички появилась вторая Златовласка, точь-в-точь такая же, как та, которую вез королевич.

— Пусть твоя невеста подождет тебя в лесу, а меня отвези к королю серебряного замка, чтобы он отдал тебе в обмен на меня коня Златогрива. А как получишь его, уезжай с нею.

Король страшно этой Златовласке обрадовался и, не мешкая, отдал королевичу в обмен коня Златогрива вместе с золотой уздой. Потом велел в честь своей прекрасной золотоволосой невесты славный пир устроить и созвал на него всю знать. Когда все уже сильно выпили и были веселы, спросил король гостей, нравится ли им его золотоволосая невеста.

— Она прекрасна, — ответил один гость. — Прекраснее быть не может. Но кажется мне, будто у нее глаза лисьи.

Только он это слово сказал, в одно мгновение вместо Златовласки появилась опять Лисичка-сестричка, — одним прыжком очутилась за дверью и была такова.

Опять побежала она за королевичем и его золотоволосой невестой и принялась разрушать свою лисью дорогу: пушистым хвостом мосты сметала, доли делала, горы подымала — все так, как было прежде.

Когда она догнала их, они были уже близко от медного замка, где жила Жар-птица.

Тут и говорит Лисичка-сестричка:

— Хорошо ехать твоей Златовласке на коне Златогриве. Разве не жалко тебе, королевич, отдавать коня Златогрива в обмен на Жар-птицу?

— Жаль мне это, конечно, из-за моей Златовласки, — отвечал королевич. — Да не жаль ради отца моего, который от этого выздоровеет.

А Лисичка-сестричка ему ответ:

— Где Златовласка и конь Златогрив, там пусть будет и Жар-птица. Коли я тебе в остальном помогла, так помогу и в этом.

Перепрыгнула она через поваленное дерево в лесу, перекувыркнулась — и вместо Лисички-сестрички появился второй конь Златогрив, — точь-точь такой же, как тот, на котором сидела Златовласка.

— Отведи меня к королю медного замка, — сказал он, — чтоб он в обмен на меня отдал тебе Жар-птицу. И когда получишь ее, уезжай.

Король страшно обрадовался, что получил коня Златогрива и, не мешкая, отдал королевичу в обмен за него Жар-птицу, вместе с золотой клеткой. Потом созвал к себе множество гостей, дал им полюбоваться своим конем Златогривом и спрашивает, понравился ли.

— Он прекрасен, — ответил один гость. — Прекрасней быть не может. Но кажется мне, будто у него глаза лисьи.

Только он это слово сказал, в одно мгновение вместо коня Златогрива появилась опять Лисичка-сестричка, — одним прыжком очутилась за воротами и была такова.

Опять побежала она за королевичем и Златовлаской, принялась разрушать на бегу свою лисью дологу и догнала их, когда они были уже близко от того ручья, где она в первый раз с королевичем встретилась.

— Вот ты уже получил Жар-птицу, — сказала она. — Получил много больше того, что желал. Я тебе теперь не нужна. Поезжай спокойно домой — только нигде не останавливайся, а не то тебе не сдобровать.

И с этими словами исчезла. А королевич поехал своим путем дальше. Золотая клетка с Жар-птицей была у него в руке, а о бок с его конем шел конь Златогрив, на котором ехала прекрасная Златовласка. Когда они приехали к распутью в лесу, вспомнил он о прутьях, которые воткнул с братьями в землю в виде знаков, — каждый у своей дороги. Путь обоих его братьев засохли, а его прут вырос у дороги и превратился в прекрасное ветвистое дерево. При

виде его королевич очень обрадовался. Они от долгого пути очень устали, и он решил, что они должны под этим деревом отдохнуть. Слез королевич с коня и помог золотоволосой невесте сойти с коня Златогрива; потом обоих коней к тому дереву привязал, а клетку с Жар-птицей на ветку повесил. Скоро одолела их дремота, и они уснули.

Пока они спали, вернулись и его братья, — один с одной стороны, другой — с другой, оба с пустыми руками, и в одно и то же время сошли с коней. Увидели они, что их прутья засохли, а прут младшего брата превратился в прекрасное вострое дерево. Увидели и то, что под деревом спит их брат, и возле него прекрасную золотоволосую девушку, и коня Златогрива, и Жар-птицу в клетке над ними. Зародились тут у них в сердце злые мысли, и сказал один другому:

— Брат наш получит теперь от отца полкоролевства, а после его смерти станет его преемником. Лучше нам убить его: ты возьмешь себе золотоволосую девушку, я — коня Златогрива; Жар-птицу отдадим отцу, чтобы она ему пела, а королевство разделим поровну.

Сказано — сделано. Тело брата они разрубили на несколько частей; а золотоволосой девушке пригрозили смертью, если она расскажет правду. Приехали домой, поставили коня Златогрива в мраморную конюшню, клетку с Жар-птицей — в покой, где лежал король, а золотоволосой девушке дали прекрасную горницу и много прислужниц. Старый больной король поглядел на Жар-птицу и спросил, не знают ли они чего о своём младшем брате.

— Мы не слышали о нем, — ответили они. — Верно, где-нибудь погиб.

Отец погрузился в печаль, Жар-птица не хотела петь, а конь Златогрив стоял, понуриив голову, и золотоволосая девушка не говорила ни слова, не расчесывала своих золотых волос и, не переставая, плакала.

Между тем, пока королевич лежал в лесу, разрубленный на куски, прибежала к нему Лисичка-сестричка. Собрала она все эти куски и сложила их как надо. Она и рада была бы воскресить королевича, да не могла. Вдруг видит, над телом ворона с двумя воронятами вьется, и спряталась в траву под кустом. Только один вороненок сел на тело — клевать его, Лисичка-сестричка выскочила, вцепилась ему в крыло и сделала вид, будто хочет его растерзать. Старая ворона в страхе подлетела поближе к ней, села на куст и говорит Лисичке-сестричке.

— Крр, крр! Отпусти мое бедное дитяtko. Оно тебе ничего плохого не сделало. А я тебе отслужу, если нужно.

— Мне и в самом деле нужно, — ответила Лисичка-сестричка. — Если ты принесешь мне из Черного моря живой и мертвой воды, я отпущу твоего вороненка на свободу.

Ворона обещала принести и улетела.

Летела она три дня и три ночи и, вернувшись, принесла два рыбьих пузыря, полных водой: в одном была живая вода, в другом мертвая. Лисичка-сестричка взяла пузыри и разорвала ворону пополам, потом сложила вместе обе половинки, взбрызнула их мертвой водой — и они в мгновение ока срослись.

Потом брызнула живой водой, — ворона затрепыхала крыльями и улетела. После этого Лисичка-сестричка взбрызнула мертвой водой разрубленное тело королевича, — и оно опять стало целым, и ни одной раны на нем не осталось. Когда же она взбрызнула его живой водой, королевич очнулся, как от сна, встал и говорит:

— Ах, как я крепко спал!

— Чего уж крепче, — сказала Лисичка-сестричка. — Если бы не я, ты так бы никогда и не проснулся. А разве я тебя не предупреждала, чтобы ты нигде не останавливался и ехал прямо домой?

Потом она рассказала ему, что случилось, проводила его до опушки к королевскому замку его отца, дала ему на всякий случай простую одежду, простилась с ним и исчезла.

Королевич пошел в замок и поступил служить на конюшню. Никто не узнал его. Слышит он, два конюха между собой разговаривают:

— Как жаль прекрасного коня Златогрива. Того и гляди издохнет: стоит, понунив голову, и ничего не хочет есть.

— Дайте ему гороху, — сказал королевич. — Готов биться об заклад, что он будет есть.

— Ха, ха! — засмеялись конюхи. — Такой дряни у нас и рабочие лошади не едят.

Королевич пошел, взял гороху, насыпал его коню в мраморную кормушку, погладил его по золотой гриве и промолвил:

— Что ты такой печальный, конь мой Златогрив?

Тут узнал конь хозяина по голосу, затопал копытами, зафыркал, весело заржал и сразу принялся за горох.

Слух об этом пошел по всему замку: узнал и больной король, что один из его слуг исцелил коня Златогрива. Король тотчас велел его позвать и говорит ему.

— Слышал я, что ты коня Златогрива вылечил. Если бы ты сумел сделать так, чтобы Жар-птица запела. Она сидит печальная, опустив крылья, и ничего не хочет есть. Погибнет она, — погибну и я.

— Не бойся, великий король. Она не-погибнет, — отвечал королевич. — Прикажи принести немного ячменного зерна, — она поест, повеселеет и сейчас же запоет.

— Ха-ха! — засмеялись слуги, идя за ячменем. — Он будет кормить Жар-птицу зерном, которого у нас гуси не едят.

Но все-таки им пришлось сейчас же принести зерно. Королевич насыпал его птице в золотую клетку, погладил ее по золотым перьям и промолвил:

— Что ты такая печальная, Жар-птица моя?

Птица тотчас узнала его по голосу, встрепенулась, оправила свои перья, начала прыгать и есть и так прекрасно запела, что у старого больного короля сердце ожило. А после того как Жар-птица запела во второй и в третий раз, король так окреп, что встал с постели и в великой радости обнял незнакомого слугу.

Потом король сказал:

— Что нам делать с прекрасной золотоволосой девушкой, которую мои сыновья привезли? Она молчит, не чешет своих золотых волос, ничего не ест и все плачет.

— Позволь мне, великий король, молвить ей одно слово. Может, она повеселеет, — ответил слуга.

Король тотчас отвел его к ней. Королевич взял ее за белую руку и говорит:

— Что ты такая печальная, невеста моя?

В то же мгновенье девушка узнала его, вскрикнула от радости и кинулась ему в объятия.

Король очень удивился, что он назвал ее своей невестой и что девушка обняла его. А королевич и говорит:

— Неужто ты не узнаешь своего младшего сына, царственный отец мой? Это не братья мои, а я сам добыл Жар-птицу, коня Златогрива и прекрасную Златовласку.

И рассказал, как все было, а девушка прибавила, что его братья пригрозили ей смертью, если она расскажет о том, что они сделали. Братья стояли тут же. Они увидели, что все открылось, задрожали, как тростник, и не могли промолвить ни слова. Король страшно на них разгневался и велел обоим беспощадно казнить.

А королевич женился на прекрасной Златовласке и получил от отца половину королевства, а после его смерти и другую.

ЗАГАДКА

Жила-была молодая королева. Далеко вокруг славилась она своей красотой. Много женихов к ней сваталось, среди них два царевича, которые ей нравились больше других. Но выйти сразу за двух нельзя, и королева, наконец, выбрала одного и отказала другому. Задумался отвергнутый царевич:

«Кабы не было моего соперника, она полюбила бы меня. Убью его, и она будет моей!» Как задумал, так и сделал: в лесу на охоте убил избранника королевы.

Королева очень грустила. Однако она не показала этого и решила, что отомстит за смерть своего милого. В память о нем она велела сделать из его черепа кубок, красиво отделанный золотом и драгоценными

каменьями; из костей его рук заказала четыре красивых настольных подсвечника; из костей ног — ножки кресла, а из прекрасных длинных волос — пояс, перевитый золотом и жемчугом.

Скоро второй царевич начал добиваться ее руки и сердца, прося не медлить с ответом.

— Ладно, — сказала королева, — завтра приходи ко мне ужинать. Я задам тебе загадку. Угадаешь — буду твоей женой, не угадаешь — распростишься с головой. Вот мой ответ.

«Какая такая может быть загадка, чтобы я не отгадал?» — подумал царевич и на другой день пришел к ужину. Стол был уже накрыт. Королева и царевич сели к столу, ели, пили и веселились. Королева сидела в своем кресле, на ней был ее пояс, она пила вино из заветной чаши, а на столе в четырех подсвечниках горели свечи.

После ужина царевич пожелал услышать загадку. Королева и говорит:

— Ну, так слушай и отгадывай:

На любви сижу,
на любовь гляжу,
любовь меня обвила,
из любви я пила.

— Эге, — говорит царевич, — хороша загадка! Лучше и быть не может. Сядь ко мне на колени, я тебя обниму, а ты загляни мне ласково в глаза и поцелуй меня — и твоя загадка станет явью: эта любовь — я!

— Ошибся ты! — гневно сказала королева, вставая — я сижу на ногах своего любимого, которого

ты подло убил, — она показала на кресло. — Я смотрю на его руки, — она указала на подсвечники. — А это пояс из его прекрасных волос. А из его черепа я пью за мечь тебе. Смерть за смерть.

И позвав своих слуг, она велела им отрубить царевичу голову. Всю жизнь потом прожила королева одна, ни за кого замуж не вышла.

ВОДЯНОЙ

В Праге, в Подскальи, видели его, говорят, часто под вечер на плотах. Днем он развешивал над водой красивые красные ленты: только какой ребенок до них дотронется, так сейчас же упадет в воду и утонет. Перевозчики знали это и говорили дома:

— Опять показались ленты. Пусть дети не подходят к воде!

Ходил Водяной и на ярмарки, и там его хорошо знали. На нем был всегда зеленый сюртук, с левой полы его капало, на левой руке у него не хватало одного пальца, и он гнусавил. Торговцы на ярмарке были очень довольны, когда видели его, — особенно сапожники, — и зазывали его сделать почин. Ему пер-

вому они охотней всего продавали, потому что после этого торговля шла бойко. Вечером водяной шел в трактир — пить пиво, и тут все шипкарки радовались:

— Идет зеленый барин, теперь будет пропасть народу.

Куда он приходил, там всегда собиралось очень много народу, но всегда в полночь затевалась драка и кого-нибудь убивали.

Как-то раз, говорят, связали его накрепко лыками, так что он не мог пошевелиться. Он жалобно взмолился:

— Ах, отпустите меня, отпустите, отпустите только на этот раз! Больше ни к кому не подойду.

А когда его отпустили, он громко засмеялся и — бултых в воду!

Жена Водяного тоже часто выходила из воды. Звали ее Сара. Одна хозяйка познакомилась с ней и подружилась. Жена Водяного часто ее навещала. Когда этой женщине хотелось с ней поговорить, она подходила к реке и звала:

— Сара!

И жена Водяного тотчас отзывалась и выходила из воды.

Эта женщина родила и позвала жену Водяного в крестные матери.

Когда ребенок подрос, жена Водяного как-то раз взяла его к себе в дом. Подошли они к реке. Жена Водяного кинула в реку прутик и сделалась лестница вниз, будто в погреб. Водяного не было дома. Ребенок увидел у него на столе целый ряд крышек и спросил, что это такое.

— Не трогай их: под ними души утопленников, — ответила жена Водяного.

Но когда она вышла, ребенок из любопытства все-таки приподнял одну крышку, и оттуда вылетела душа. Когда жена Водяного вернулась, она сразу поняла, что случилось, и поскорей вывела ребенка из реки, пока не пришел Водяной и не утопил его за это.

* * *

Служила, говорят, у Водяного одна девушка в работницах. Все хозяйство у нее на руках было. Но когда Водяной уходил из дому, он всякий раз приказывал, чтобы она ни с одного горшка крышки не снимала. А было там много горшков, закрытых крышками. Девушка была любопытная; проходя мимо, она постучала по последнему горшку, там что-то отозвалось и запищало. Она открыла крышку. Оттуда вылетела душа и стала благодарить ее за то, что она выпустила ее из темницы.

— Я тебе это отслужу, — ты будешь счастлива.

Когда Водяной вернулся, он тотчас узнал, что случилось, и говорит:

— Ты открыла крышку!

Девушка стала просить, чтобы он не сердился, но, хотя он ее и простил, ей пришлось сейчас же уйти с этого места.

РУСАЛКА ИЗ РОДНИКА

В давние времена ходили к роднику купаться три лесные русалки. Поселянин Голечек однажды вечером шел мимо родника домой, увидел их, и так ему одна русалка приглянулась, что он стоял, как очарованный, пока русалки не исчезли.

С тех пор Голечек не знал покоя. Решил во что бы то ни стало поймать русалку и взять ее в жепы. Каждый день ходил он к роднику и, спрятавшись в кустах, ждал, не придут ли русалки. На третий день они опять появились. Как только они были близко, Голечек выскочил из кустов, схватил на руки свою милую и, не оглядываясь, побегал домой. Он не видел, как

ее подружки оборотились белыми голубками, и, летая около своей подружки, твердили ей: «Линда, Линда, Линдушка, не говори, какая вода в роднике!»

Линда оказалась хорошей женой, но поставила Голечку одно условие — никогда не вспоминать, что она была русалкой. Голечек клятвенно обещал.

Однажды Голечка не было дома. Линда пошла к роднику, поглядела на небо, набрала в ковшик воды и вернулась домой. Там она велела работникам тотчас же сжать и свезти в амбар весь урожай, хотя нива была еще зеленая и колосья только начали наливаться. Она сама всем распорядилась, и вскоре все было готово.

Голечек еще на обратном пути услышал о том, что произошло дома, люди наговорили ему с три короба. Сердитый вошел Голечек в дом, видит, жена стоит среди зеленых колосьев и брызгает водой из глиняной миски. Не сдержался Голечек, закричал на нее:

— Что же ты наделала, зверюга лесная!

Линда выронила миску с водой, грустно взглянула на мужа, молча заломила руки и, перешагнув порог, исчезла.

На третий день ударила жестокая буря с градом и побила все нивы, так что от посевов не осталось и следа. Тут только сменил Голечек, что Линда была не такая, как все, и что, зная о граде, она хотела спасти урожай.

Но каково было его удивление, когда пришел Голечек в амбар, где был сложен урожай. До самой

крыши закрома были полны зрелыми, крупными, как золотом налитыми, колосьями. Весь хлеб созрел, точно на поле.

Долго горевал и убивался Голечек, что выгнал жену из дома, ходил к роднику и в лес, звал ее, но все зря. Дни и ночи ждал ее Голечек у родника и так домой и не вернулся.

Д О М О В Ы Е

Жил в Бехарах мужик, звали его кум Пáличка. Шел он однажды в Копидльню на базар и нашел в неле под грушей черного куренка. Куренок был мокрый, озябший, дрожал от холода и пищал. Кум Пáличка взял его под армяк, принес домой, посадил за печку об-

сохнуть, а потом пустил во двор к другим курам.

Ночью, когда все спали, Пáличка вдруг услышал шорох в клетке и резкий голос, не то птичий, не то человеческий:

— Хозяин, я принес тебе картошку!

Что такое? Мужик вскочил с кровати, побежал в клетку. Видит огненного куренка и три кучки картофеля. Куренок скачет с кучки на кучку.

— Ах ты, мерзость эдакая! — отплюнулся мужик и, хлопнув дверью, пошел спать, однако до самого утра не смог уснуть. Ему уже было ясно, кого он принес домой. Утром, чуть рассвело, он выкинул весь картофель на свалку.

На другую почь мужик опять слышит:

— Хозяин, я принес тебе пшеницу, рожь, ячмень!

Мужик и смотреть не пошел, что там делается, а всю почь продрожал как осиновый лист и все молился: «Избавь нас, господи, от лукавого». А едва рассвело, взял лопату и веник, пошел и выгреб все, что принес куренок, чтобы и зернышка не осталось.

После этого Пáличка ходил как убитый, не знал, что делать; и боялся, как бы соседи не узнали. Но от соседей новость, конечно, не укрылась. Они видели, как по почам к Пáличке летает огненная птица, а днем соседка заметила среди кур во дворе черного куренка. По деревне сразу пошла молва: кум Пáличка проданся чорту. Кто порассудительнее качали головами — ведь Пáличка издавна слыл честным и богобоязненным человеком — и решили сделать ему внушение. Пришли к нему, а он все сам и рассказал и просил совета — как быть.

— Какой там совет, — сказал один молодой мужик, — прикончить его, сводочь, да и все тут.

И схватив полено, он швырнул его в куренка. Но куренок вскочил ему на плечи и начал больно клевать, крича:

— Я Рáраш, я Рáраш!

Потом кто-то посоветовал Пáличке продать дом и пересхать в другое место. Рáраш, мол, останется

там, где был. Пáличка обрадовался и стал искать покупателя. Однако желающих не находилось, никто не хотел купить дом с Рáрашем. Но Пáличка решил во что бы то ни стало избавиться от домового. Он продал урожай, скотину и все, без чего мог хотя бы с трудом обойтись, купил себе двор в другой деревне и переехал туда. Когда все было сделано, он приехал с телегой, наложил на нее посуду, корыто и всякую домашнюю утварь и поджег дом, который стоял в стороне, так что пожар не мог перекинуться на другие избы. Тут Пáличка щелкнул кнутом и тронулся в путь. Он оглянулся, посмотрел, как разгорался его дом, и сказал:

— Сгори и ты там, печисть эдакая. А участок земли я еще, авось, продам.

— Ха-ха-ха! — отозвался кто-то на задке телеги.

Пáличка оборотился — черный куренок! Сидит, хлопает крыльями и поет:

Переезжаем, переезжаем,
новую хату себе выбираем!

Кума Пáличка словно громом поразило. Что теперь делать он не знал. Потом ему пришло в голову, что, может быть, домовый сам отвяжется, если его хорошо кормить. Пáличка велел жене давать Рáрашу каждый день много молока и три ковриги хлеба. Домовому жилось припеваючи, но не похоже было, чтобы он собирался уйти от Пáлички.

Однажды вечером батрак приехал с поля, видит на ступеньках лежат три ковриги, что работница положила для домового. Батрак был голоден, взял одну ковригу и съел. «Лучше, — говорит, я съем,

чем эта нечисть». Но, глядь, Рáраш уже сидел у него на спине и кричал:

Раз коврига, два коврига,
третью ты сожрал, ворюга!

И при этом потчевал парня такими тумакками, что тот потом долго ходил в синяках.

Пáличка узнал об этом утром: он пошел будить батрака и нашел его таким избитым, что тот едва мог двигаться.

Батрак рассказал Пáличку, как было дело, и Пáличек пошел к домовому просить его уйти из дома, иначе у него, Пáличка, ни один работник не станет служить.

— Хе-хе-хе! — захихикал Рáраш:

Верни меня, откуда взял,
скучать не буду, чтоб ты знал.

Пáличек тотчас одел армяк и понес Рáраша в поле под грушу, где нашел его. С тех пор Рáраш оставил его в покое.

II

В Либсницах, в овчарне, тоже жил домовый, здесь его звали Шетек. На вид это был маленький мальчишка, только на руках и ногах у него коготки.

О нем рассказывали много забавных историй. Шетек любил дразнить собак, кошек и индюков, любил насолить пастухам и батрачкам. Если они, бывало, тайком озорничали, Шетек всегда их выдавал. Работники его терпеть не могли, но боялись, а хозяин овчарни не давал его в обиду, потому, что за все вре-

мя, что Шетек жил в овчарне, ни одна овца не заболела.

Зимой Шетек обычно сидел на печке и грелся. Когда работница приносила в избу лохань с мякиной, Шетек прыгал с печи прямо в лохань и кричал: «Прыг в мякину!». Однажды, он на этом здорово обжегся. Батрачка, как обычно, внесла лохань, но налила туда кипятку и только сверху посыпала мякиной. «Прыг в мякину!» — закричал Шетек и прыгнул в лохань, но тотчас выскочил оттуда, крича и корчась от боли. Все кругом смеялись так, что стекла в окне звенели. Но Шетек отомстил девушке за это. Однажды она лезла на стремянке на чердак, а Шетек взял да и запутал ее в стремянке так, что ей пришлось звать на помощь, чтобы ее выпростали.

Летом овечьи пастухи спали на чердаке. Раз туда залез Шетек и, стоя на стремянке, стал дразнить собак, лежавших под навесом, он протягивал к ним то одну, то другую ногу и приговаривал:

Одна ножка, две ноги,
ну, и попробуй, ухвати!

Собаки прямо из себя выходили. Батракам надоело, что Шетек не дает им спать, один из них встал, взял сноп соломы и бросил в Шетека. Тот свалился со стремянки прямо к собакам, которые так на него и кинулись, что Шетек едва унес ноги.

Парень, столкнувший Шетека, знал, что домовой отомстит ему, был начеку и всячески сторонился Шетека. Но это не помогло. Однажды он пас овец на лугу и присел на копну сена. Вдруг что-то прощумело у него над головой, и не успел парень опомнить-

ся, как сено оказалось вплетенным ему в волосы, да так ловко, что сбежавшиеся на крик косари не могли отцепить его от копны, и пришлось остричь парня наголо. Когда он потом опять вышел на выгон, на дикой груше сидел Шетек, ел морковку и дразнился:

— Безволосый, безволосый!

III

Был еще домовой у приказчицы в Начераде. Вот как он к ней попал. Пришел однажды к приказчику человек и предлагает купить старое ружье. Приказчик не хотел покупать.

— На что мне ружье, что я с ним буду делать? Нету у меня лишних денег.

— Неужто не дадите мне за него три гроша? — уговаривал продавец (домовой всегда продается именно за три гроша).

— Ну, коли просите три гроша, я, пожалуй, заплачу вам даже с лихвой, — сказал хозяин.

Но человек не взял больше. Хозяин купил ружье и повесил его в комнате на гвоздик. Ночью ружье исчезло, а вместо него объявился домовой Шетек.

Шетек обычно лежал за печкой, и его никто не видел, кроме хозяйки и служанки. Но с тех пор как он появился, коровы стали давать такой удой, что прямо на удивление. За это хозяйка Шетека привечала, давала ему каждый день миску сметаны. Шетек лакомился сметаной, жил припеваючи и часто озорничал. Однажды служанка месила в горшке кубан-

ки¹, а домовой сидел рядом. Стоило девушке отвернуться, как он шасть рукой в горшок — и в рот. Девушка заметила, шлепнула его шумейкой и крикнула:
— Проваливай, баламут! Нечего тебе совать лапы в горшок!

Домовой тотчас же отплатил ей за обиду. На сундуке лежали туфли, которые хозяйка купила девушке утром на рынке. Шетек схватил туфли и разорвал их на куски. Работница побежала жаловаться хозяйке, та пришла, глядит, — а туфли опять целы.

Батраки и работницы ничего не могли утаить от Шетека. Стоило кому-нибудь из них отрезать себе кусок масла или сунуть в карман сыр или доярке припрятать крынку молока, как хозяйка уже знала обо всем от Шетека и задавала виновному жару. За это батрачки разболтали по всей округе, что хозяйка держит домового, и люди стали повторять ей это в глаза.

Хозяйку такие разговоры огорчали, и ей захотелось избавиться от Шетека. Но как? Тут ей пришло в голову, что надо позвать того человека, что принес домового, заплатить ему и попросить его убрать Шетека. Человек пришел, велел всюду в доме насыпать муки и начал заговаривать домового. Шетек вопил так, что слушать было страшно, не хотелось ему уходить, но пришлось. На муке были видны следы, словно собачьи лапы, это Шетек шел из комнаты через сени, по лестнице, на чердак до печной трубы. С тех пор хозяйка его никогда не видала.

¹ Чешское народное блюдо из картофеля, молока и муки паподобие клецок.

IV

Кум Пискачек был самым богатым мужиком в деревне. Он владел лучшими пашнями и лугами, дом у него был что хоромы, а амбары ломились от добра. Но, как часто бывает, кто много имеет, тому хочется еще больше. И куму Пискачку захотелось разбогатеть без трудов. Он решил, что заведет в доме домового, и тот будет носить ему деньги. Вот он взял яйцо от черной курицы, зашил его в рубаху под левой рукой и ходил с ним девять дней, не мылся, не чесался, не молился и каждый день переходил девять межей. На девятый день из яйца вылупился домовый.

Тут наступили для Пискачка золотые времена: денег столько, что не знал, куда и деть их. Сносил в своей усадьбе строения, строил новые, покупал все, что придется, ел, пил что душе было угодно, и при том высоко задира л нос (словно хотел схватить зубами звезды). Лошадей своих Пискачек кормил хлебом и поил пивом, когда же приходил к нему нищий и просил христово подаяния, Пискачек сердито ругался и прогонял бедняка.

Но нет радости без горя. Чем спесивее становился богатым, чем больше заносился он перед бедняками, тем сильнее озорничал в его доме Шетек, принося ему убытки и огорчения. Пискачек все сносил терпеливо, ведь Шетек был ему пужен, но с бедными Пискачек был все так же груб и высокомерен. Однажды пришел к нему бедный сосед и попросил в долг четверик ржи. Пискачек на него накричал и отказал наотрез. Сосед, задетый за живое, отпустил замеча-

ние насчет несправедливо нажитого богатства. Пискачек пришел в ярость и спустил на него злого дворового пса, бедняга еле унес ноги. На другой день утром Пискачек поехал на базар, и когда к полдню вернулся домой, жена выбежала ему навстречу, плача и ломая руки: Шетек загрыз их младшего сына в колыбельке.

Пискачек остолбенел, услыша это. Больше всего на свете он любил младшего сына. С тех пор он ходил повесив голову и все думал, как бы избавиться от домового. Однажды он встретил старьевщика Абрагама.

— Нет ли чего-нибудь для продажи, пан Пискачек? Пискачка озарила мысль.

— Найдется, — сказал он, — пойдем со мной.

И через минуту старьевщик выходил из дома Пискачка с периной на спине, радуясь дешевой покупке. Однако же не дошел он еще до ворот, как в перине что-то забилось, старьевщика шатнуло к мусорной яме, и он упал в лужу. Потом неведомая сила потянула его под сарай. — Ай, ай! — закричал старьевщик и, бросив перину, как ошпаренный пустился паутек.

В перине был домовый, которого батрачка зашила туда, чтобы старик его унес. Но не тут-то было. Шетек выбрался из перины и в несколько прыжков снова был на своем привычном месте, сверкал оттуда глазами, скалил зубы. Никто не смел к нему подойти, боясь, что Шетек прыгнет на голову и спуску не даст.

Пискачек хотел посоветоваться с кем-нибудь из соседей, как быть, но каждый его сторонился: даже тот бедняк, которого он выгнал из дверей, не хотел с ним разговаривать.

Пискачек обещал большие деньги тому, кто избавит его от домового. Наконец вызвалась одна старая баба. Она пришла, стала перед Шетеком, очертила, вокруг себя освященным мелом круг и начала заговаривать домового. Шетек надулся, шерсть у него встала дыбом, и он начал перечислять все старухины грехи с самых юных лет. Баба со стыда не знала, куда деться, и убежала. Потом пришел старый охотник, которого считали колдуном. Но и ему не повезло, не справился с Шетеком. Наконец явился какой-то парень, неведомо откуда, никто его не знал. Завидев его, Шетек начал корчиться, потому что ничего не знал о пришельце и не мог его смутить, потом одним прыжком очутился за дверью и исчез.

Обрадованный Пискачек наградил парня. Но на третью ночь вдруг запылал весь двор — дом, хлев, конюшня, амбары — все сгорело дотла, а что не могло гореть — развалилось. Люди, что были на пожаре, рассказывали, что с крыши на крышу летала огненная птица, куда она садилась, там тотчас все вспыхивало. Говорят, это и был домовый.

После пожара Пискачек подсчитал уцелевшее имущество и увидел, что у него осталось ровно столько, сколько было до того, как он решил завести домового.

V

У одного бедного крестьянина стряслась большая беда: градом побило на поле весь урожай так, что и стебля не осталось. Бедняк долго ходил по полю, отчаивался, чуть было рук на себя не наложил. Повстречался ему какой-то человек, остановился и говорит:

— Хозяин, не возьмешь ли меня в работники?

Крестьянин посмотрел на него и ответил:

— Самому скоро есть будет нечего. Видишь, весь урожай пропал. — И указал на опустошенное поле.

— Да возьмите же меня, — просил тот человек, — честное слово не пожалуете!

Хозяин согласился и нанял его. Был это домовый Рáраш.

Когда пришли они домой, батрак и говорит:

— Хозяин, я поеду на мельницу!

— Что же ты будешь молотить? — отвечал хозяин. — Ведь у меня нет ни зернышка.

— Но зато у вас есть солома на сеновале. Одолжите мне двенадцать мешков!

— Ну, коли ты из той соломы что-нибудь наделешь, так поезжай.

Работник пошел, нарезал соломы, нагрузил воз и поехал. Когда приехал он на мельницу, уже совсем стемнело. У мельника было в амбаре двенадцать гарнцев ржи, украденной у крестьян. Утром хотел он везти эту рожь на базар. Домовой пересыпал рожь в свои мешки, а на ее место высыпал свою солому. Потом он смолот, смерил и поехал домой.

У крестьянина было две лошади, но такие плохие, что едва на ногах держались. Однажды поехал тот батрак с другими работниками возить дрова из лесу. Другие работники потешались над ним и его хозяином, что у них такие лошади. Дорога из лесу была плохая, заболоченная, а они подбросили на его воз еще три тяжелых дубовых чурбака. Хотели, чтобы он увяз в болоте. Рáраш и виду не подал, что заметил. Когда же подъехали они к тому месту, где была тря-

сина, батрак пошел за возом, легонько придерживая его одной рукой, и лошади выехали так легко, будто везли пустую телегу. Все же остальные завязли в том болоте, оборвали постромки и провозились до ночи, помогая друг другу. А Рáраш, посмеиваясь, поехал домой.

Вскоре после этого он говорит хозяину:

— Хозяин, не хотели бы вы вместо этих кляч купить лошадей получше?

— Конечно, — отвечал хозяин, — только как?

— Я это устрою, — сказал батрак, и крестьянин согласился.

Батрак пошел, заколол тех кляч, ободрал с них шкуры и понес в трактир. Там было шумно и накурено. На столе стояла свечка и множество стаканов полных и недопитых. За одним из них сидел кожевник.

— Отец, купите эти шкуры! — говорит ему батрак.

— Рад бы купить, да нет с собой денег.

— А я пойду с вами домой, — не отставал Рáраш. — Может, сговоримся.

Кожевник поднялся и пошел. А у того кожевника была красивая жена. Когда муж просиживал вечера в трактире, она тайком приглашала к себе на ужин управляющего.

Управляющий как раз был там, когда кожевник постучался в ворота. Жена его вышла на двор и спросила:

— Кто там?

— Это я, отвори.

Кожевничиха чуть в обморок не упала, но тотчас же опомнилась и говорит:

— Не сердись, муженек, подожди, забыла я в горнице ключ.— Прибежала она в горницу: — Ради бога, барин, прячьтесь скорее, муж пришел.

Пан управляющий спрятался в старом пустом шкафу, а кожевничиха пошла отворять мужу.

Кожевник осмотрел шкуры и говорит:

— Ну, сколько ты хочешь за них?

— Дайте мне за них вот этот старый шкаф.

— Гм. Ну, коли он тебе нравится, бери, пожалуйста! — усмехнулся кожевник.

— Ради бога, муженек, не отдавай этот шкаф, это память о покойной матушке, — если ты его отдашь, исчезнет се благословение!

— Замолчи у меня! Ишь невидаль — старос барахло!

Жена начала кричать, муж рассердился и дал ей подзатыльник, а батрак унес шкаф.

Отнес он его за деревню к мельнице. Колеса на мельнице стучали, а вода под плотиной шумела. Батрак поставил шкаф на перила и говорит:

— Не стоит тебя нести дальше! — И, постучав в его дверцы, добавил: — Слышь, братец, придется тебе поплавать!

Пан управляющий из шкафа стал просить отпустить его и обещал сто дукатов.

— Давай их сюда, — сказал батрак, открыл шкаф, и управляющий выложил ему на шляпу дукаты.

— Благодарю бога, что ты еще так дешево отделался! — сказал ему батрак на прощанье и взял деньги. — В другой раз не лезь в чужие шкафы, а то хуже будет!

Пан управляющий обещал, что никогда больше

к кожевнику не пойдет. А Рáраш взял шкаф и отнес его назад к кожевнику.

— Чтобы сердце хозяйки кровью не обливалось, я вам принес шкаф обратно, раздумал я. Дайте мне лучше денег или отдайте назад шкуры.

Кожевник с ним сторговался и ушел в комнату за деньгами. А батрак шепнул хозяйке:

— Скорлупка пуста, ядро чорт выел.

— Ради бога, скажите, не сделали ли вы ему чего-нибудь худого?

— Не сделал, но сделаю, если вы еще впредь будете шкафы от мужа запирать, — отвечал батрак.

В это время пришел кожевник и выложил деньги на стол...

— И хорошая же у вас жена, хозяин, — говорит ему батрак. — И зачем вы только в трактир ходите, если дома жена цыпленка жарит? Сегодня она его тоже зажарила, да вот боится, что вы рассердитесь.

— Гм, зачем сердиться? — ответил кожевник. — Неси-ка его сюда, жена!

— Идите-ка, хозяйка, несите цыпленка!

И кожевничиха должна была принести цыпленка, которого она зажарила для пана управляющего. Муж был рад, что жена его так привечает, и решил больше в трактир не ходить. А жена была рада тому, что так легко отделалась, и поклялась никогда больше не жарить цыплят тайком от мужа.

Так Рáраш добыл крестьянину деньги. Крестьянин купил молодых коней, поправил хорошенько свое хозяйство, и пока жил у него тот работник, никогда ни в чем не нуждался. Батрак же был к тому и в еде непривередлив и ел все подряд, кроме гороха.

П Р И М Е Ч А Н И Я А В Т О Р А

Б У К Е Т

Предание о происхождении *materi doušky* (богородичной травы, или тимьяна) в том виде, как оно приводится здесь, бытует в бывшем Клатовском округе в Чехии и возникло, по-видимому, из простого толкования самого слова *m:teri douška* (душа матери). В этом нас убеждает и польское название растения: *maciewza-duszka* (материнская душа), или попросту *macievzanka*. У югославов его называют «материна душица». В старославянском языке его называли просто «душица». Этим словом пользуются иногда и русские.

К Л А Д

Предание, легшее в основу этой баллады, в различных вариантах известно и в других местах Европы. В древней чешской литературе мы встречаем его в легенде о св. Клименте. Троян. римский император, приказал св. Климента утопить в море, предварительно привязав к горлу морской якорь. Как рассказывает эта легенда, каждый год, начиная со дня его смерти, на целую неделю море в том месте на три мили расступалось, люди шли туда посуху и находили там чудесный мраморный храм, а в нем тело св. Климента в прекрасной гробнице. Однажды в этот храм, уже на седьмой день, как расступилось море, пришла женщина с ребенком. И в то время,

как дитя уснуло, море вдруг заревело, возвращаясь снова. Тут женщина вместе с другими людьми в страхе бросилась к берегу, забыв о ребенке. Придя в себя уже на берегу, она вспомнила о малютке, стала звать его и, плача, долго смотрела на море в надежде, что волны выбросят к ней на берег хоть труп младенца. Потеряв надежду дождаться ребенка, она вернулась домой и весь год провела в печали. На следующий год, как только море расступилось снова, она самая первая побежала к гробнице св. Климента. Там, в храме, она нашла свое дитя спящим на том же самом месте. Она разбудила ребенка и, радостно прижимая к себе, спросила, что он делал весь этот год? Ребенок же ответил: «Не знаю, я спал только одну ночь».

Хор Христовы страсти славят. — Рассказывают, что на страстную неделю в то время, когда в костеле поют страсти Христовы, открываются все земные клады: на этом поверьи основано это предание.

С В А Д Е Б Н Ы Е Р У Б А Ш К И

Это предание рассказывают в Чехии в двух различных вариантах. На эту тему сохранились и остатки народных песен. В одной из них говорится, как покойник зовет девушку с собой следующими словами:

Vstaň se má milá! vstaň se šncrovat
čas můj uchází, nemám kdy čekat;
můj kůň je rychlý ják strelná rána,
ujede s námi sto mil do rána

Вставай, моя милая! Вставай, собирайся,
Время мое уходит, некогда ждать,
Мой конь, быстрый, как стрела,
Унесет нас до утра на сто миль.

Предания и народные песни, в которых рассказывается о том, как покойник, встав из гроба, пришел за девушкой, любимой им при жизни, известны почти у всех славян и у других

народов. Сербы поют песнь о том, как умерший Иован приехал на коне за своей сестрой Елицей. В словацкой легенде рассказывается, как девушка призвала к себе своего мертвого милого, варя в каше мертвую голову, которая при этом говорит человеческим голосом: «Приди, иди, иди, иди!» У украинцев поется песня, похожая на сербскую. На русской легенде создано стихотворение Жуковского, а Мицкевич воспроизвел в своем стихотворении польскую или литовскую легенду. Немецкая Ленора Бюргера так же широко известна. В народной шотландской песне поется о том, как умерший Вильгельм пришел за своей милой Маргаритой; а в старинной английской песне говорится о том, как юноша, погибший в бою, отвез свою любимую сестру, по имени Гвенноляйк, с собою на тот свет. Это удивительно широкое распространение одного и того же предания среди народов, разобщенных между собою расстоянием и языками, указывает на глубокую его древность.

З О Л О Т А Я П Р Я Л К А

Эта легенда обработана и в сборнике сказок Божены Немцовой в первом выпуске. Кроме того, она известна и среди южнорусских сказок.

Подай мне, мальчик, живой воды. По народным поверьям, живая вода означает собственно летнюю воду, текучую, а мертвая — зимнюю воду, лед. В народных славянских преданиях живой воде приписывается сила, способная оживить всякое истлевшее тело, которое будет погружено в нее. В русских преданиях между живой и мертвой водой приводится такое различие: мертвая вода срачивает рассеченное тело, а живая вода его снова оживляет. Так народное воображение объясняло общие свойства воды: подкрепляющие и оживляющие.

С О Ч Е Л Ь Н И К

Хозяину — рождественскую булку, коровам — остатки (ужина) и т. д. — По народным поверьям, хозяину дарят в сочельник булку или пышку, чтобы в будущем году в хозяйстве было всего

вдоволь и особенно чтобы уродились хлеб. Коровам дают остатки от ужина, чтобы они хорошо доились. Петуху хозяйка дает головку чеснока, чтобы был бойчее, а курицам бросает горсть гороху, чтобы песли много яиц. Рыбы кости, которые останутся от ужина, закапывают под плодовые деревья, чтобы в будущем году был хороший урожай. А так как в этот день до самого вечера соблюдают строгий пост, детям, которые постятся, обещают, что они во сне увидят золотых поросяток.

«Злые Веды». — Древнечешское слово *Věda* (сравните с русским «ведьма» и «ведунья» и с польским *widma*, «видма»), означает вещунью, чародейку и происходит от слов *viděti* или *věděti* (видеть, ведать). У сербов сохранилась память о нем в слове ведогоня; иначе теперь сербы называют ее вообще «вештица» (вещунья). В старославянском языке есть слово «вѣдец», то есть тот, кто что-нибудь ведает, знает; в современном чешском языке это понятие выражает слово *ználec*, но в женском роде попрежнему бытует слово *věda*.

Г О Л У Б О К

*На дубовой ветке
белый голубочек*

В славянских народных песнях и преданьях часто рассказывается о том, что душа праведника или прощенного грешника после смерти принимает подобие белой голубицы. И чем более грешен был человек, тем темнее его душа-голубица. Иногда же душа грешника принимает подобие другой птицы. Душа злодея, по народному поверью, превращается в черного ворона.

З А Г О Р Ж Е В О Л О Ж Е

Это предание известно у чехов, поляков и лужицких сербов. Чешское имя Загорж в польской легенде заменяется польским именем Мадей (*Madej*), а в лужицкой именем Липскули-

ян. Содержание и направление этой легенды указывает на то, что она существует со времен раннего христианства.

Пусть его стиснет адская дева!—Чешские летописцы упоминают о действительно существовавшей казнящей машине, которая называлась «*železná rapna*» (железная дева). На ней казнили шляхтичей, которых суд не хотел отдавать в руки палачей. Такая же железная дева стояла когда-то также в зале Белой башни в Праге.

Две голубицы белых вспорхнули— см. примечания к предшествующей балладе «Голубок».

В О Д Я Н О Й

Существует немало народных преданий, рассказывающих о том, что сказочные водяные существа, будучи не в силах отомстить человеку, вымещают злобу на своем потомстве. В одном из таких преданий говорится о том, как лесной великан, похитив себе в жены простую смертную девушку, продержал ее у себя семь лет, а потом, когда она убежала от него, он из мести к ней растерзал своих детей, прижитых с нею. Такое же предание известно у лужичан.

*Муж мой ходит — спаси боже!
мокрый и по суше.*

Как гласит легенда, водяного можно отличить от обыкновенных людей, кроме иных признаков, еще и тем, что у него всегда с левой полы платья капает вода.

*Под водою прячет в крынки
человечьи души.*

Пузырьки, которые иногда поднимаются со дна глубоких прудов и озер так, как будто бы кто-нибудь внизу в глубине поворачивает опрокинутый горшок и выпускает из него воздух, послужили поводом к поверью о том, что водяной на дне собирает души утопленников под опрокинутые горшочки.

У чехов существует поверье, что будто возвращающимся с того света дают напутствие не обнимать и не целовать никого на этом свете, иначе земная любовь окажется сильнее неземной и можно забыть и утратить все, что было дорогим на том свете.

В Е Р Б А

Это предание мне кажется наиболее важным потому, что я не нахожу ему подобных ни у славянских народов, ни в другом месте. Конечно, существуют легенды, где говорится о том, как человек превращается в дерево или в какой-нибудь иной предмет и наоборот. Есть и такие легенды, в которых рассказывается о том, что человеческая душа ночью, пока тело лежит во сне, как мертвое, переселяется в мышь, птицу или змею. Но другого предания, где бы человек делился своею жизнью с деревом или с каким-нибудь другим предметом так, что ни человек без этого предмета, ни предмет без человека не могли бы существовать, мне более неизвестно. Единственный пример такого предания происходит из бывшего Бьдзовского округа.

*Что назначено судьбою,
не сменить ценой любую.*

Народное поверье гласит: когда рождается ребенок, ночью к нему приходят три Судницы (Sudice), которые решают его судьбу. Одна говорит: «Из него будет то-то и то-то». Вторая ей возражает: «Не то-то, а то-то». А третья после них решает окончательно. Хорваты называют этих волшебниц Rojenice, вместо Rodenice.

*Сидит бабка, дышит тяжело,
воду льет из чашки в чашку.*

Гадание на воде широко распространено у славянских народов.

П Р О Р О Ч И Ц А

С незапамятных времен у чехов излюбленными преданиями были пророчества о судьбах родной земли. Мать династии Пршемысловичей, Либуша, описывается в хронике Козьмы Пражского как прорицательница судьбы своего народа, а в XVI столетии в Чехии вышло уже несколько пророческих книжек о судьбах чешской земли. Две из них—пророчество Сибиллино (Sibillino) и пророчество одного неизвестного слепого юноши — сохранились в народной памяти до сего времени. Кроме этого, существует также множество мелких местных преданий такого же характера. Много лет назад я собрал несколько из таких пророческих местных легенд и задумал соединить их в одну поэму с упомянутым выше названием, но все никак не мог это осуществить. Только шесть из них я привожу здесь в качестве отрывков будущей поэмы, но каждая легенда составляет единое целое.

Виден был муж мне на бреге Велины. — Эта легенда берущая свое начало в бывшем Быдзовском округе, основана на упоминании Космака по рассказу Гайка. Как рассказывает Гайек, послы, придя от Либуши к Пршемыслу Стадицкому, нашли его на поле погоняющим своих волов палкой. Он пахал и спешил скорее закончить работу. Когда послы передали ему поручение сейма, Пршемысл остановился, воткнул свой посох в землю и, отвязав волов, сказал им: «Ступайте туда, откуда пришли». Волы поднялись в воздух, точно взлетели, и упали около села Стадице на скалу, которая их поглотила. Ореховая же палка, которую Пршемысл воткнул в землю, пустила три больших отростка с зелеными листьями и продолговатыми орехами. Пока послы, усевшись с Пршемыслом, как за железный стол, за перевернутый плуг, ели хлеб и пили воду, два из этих отростков завяли, а третий рос дальше вверх. Видя, как удивились этому послы, Пршемысл сказал им: «Не удивляйтесь и знайте, что многие из моего рода будут тут княжить, но только один будет царем в нашей земле. А если бы пани ваша с этим делом не поспешила, я бы допахал это поле и в стране бы всегда было много хлеба. Но теперь будет в стране голод!» Неудивительно, что эти последние слова должны были пробудить в сердце простого народа тай-

ную мечту: «Ах, если бы Пршемысл допахал свое поле!» Со временем из этого могла возникнуть легенда о том, что придет слова князь, который завершит это дело, чтобы земля была счастлива. С этим удивительно перекликается моравское предание о короле Ечминке, которого ожидают как воплощение Святополка, надеясь, что с ним наступит для Моравии золотой век. Обе эти легенды имеют один и тот же смысл, а именно: что страна счастливо расцветет тогда, когда она прославится плодородием.

Визу скалу над рекою кипучей. — Это предание является как бы устным придатком к предсказаниям Либуши об основании Праги и о пришествии св. Вацлава и св. Войтеха. В нем рассказывается о том, что около Вышеграда были чудесные воздушные сады Либуши, подобно сказочным садам королевы Семирамиды, а внизу, под скалой Вышеградской, там, где теперь самое глубокое место Влтавы, была любимая купальня Либуши. Однажды Либуша стояла на пороге своей купальни и, глядя на течение воды, предсказывала несчастья, которые должны были обрушиться на Чешскую землю. Не в силах предотвратить их, она утопила в воде золотую колыбель своего первородного сына и решила так, что эта колыбель выплывет снова, когда родится тот, кто сделает Чешскую землю снова счастливой. В той колыбельке будет почивать этот вершитель судьбы. Так говорит предание. Все древние чешские летописцы начиная с XV ст. называют таким спасителем и отцом отечества императора Карла IV, в царствование которого, говорят, была Чешская земля счастлива и славна, как никогда раньше.

Эта легенда была создана еще до XV в. В народных преданиях об императоре Карле IV мы встречаемся с той же самой колыбелькой, которая с его годами превращается в ложе, как будто вырастая вместе с ним. В одном из преданий говорится о том, что после смерти императора Карла IV это чудесное ложе осталось в его замке, Карлове Тыне, и что оно никого не выдерживало на себе, а всех, кто пытался лечь на него, сбрасывало наземь. Наконец описываемая выше легенда о золотой колыбели под Вышеградом была известна Гормайеру, который напечатал ее тридцать лет назад.

*Не обвиняйте в несчастных судьбинах,
камни и кремни, жестокость ее...*

Предание рассказывается во многих местах Чехии и, смотря по обстоятельствам и остроумию рассказчиков, передается по-разному. Под храмом можно понимать наш литературный язык, а под тремя дверьми: Чехию, Моравию и Словакию.

Вы, кто отцов своих славных делами. — Половина богатыри на колонне Пражского моста — это остаток статуи. Она изображала усатого рыцаря в полном вооружении, с открытым забралом. Его кривые руки опирались о длинный обнаженный железный меч, доходивший ему до бороды. В левой руке он держал щит со староместским знаком (Старе Место — часть Праги), у ног его лежал лев. Лев и щит эти сохранились до сих пор. Знак на щите, о котором говорилось выше, был сделан лета 1475 и помечен императором Фридрихом III, и потому можно считать, что статуя эта более позднего времени, чем эта дата. Это собственно был знак мостового права, которое даровал Старому Месту император Карл IV. Народ называл эту статую просто Брунцвиком, помня, наверное, о переведенной с немецкого языка хронике о Брунцвике, где этот легендарный герой изображался с мечом и львом. При осаде Праги шведами в 1648 г. неприятельское ядро снесло половицу статуи вместе с мечом. Остались лишь ноги, часть торса и лев. Так ее можно видеть и в наши дни. Эта нижняя часть статуи вошла в предание как наглядный символ эгоизма и напыщенной самовлюбленности, которая царит в наше время повсюду, и в знак того, что не может быть хорошо людям, пока чуткое сердце и здравый разум не займут своего места.

КОММЕНТАРИИ

БУКЕТ ИЗ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЙ

«Букет из народных преданий» должен был выйти к 1 января 1853 года, то есть к Новому году, чем усиливалось символически-пророческое значение сборника и его политическая направленность (см. предисловие и примечания ниже). По вине издателя выход книги задержался до февраля 1853 г. Из 12 стихотворений, вошедших в сборник, многие в разное время и в различных изданиях были опубликованы раньше.

Второе издание «Букета» состоялось в 1861 г. Книга была дополнена отделом «Песен», а также балладой «Лилия» и вышла на этот раз под названием «Букет из стихотворений Эрбена».

Третьим изданием сборник вышел в 1871 г., вскоре после смерти Эрбена.

Б У К Е Т

Это вступительное стихотворение, образно характеризующее народное творчество как выражение души народа, создано Эрбеном в конце 1851—начале 1852 г. Отправным моментом в работе над стихотворением явилась народная сказка «О Матери-Дружке и Вратиче», запись которой сохранилась в бумагах Эрбена. Сказка повествует о королеве и ее дочери, отличавшихся необыкновенной добротой к поддан-

ным. После смерти королевы ее дочь в память о матери стали звать «Матери-Дружкой». В сказке рассказывается о любви «Матери-Дружки» к Вратичу и кознях злого колдуна. Когда «Матери-Дружка» умерла, ее похоронили в поле, на меже, где она в последний раз встречалась со своим возлюбленным. На могиле выросли маленькие благоуханные цветы. Эрбен заимствовал из сказки только мотив цветов, вырастающих на могиле, придав ему общественный смысл. Имя Матери-Дружки он переделал на «Душа матери» (подлинное название одного вида полевых цветов).

К Л А Д

Баллада написана в 1837 г., напечатана в 1838 г. в альманахе «Весна», рочник 21, стр. 129—151. Источником, кроме легенды о св. Клименте, указанной Эрбеном в примечаниях к «Букету», послужило народное предание «Клад», опубликованное И. К. Лыготой в «Смеси» Пражской газеты (1833 г., № 19, 17/III). Стихотворение ближе к этому преданию, чем к указанной Эрбеном легенде. Эрбен помнил также рассказы о зарытых кладках, слышанные им в детстве.

С В А Д Е Б Н Ы Е Р У Б А Ш К И

Баллада впервые появилась в литературном приложении к «Венку» за 1843 г., стр. 114—123. В подзаголовке было указано: «Народная сказка». Непосредственным источником при создании стихотворения послужила легенда, записанная Эрбеном у себя на родине, в Милетине. Кроме того, Эрбен хорошо знал целый ряд народных баллад вампирического содержания, включенных им в сборник «Чешские народные песни». У нас тот же сюжет дважды использовал Жуковским, у поляков — Мицкевичем. От аналогичной баллады Бюргера стихотворение Эрбена отличается благополучной развязкой. В благополучных концовках ряда чешских народных преданий на эту тему Эрбен видел пример того, как даже в поверьях и преданиях о мертвецах сказывается нравственная сила и «здоровый дух» народа.

ПОЛУДНИЦА

Первая редакция стихотворения возникла еще в 1834 г. Стихотворение было опубликовано впервые в 1840 г. в «Деннице», т. 1, вып. 4, стр. 236.

ЗОЛОТАЯ ПРЯЛКА

Стихотворение создано около 1844 г., опубликовано впервые в «Букете». Источником стихотворения явилась народная сказка, переданная Эрбену чешской писательницей Боженой Немцовой (сказка опубликована в «Собрании сочинений» Б. Немцовой, т. XIV, Прага, Квасничка и Гампль, 1930, стр. 10—18). Божена Немцова обработала эту сказку в прозе (там же, т. VI, стр. 7—20).

СОЧЕЛЬНИК

Стихотворение написано в 1848 г., опубликовано в «Цветах и плодах» в том же году (19 августа), стр. 161—163.

ГОЛУБОК

Стихотворение опубликовано впервые в «Люмире», 1851 г., февраль, стр. 49—50.

ЛОЖЕ ЗАГОРЖА

Еще от 1836, 1837 и 1843 гг. остались наброски поэмы «Загорж». «Ложе Загоржа» было написано Эрбеном в 1851—1852 гг. и впервые опубликовано в «Букете». Работая над «Загоржем» и «Ложем Загоржа», Эрбен шел от легенды, которая рассказывала о бедняке, продавшем дьяволу душу своего сына, о путешествии юноши в ад за заемным письмом, о встрече его с разбойником Загоржем, который не трогает юношу с тем,

чтобы тот по возвращении рассказал об адских муках; затем повествуется о возвращении юноши и искуплении разбойником своих страшных преступлений.

Судя по наброскам «Загоржа», вещь замышлялась сначала как стихотворная романтическая новелла о таинственном и страшном злодее. Несомненно, в этом факте сказалось влияние другого чешского поэта-романтика К. Г. Махи (см. предисловие). Работа над произведением шла в основном по линии преодоления романтики тайн и ужасов.

В О Д Я Н О Й

Баллада относится к 1853 г. Впервые напечатана в «Букете». Источником стихотворения послужил целый ряд народных рассказов о водяном, записанных Эрбеном.

В Е Р Б А

Баллада создана в 1853 г., напечатана впервые в «Букете».

Судицы. В мировоззрении древних славян Эрбен значительное место отводил вере в судьбу. В *Судицах*, или *Ведах* (от «ведать»), он попытался гипотетически воссоздать славянских богинь судьбы. Этому вопросу посвящена целая работа Эрбена «Веды или Судицы». При всей своей ненаучности (с нашей точки зрения) теоретические построения Эрбена отличаются большой поэтичностью, о чем свидетельствуют, между прочим, и его сказки, среди персонажей которых также находим Судиц.

Л И Л И Я

Стихотворение создано в конце 50-х гг., напечатано впервые во 2-м издании «Букета», в 1861 г. Основной мотив стихотворения заимствован Эрбеном из одной сказки, оказавшей некоторое влияние на балладу «Свадебные рубашки». В сказке повествуется о том, как умерший возлюбленный является к девушке и увозит ее на кладбище. Убедив от мертвеца, девуш-

на умирает. Ее хоронят в поле. На могиле вырастает лилия. Один дворянин срывает эту лилию и, возвратясь домой, втыкает ее за икону. Ночью цвет превращается в девушку. Владелец дома жепится на ней. Однако через 7 лет жена его, зайдя в запретное место, умирает.

Д О Ч Е Р Н Е Е П Р О К Л Я Т Ь Е

Стихотворение напечатано впервые в «Пражской газете» за 1852 г., № 292, 9/XII.

П Р О Р О Ч И Ц А

Стихотворение впервые опубликовано в «Букете» и является ключом к пониманию сборника. Создавалось оно по частям, часть четвертая (о Либушином полку) включена в стихотворение лишь в 1861 г., часть 2-я и 3-я написаны в 1849 г., часть 1-я, 5-я, 6-я, 7-я — в конце 1852 г.

Стилизация под прорицание и использование общеизвестных в Чехии легенд позволили Эрбену создать политическую аллгорию (сборник вышел в годы жесточайшей «баховской реакции», наступившей после 1848 г.). Легенды, использованные Эрбеном, сами по себе носили ярко выраженный национальный характер, возвращали читателя ко времени независимости и расцвета Чехии, — в стихотворении же они приобретают политический смысл. Стихотворение в целом является призывом верить в освобождение Чехии.

Легенды, на которые опирался Эрбен, создавая стихотворение, изложены им в примечаниях к «Букету». Подробнее с ними можно ознакомиться по книге чешского писателя Алоиса Ирасека «Старинные сказания чешского народа». Книга дважды была издана на русском языке: в 1899 г. (перевод М.Л. Лялиной) и в 1943 г. (сокращенное издание под ред. проф. Зд. Нездлы).

Самая форма стихотворения-прорицания связана в какой-то степени с преданием о легендарной чешской княжке и прорицательнице Либуше. В предании, дошедшем до нас через чешские хроники, рассказывается о мудрости Либуши, о ее

пророчествах, а также о призвании на чешский престол Пршемысла «рыцаря от плуга» — «от железного стола» (см. примечание Эрбена).

Тяжелые времена — имеются в виду годы жестокой «баховской реакции».

Сухая ветвь. — Говоря о «сухой ветви», Эрбен, по всей видимости, имел в виду Словакию, за сближение которой с Чехией он стоял.

Колыбель Либуши. — Под колыбелью Либуши, по свидетельству чешских писателей Неруды и Галека, ссылающихся на слова самого Эрбена, Эрбен понимал «золотой чешский язык» и «историческое самосознание чешского народа», призванное спасти родину.

5-я часть стихотворения — об утонувшем монастыре и блуждающем колоколе — восходит к народному преданию, записанному Эрбеном в 1840—1842 гг. В этом предании рассказывается о монастыре, погрузившемся в озеро, когда для страны настали тяжелые времена. Монастырский колокол был обречен блуждать под землей, пока не наступит свободный «золотой век». На берегу озера, где раньше стоял костел, выросла ель. Когда эта ель состарится и сгниет, на месте пня будет виден колокол.

Призыв ходить в храм «через одни врата» — призыв к единению чехов, моравян и словаков в борьбе за национальное освобождение Чехии.

С Т И Х И

З В И Ч И Н С К И Й С О Н Е Т

Стихотворение написано на каникулах, летом 1830 г.

П Е С Н Ь О П О Б Е Д Е У Д О М А Ж Л И Ц Л Е Т А 1431

Стихотворение было опубликовано впервые в альманахе «Май», рочник 4, 1862 г., стр. 265—267. Из цензурных соображений Эрбен указал в примечании, что песнь взята из старой рукописи.

Кардинал — Юлиан, папский кардинал и дипломат, организатор походов против гуситов. В 1431 г. его войска потерпели поражение под Домажлищами. Чехи захватили ризы, крест и другие вещи самого кардинала.

Г О Р Е Ц - Ч Е Х

Стихотворение написано в 1834 г. Положено на музыку и опубликовано Иос. Ворелем в 1842 г. в сборнике «3 стихотворения».

О Б Р А Щ Е Н И Е

Стихотворение написано в 1862 г. для «беседы», устроенной любительским театральным обществом в Милетине.

М Л А Д Ш И Й Б Р А Т

Стихотворение было опубликовано впервые в альманахе «Весна», рочник 1-й, 1837 г., стр. 70.

Ф Е Р Д А Ч Е К Н А Ш

Сатирическое стихотворение, являющееся переделкой пародной шуточной песенки «Адамка наш», было написано Эрбеном в 1848 г., в связи со слухами об отречении австрийского императора Фердинанда I (он же Фердинанд V, как его называли в Венгрии: Фердинанд был пятым по счету венгерским королем), которого австрийские правительственные круги заставили отречься от престола, опасаясь его слабости перед революционными выступлениями.

С О Л Н Ц Е Ж И З Н И

Стихотворение создано в 1832 г. При жизни Эрбена не публиковалось.

Н Е З В А Н Ы Й Г О С Т Ь

Баллада создана около 1834 г., напечатана впервые во 2-м издании «Букета».

В Е Ч Е Р

Стихотворение написано около 1834 г. Положено на музыку и опубликовано впервые Иос. Ворелем в 1842 г., в его «сборнике «3 стихотворения».

П Р И З Ы В К Р А Д О С Т И

Напечатано впервые в «Вечерних развлечениях», 1831 г., № 20 (18 апреля), стр. 153.

Е Д И Н С Т В О

Стихотворение опубликовано в 1834 г. композитором Я. П. Мартиновским в сборнике «Пять песен».

З А С Т О Л Ь Н А Я

Стихотворение написано в 1837 г.

Н А В Ы Б О Р Ы

В 1861 г. Эрбену предложили выставить свою кандидатуру в земский сейм. В сейме господствовало немецкое большинство. Поэтому Эрбен отказался от выдвижения своей кандидатуры, а на выборы отозвался стихотворением, которое было напечатано анонимно в «Юмористических листах», № 3, 1861 г., 1-е полугодие, № 20 (16/II). Стихотворение было создано на популярный мотив одной из песенок Иос. Вореля. Ворель добавил к песне Эрбена еще две строфы. Уже в ближайшее воскресенье песенку распевали.

НА ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ ОСВЯЩЕНИЯ ЗНАМЕНИ

Стихотворение написано в 1862 г. по просьбе Иос. Вореля на торжества освящения знамени Бероунского хорového общества «Славош». Положено на музыку Иос. Ворелем.

ДЕВА И МАТЬ

Стихотворение напечатано впервые в альманахе «Незабудки», 1841 г., стр. 19; вошло во второе издание «Букета».

КУКУШКА

Стихотворение написано около 1834 г., при жизни Эрбена не печаталось.

РЕВНИВЫЙ

Стихотворение написано на каникулах летом 1830 г., напечатано в 1831 г., в 6-м выпуске «Чехослава», стр. 3.

ЗОЛОТОЙ ПРЕСТОЛ КРОКА

Повидимому, стихотворение возникло сначала как часть заключительного произведения «Букета» — «Пророчица».

Крок — легендарный чешский князь, отец Либуши.

Хрудош — в соответствии с легендой, — один из братьев, судившихся между собой из-за земли. Недовольный справедливым решением Либуши в пользу младшего брата, Хрудош выступил против княжения женщины, что и послужило поводом к призыванию на престол Пршемысла.

ПЕРВАЯ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Стихотворение напечатано в 3-м роcннике альманаха «Май», 1860 г., стр. 382—386. Вошло во 2-е издание «Букета».

ИЗ НАДПИСЕЙ В АЛЬБОМЫ
И ЭПИГРАММ

«*Вы и я—друзья навеки*»—другу Эрбена Антонину Рыбичке.

«*Будь Москва то, будь то Прага*» — четверостишие, записанное Эрбеном в записную книжку известному русскому ученому-филологу И. И. Срезневскому в 1841 г., когда И. И. Срезневский был в Чехии.

«*Вдали, вблизи ли, друг мой милый*» — П. Весельскому.

С К А З К И

У М И С Ч А С Т Ь Е

Сказка напечатана впервые в «Славянской хрестоматии».

Т Р И З О Л О Т Ы Х В О Л О С А Д Е Д А - В С Е В Е Д А

Сказка была напечатана впервые в альманахе «Май», 1860 г., стр. 187—197, затем в «Славянской хрестоматии».

Судички — см. примечание к балладе «Верба».

Ц А Р Ь Х О Р Е К

Сказка напечатана впервые в альманахе «Май», 1862 г., стр. 110—113, с подзаголовком «чешская народная сказка».

Ч У Р Б А Ш К А

Сказка напечатана впервые в «Славянской хрестоматии».

И Р К А С К О З О Й

Сказка напечатана впервые в «Славянской хрестоматии» «на наречии домажлицких ходов».

Х О Р О Ш О , Ч Т О Е С Т Ь С М Е Р Т Ь Н А С В Е Т Е

Сказка напечатана впервые в «Чешской пчеле», 1844 г., № 39 (14/V), стр. 153—154.

ЛЕСОВИЧКИ

Записи сделаны в 60-х гг.

ТРИ ПРЯХИ

Сказка напечатана впервые в 1844 г. в «Чешской пчеле», 1844 г. № 27 (2/IV), стр. 105—107, и № 28 (5/IV), стр. 109—110.

ЦАРЕВНА - ЗОЛОТОВОЛОСКА

Опубликована впервые в альманахе «Май», 1859 г., стр. 113—121, затем в «Славянской хрестоматии» Эрбена.

ЗАГАДКА

Опубликована впервые в сборнике «Славия», 1873 г.

ДОМОВЫЕ

Из рассказов о домовых I и II были напечатаны в «Славянской хрестоматии», рассказы I, III и IV вышли также раньше в «Золотых колосьях», 1, 1854, № 17 (21/I), 19 (4/II), № 20 (11/VI).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Карел Яромир Эрбен. <i>С. Никольский</i>	3
--	---

БА Л Л А Д Ы

Букет из народных преданий. *Перевел Ник. Ассев*

Букет.	17
Клад.	19
Свадебные рубашки.	38
Полудница.	50
Золотая прялка.	53
Сочельник.	65
Голубок	72
Загоржево ложе.	77
Водяной.	94
Верба.	104
Лилия.	110
Дочернее проклятье.	114
Пророчица.	117

С Т И Х И

Звичинский сонет. <i>Пер. Мих. Зеневич</i>	129
Песнь о победе у Домажлиц лета 1431. <i>Пер. Мих. Зеневич</i>	130
Горец-чех. <i>Пер. Мих. Голодный</i>	133
Обращение. <i>Пер. Мих. Голодный</i>	134

Младший брат. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	137
Фердачек наш. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	138
Солнце жизни. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	139
Незванный гость. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	141
Вечер. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	143
Призыв к радости. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	144
Единство. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	146
Застольная. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	148
На выборы. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	149
Торжество в честь освящения знамени. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	151
Дева и мать. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	152
Кукушка. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	153
Ревливый. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	154
Золотой престол Крока. <i>Пер. Мих. Зенкевич.</i>	156
Первая майская ночь. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	158
Из подписей в альбомы и эпиграмм. <i>Пер. Мих. Голодный.</i>	163

С К А З К И

Ум и Счастье. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	167
Три золотых волоса Деда-Всеведа. <i>Пер. Д. А. Горбов.</i>	172
Длинный, Толстый и Глазастый. <i>Пер. А. С. Гурович.</i>	184
Царь Хорек. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	198
Чурбашка. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	202
Ирка с козой. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	207
Хорошо, что есть смерть на свете. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	213
Лесовички. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	218
Три пряжи. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	223
Царевна-Золотоволоска. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	230
Жар-птица и лисичка-сестричка. <i>Пер. Д. А. Горбов.</i>	240
Загадка. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	259
Водяной. <i>Пер. Д. А. Горбов.</i>	262
Русалка из родника. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	265
Домовые. <i>Пер. Т. М. Аксель.</i>	268
<i>Примечания автора.</i>	282
<i>Комментарии.</i>	291

Редактор *Н. Кислякова*
Технический редактор
Ф. Артемьева
Корректор *А. А. Титольт*

*

Сдано в набор 16 IV 1948 г.
Подписано к печати 3/IX 1948 г.
А07777. Печ. л. 19 + 1 вклейка.
Уч.-авт. л. 10,517. Тираж 20 000 экз.
Формат бумаги 84×108¹/₂.
Заказ № 8068

*

1-я Образцовая типография треста
«Полиграфнига» ОГИЗа при
Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.